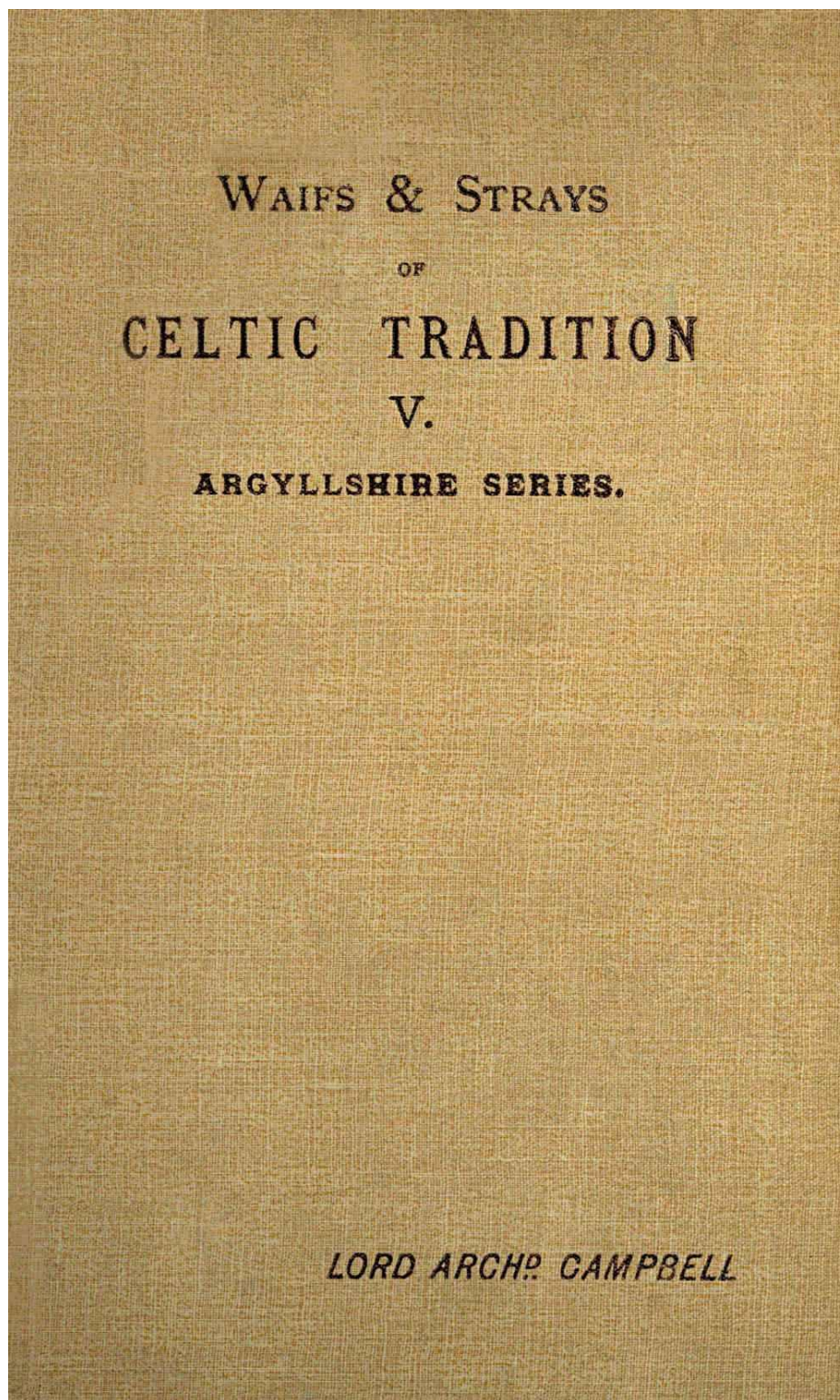

Традиции кланов и популярные сказки Западного нагорья и островов

Джон Грегорсон Кэмпбелл

The Project Gutenberg eBook of Clan Traditions and Popular Tales of the Western Highlands and Islands.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной в Интернете на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Clan Traditions and Popular Tales of the Western Highlands and Islands

Составитель: Джон Грегорсон Кэмпбелл

Автор введения и т. д.: Альфред Трюбнер Натт

Редактор: Дункан Макисаак

Джесси Кэмпбелл Уоллес

Дата выхода: 12 марта 2022 года [eBook #67609]

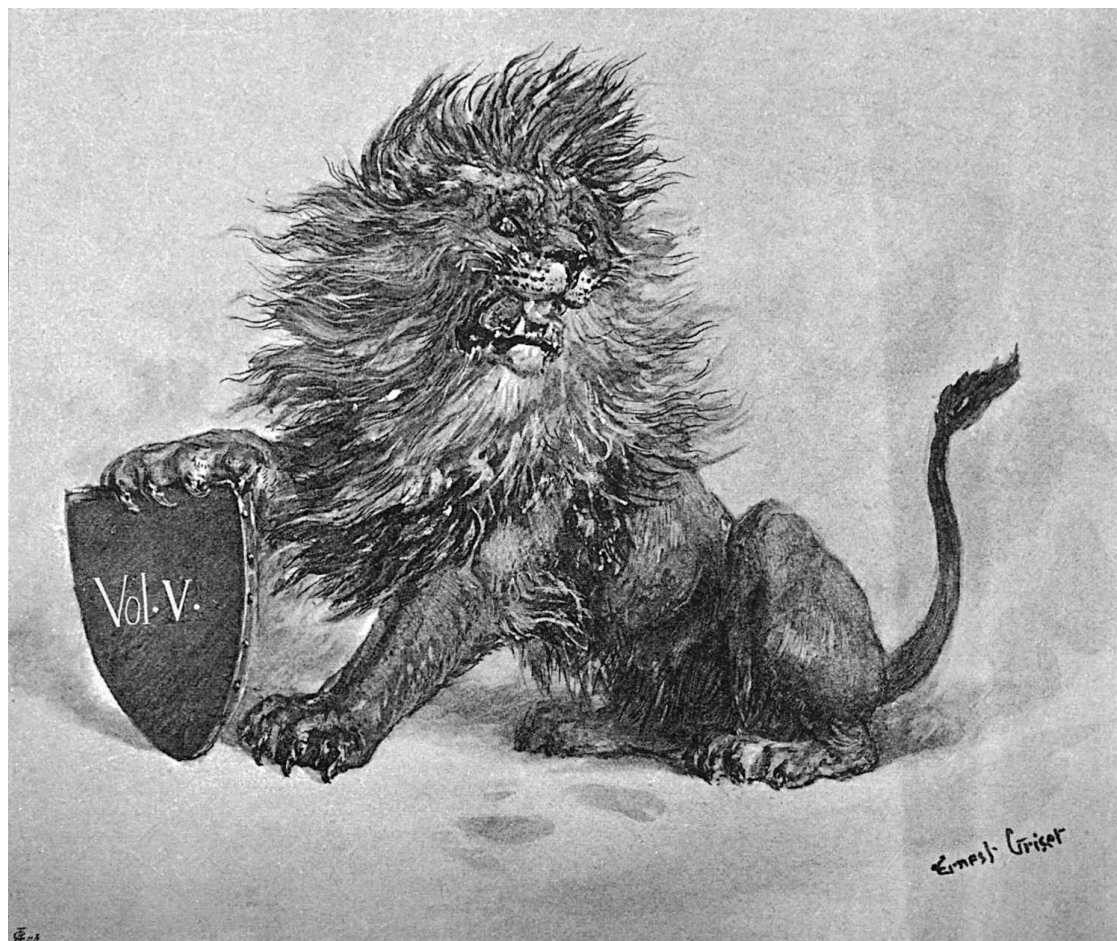
Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: Великобритания: David Nutt, 1895

Кредиты: Сьюзан Скиннер, Томас Фрост и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK CLAN TRADITIONS AND POPULAR TALES OF THE WESTERN HIGHLANDS AND ISLANDS ***

Waifs and Strays of Celtic Tradition.

Серия, созданная по инициативе и под руководством
ЛОРДОМ АРЧИБАЛЬДОМ КЭМПБЕЛЛОМ.

Demy 8vo, cloth.

АРГИЛЛШИРСКАЯ СЕРИЯ.

VOLUME I.

КРЕЙГНИШСКИЕ РАССКАЗЫ.

Собраны преподобным Дж. Макдугалом; и заметки о военной одежде кельтов лорда Арчиальда Кэмпбелла. xvi, 98 стр. 20 иллюстраций. 1889. 5s.

ТОМ II.

НАРОДНЫЕ И ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ.

Собраны, отредактированы (на гэльском языке) и переведены преподобным Д. Макиннесом; с исследованием о развитии оссиановской саги и обширными примечаниями Альфреда Натта. xxiv, 497 страниц. Портрет Кэмпбелла из Айлы и две иллюстрации Э. Грисета. 1890. 15s.

"Самая важная работа по фольклору и сказкам Хайленда со времен всемирно известных "Популярных сказок" Кэмпбелла" -*Highland Monthly*.

"Никогда еще развитие оссиановской саги не рассматривалось с такой научной точки зрения" - Гектор Маклин.

"Экскурсы и примечания мистера Альфреда Натта отличаются ясностью и ученостью. Они значительно повышают ценность книги и служат убедительным доказательством обширной начитанности и глубокой эрудиции их автора" -*Scots Observer*.

"Текст на гэльском языке разговорный и в высшей степени идиоматичный..... Мистер Натт заслуживает особого упоминания и большой благодарности за кропотливое и тщательное исследование, о котором свидетельствуют его примечания к рассказам."-*Oban Telegraph*.

ТОМ III.

НАРОДНЫЕ И ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗКИ.

Собраны, отредактированы, переведены и аннотированы преподобным Дж. Макдугалом; с предисловием Альфреда Натта и тремя иллюстрациями Э. Грисета.

1891. 10s. 6d.

ТОМ IV.

ФИАНЦЫ;

ИЛИ,

ИСТОРИИ, СТИХИ И ТРАДИЦИИ

О

ФИОННА И ЕГО ГРУППЫ ВОИНОВ.

Собрано полностью из устных источников Джоном Грегорсоном Кэмпбеллом (министром Тири); с предисловием и библиографическими заметками Альфреда Натта. Портрет Яна Кэмпбелла с острова Айла и иллюстрации Э. Грисета.

THE LATE REV. ДЖ. Г. КЭМПБЕЛЛ

СТРАННИКИ И БРОДЯГИ КЕЛЬТСКОЙ ТРАДИЦИИ.

КЛАНОВЫЕ ТРАДИЦИИ И НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ ЗАПАДНОГО НАГОРЬЯ И ОСТРОВОВ,

Собранные из устных источников

ПОСЛЕДНИЙ
Rev. JOHN GREGORSON CAMPBELL.
СВЯЩЕННИКА ИЗ ТИРИ.

ИЗБРАННОЕ ИЗ АВТОРСКИХ МС. ОСТАНКИ,
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДЖЕССИ УОЛЛЕС И ДУНКАНА МАК ИСААКА,
С ПРЕДИСЛОВИЕМ АЛЬФРЕДА НАТТА.

ПОРТРЕТ АВТОРА И ИЛЛЮСТРАЦИИ.

ЛОНДОН:
DAVID NUTT, 270-271 STRAND.

1895.

СОДЕРЖАНИЕ.

	страница
Предисловие,	vii
Введение: Альфред Натт,	ix

Мемуары покойного преподобного Джона Грегорсона Кэмпбелла. Его деятельность как фольклориста. Настоящая работа.

Традиции кланов.

Маклины из Дуарта,	1
Смерть Большого Лахлана Маклина,	5
Маклины из Колла,	7
Брауны из Тири,	12
История Мак-ан-Уидхира,	18
Выдержка Вити,	24
Маленький Джон из Белого мешка,	25
Убийство Большого Ангуса из Арднамурчана,	26

Последний набег на скот в Тири,	29
Два пастуха Лохбуи,	32
Финлей Гивнак,	44
Большой Дьюар из Балемартина,	51
Большой Лад из Дервейга,	53
Дональд Горм из Слеата,	59
Дональд Горм из Мойдарта,	62
Черный ворон из Гленгарри,	63
Голова старой жены,	65
Традиции острова Айла,	67
Справедливый Лахлан из Дервейга,	70

Легендарная история.

Принцесса Тира из Ольстера и ее любовники,	74
Гарлата из Харриса,	80

Истории о феях.

Домохозяйка и ее гостя-фея,	83
Мудрая женщина из Дантулма и феи,	86

Народные сказки.

Два брата,	91
Две сестры и проклятие,	95
Как дочь норвежского короля проредила леса Лохабера,	101
Как волосы О'Нила стали расти,	108

Звериные басни.

Волк и лиса,	115
Лиса и птица,	119
Крапивник,	120
Два оленя,	123
Две лошади,	124
Две собаки,	124
Кошка и мышь,	126

Игры для мальчиков.

Король и коршун,	128
Кобыла Парсона пропала,	130
Прятки,	131

Приложение.

I.-Финлей Гивнак,	133
II.- Порт Нан Лонг,	133
III.- Предание о Мораре,	135
IV.-Письма покойного Кэмпбелла с острова Айла,	138

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Те, кто знал покойного Дж. Г. Кэмпбелла из Тири, посчитали нужным и правильным предоставить публике больше рассказов, собранных им, и его сестра составила следующую коллекцию, отобранную ею самой из рассказов, собранных за многие годы. Мы публикуем их как достойный мемориал его памяти и как еще один камень, добавленный к кирхе, с любовью воздвигнутой старыми друзьями. В конце книги вы найдете несколько писем, которые были написаны между покойным министром и покойным Иэном Кэмпбеллом с острова Айла, показывающих методы сбора, которым следовали эти два любителя фольклора своей родной земли, и которые, как следствие, не могут не представлять интереса и ценности для тех, кто следит за сбором народных сказок на Британских островах - мы можем добавить, во всем мире. Эти терпеливые труженики на таких полях были настоящими пионерами этого движения в Шотландии.

Примечания, если не указано иное, принадлежат автору или редакторам; примечания, подписанные A.N., принадлежат мистеру Альфреду Натту; примечания, подписанные A.C., - нижеподписавшемуся.

Арчибальд Кэмпбелл.

11 февраля 1895 года.

ВВЕДЕНИЕ.

Мемуары покойного Джона Грегорсона Кэмпбелла, министра Тири.

[Нижеследующие мемуары составлены в основном на основе информации, предоставленной сестрой мистера Кэмпбелла, миссис Уоллес из Хайниша, благодаря неустанной и участливой помощи которой предыдущий том серии, "Фианы", был подготовлен и прошел через печать, а настоящий том был отобран и собран из массы материалов, оставленных автором].

Джон Грегорсон Кэмпбелл родился в Кингэрлохе, в Аргайлшире, в 1836 году, второй сын и четвертый ребенок капитана Кэмпбелла с корабля "Сигнет" и Хелен Макгрегор, его жены. Любовь к учебе, преданность родной литературе и знаниям, которые были столь заметными чертами его жизни и которые снискали ему устойчивую репутацию изучающего гэльский

язык, по-видимому, достались ему по праву рождения. Его дед по материнской линии был ярим гэллом, о чем можно судить по письмам, которые передавались между ним и доктором Макинтошем. По материнской линии он происходил от Дункана Макгрегора, 13-го по прямой линии от первого Макгрегора, поселившегося в Роро, в Гленлионе, Пертшир, а через предка по отцовской линии он восходил к роду, имевшему дело с "добрыми людьми", и на которых бобовый *сум* наложил заклятие "они будут расти, как камыш, и увядать, как папоротник" (*fàsaidh iad mar an luachair 's crìonaidh iad mar an raineach*).

Дом, в котором он родился на берегу Лох-Линне, был маленьким и одиноким, а когда ему исполнилось три года, родители переехали в Аппин. Его детство было таким же, как у многих молодых горцев. С самого раннего детства он посещал приходскую школу в Страте Аппин, ежедневно проходя со своими старшими сестрами длинный путь, отделявший ее от отцовского дома. Он любил вспоминать свои ранние школьные годы, и память о них всегда была ему дорога. В этой школе он узнал больше, говорил он впоследствии, чем во всех остальных школах, вместе взятых. А на склоне холма и в долине, которую он обходил дважды в день, он проникся любовью к природе и познал ее во всех ее проявлениях, что осталось для него бесценным достоянием на всю жизнь. В десять лет он был отправлен в Глазго для продолжения образования, прошел сначала Андерсонский университет, а затем перешел в среднюю школу, готовящуюся к поступлению в колледж. В этот период мы имеем интересные впечатления о нем. Похоже, он был мечтательным, быстро соображающим, но несколько ленивым парнем, о котором его учителя говорили: "Если Кэмпбелл любит работать, никто не сможет его превзойти"; к тому же он был вспыльчив, как и полагается горцам, справедливо или нет. Будучи единственным горцем в школе, он, несомненно, должен был многое терпеть. Его школьные товарищи из Глазго, вероятно, не питали к горцам такой же симпатии, как и сам Бейли Никол Джарви, и ему приходилось терпеть множество мелких преследований. Он сам рассказывал, как его посадили в тюрьму на несколько часов за то, что он подрался с другим мальчиком "из-за моей страны". Как и все, кто с ранней юности постоянно владеет двумя языками, он понимал, насколько мощным интеллектуальным инструментом является инстинктивное знание двух языков, и не уставал повторять, что гэльский язык помог ему в изучении иврита и латыни. Для человека, знакомого со сложной и архаичной организацией гэльской речи, освоение этих языков действительно должно быть намного легче, чем для того, чье первое знакомство с речью основано на аналитической простоте английского.

Из средней школы он с радостью перешел в колледж, где его ждала более счастливая жизнь и более дружеские отношения. У него было много сокурсников из Хайленда, и уже в раннем возрасте проявилась его любовь к богатым запасам устных традиций, сохраненных его соотечественниками. Он искал знакомства с хорошими рассказчиками и начал хранить в своей чуткой памяти те сокровища, в сохранении и записи которых он принимал столь активное участие.

После окончания колледжа он некоторое время читал право у мистера Фоулдса. В своем одиноком островном приходе юридическая подготовка пригодилась ему как нельзя лучше. Много было споров, которые ему приходилось разрешать, и, как он сам писал, среди его прихожан было немного тех, кому приходилось совершать опасное путешествие в суд шерифа на соседнем острове. Его решения были одновременно судьей и присяжным и вызывали уважение и согласие. В этот период, а также в течение некоторого времени до этого, его интерес к гэльским легендам и владение ими подтверждается тем фактом, что он выступал в качестве секретаря Оссианического общества при Университете Глазго, основанного в 1831 году организацией *Caraid nan Gàidheal* и процветающего до сих пор.

Его мысли и устремления рано обратились к церкви, и в 1858 году он получил лицензию пресвитера Глазго. Но, поскольку он страдал от воспаления легких, возникшего в результате простуды, которую он подхватил в студенческие годы, и последствия которой были заметны на протяжении всей жизни, ему было запрещено проповедовать в течение шести месяцев. Этот перерыв, потраченный на восстановление пошатнувшегося здоровья, был полезен для его растущего рвения к изучению фольклора. В Айршире или в Блэр-Атоле он проявил себя как увлеченный и сочувствующий собиратель плавающих устных традиций.

В 1860 году он принял назначение в объединенные приходы Тири и Колл от герцога Аргайлла и принялся за работу, которая должна была занять оставшиеся тридцать лет его жизни. Хотелось бы, чтобы сфера деятельности, более соответствующая его способностям, была принята им, как, например, когда ему предложили ассистировать в приходе святого Колумбы в Глазго, и, похоже, временами он это чувствовал. Но такие мысли, конечно, не мешали ему исполнять свой долг, понимаемый в самом широком и либеральном смысле. Он был проводником и советчиком своей паствы, которая с неизменным доверием обращалась к нему за советом, увещеванием или обличением. Можно привести забавный пример того, как прихожане верили в его способности: один матрос из Тири ввязался, как водится у матросов, в какую-то ссору в Испании и был отправлен в тюрьму. Он отнесся к этому философски, заметив: "Пока министр жив, я знаю, что они не смогут причинить мне вреда" (*bha fhios agam co fad's a bha 'm ministear beò nach robh cunnart domh*). Уважение и привязанность, с которыми относились к нему прихожане, сердечно отвечали ему взаимностью. Сообщается, что он говорил, что нигде нельзя найти более интеллигентного сообщества, чем арендаторы герцога в Тири, а в предисловии к IV тому настоящей серии он свидетельствует о знаниях, интеллекте и характере своих информаторов.

Мы не ошибемся, если предположим, что ревностная заинтересованность священника в сохранении и разъяснении местных традиций была не самой сильной из его претензий на уважение и любовь своей паствы. О том, как трепетно горцы до сих пор хранят эти слабые отголоски былой славы и горестей своей расы, знают все, кто завоевал их доверие. К несчастью, не всегда эти чувства поддерживались и использовались на благо естественными лидерами народа, как это было с Джоном Грегорсоном Кэмпбеллом.

В руководстве своим народом, в благожелательной учебе, в переписке с Кэмпбеллом с острова Айла и другими соратниками, образцы которой можно найти в приложении (см. 138), проходило время. В 1890 году в поместье умерла его мать, а здоровье, долгое время остававшееся безразличным, подорвалось. Последние годы его жизни были утешены и заполнены работой, которую он готовил для настоящей серии. Наконец, 22 ноября 1891 года он отошел от трудов и страданий на покой, покой того, кто вполне заслужил его преданностью долгу и высшим интересам своей расы.

Внешне Кэмпбелл был высок и красив, с глубокими голубыми глазами, полными жизни и бодрости. Он был отмечен сразу и добротой своих манер, и проницательной язвительностью своего остроумия. Портрет, который служит фронтисписом, сделан с единственной доступной фотографии и изображает его в среднем возрасте.

Его творчество как фольклориста.

Гэлов Шотландии нельзя обвинить в равнодушии к богатым преданиям, бытующим в народе. Со времен декана Лисмора в конце XV века и далее не было недостатка в любителях и записывателях старых песен и историй. К сожалению, в XVIII веке национальный интерес к

расовым традициям получил новое направление благодаря спорам Макферсона. Я говорю "к сожалению", потому что таким образом внимание было сконцентрировано на одном разделе традиций в ущерб другим, не менее интересным и прекрасным, и были введены ложные стандарты в оценке и критике устной народной литературы. Какими бы ценными ни были материалы, собранные в отчете Общества Хайленда и вообще в объемной литературе, выросшей вокруг притязаний Макферсона, они гораздо менее ценны, чем могли бы быть для фольклориста и студента прошлого, из-за неправильного понимания реальных моментов, представляющих интерес и являющихся предметом спора. Должно было пройти два поколения, прежде чем шотландский гэльский фольклор стал изучаться и цениться сам по себе.

Кэмпбеллу с острова Айла и его верным соратникам, которых он умел вдохновлять и организовывать, принадлежит главная доля в этой работе, принадлежит главная честь ее успешного выполнения. Публикация *"Народных сказок Западного нагорья"* стала эпохальной не только для общего изучения фольклора, но и для понимания и осмысления гэльского мифа и романтики. Нет более высокой похвалы Джону Грегорсону Кэмпбеллу, чем то, что его работа по фольклору полна той же бескомпромиссной верности народным высказываниям, той же быстрой интуиции и сочувственного понимания народного воображения, что и у Айли. Его опубликованные работы действительно несколько шире, чем *"Leabhar na Feinne"* и *"Народные сказки Западного нагорья"*, поскольку в них также рассматриваются полуисторические традиции, ближайший эквивалент исландских семейных саг в литературе этих островов, которые Айлей исключил из двух изданных им сборников. Ниже приводится полный список, насколько можно судить, опубликованных работ Джона Грегорсона Кэмпбелла, в той мере, в какой они касаются легендарной романтики, истории и фольклора гэльской Шотландии.

В "Кельтском обозрении" (1881-85).

No. I. p. 61, "Сказка Западного нагорья: как Туайрисгеал Мòр был предан смерти".

" II. p. 115, "Муилеартах: сказка Западного Хайленда"[1].

" III. p. 184, Вест-хайлендская сказка: как Фионн отправился в королевство больших людей[2].

" IV. p. 262, West Highland Tale: Черный пес Макфи.

In the Transactions of the Inverness Gaelic Society.

Vol. XIII. (1888) p. 69, Повесть о сэре Халлабе О'Корне.

" XIV. (1889) p. 78, Исцеление ноги Кейна.

" XV. (1890) p. 46, Выкуп Фионна.

" XVI. (1891) p. 111, Свинопасы или карлики (*Na h-Amhuisgean*).

" XVII. (1892) p. 58, Сын Фуллера или Школа Птиц.

В "Кельтском журнале", т. XIII, (1887-88 гг.).

№ 148, с. 167, Битва при Гавре или Гимн Оскара.

"№ 149, с. 202, до. до. до. до. до. (Продолжение).[3]

Highland Monthly.

Vol. I. No. 10. p. 622, Introduction, &c.

Waifs and Strays of Celtic Tradition.

Argyllshire Series, No. I.: The Good Housewife (p. 54-69).

Argyllshire Series, No. IV.: The Fians: or Stories, Poems, and Traditions of Fionn and his Warrior Band. Собрано полностью из устных источников. 1891.

Представляя свой материал английскому читателю, Кэмпбелл может с пользой для себя сравнить его с Айлой. Мало в чем работа последнего была более плодотворной, чем в его способе перевода гэльского языка на английский. Невозможно, например, взглянуть на работу, сделанную в последнее время выдающимися ирландскими фольклористами, которые добавляют новую главу в гэльскую романтику, на работы Дугласа Хайда, У. Лармини и Иеремии Куртина, и не понять, насколько по цвету, тону и запаху почвы их переводы превосходят переводы поколения до Кэмпбелла. Возможно, временами Айли заходит слишком далеко в своей теории идиоматической верности, иногда там, где он стремится к передаче, он достигает искажения, но в целом эффект странной, дикой, архаичной атмосферы и среды передан безошибочно - можно было бы назвать это мастерством, если бы не чувствовалось, что это результат работы природы, погруженной в гэльские способы восприятия и выражения, и достаточно смелой, чтобы изобрести английский, необходимый для того, чтобы дать их представление. Ведь речь "*Народных сказок*" - это своеобразная разновидность английского языка, заслуживающая изучения как филолога, так и художника слова. Сам Айлей никогда не обращался с этой речью лучше, чем Джон Грегорсон Кэмпбелл, например, в прекрасной сказке о сэре Олаве О'Корне (*Gaelic Soc. of Inverness*, Vol. XIII.) или в *Muileartach* (*Waifs and Strays*, Vol. IV.), хотя, как правило, он держится ближе, чем Айлей, к обычным стандартам английского выражения. Читатели этого тома не могут не отметить, с каким мастерством переведены на английский язык меткие, образные обороты мысли, столь обильные в оригинале. Читатель сразу же вырывается из цивилизации XIX века и, что, безусловно, является первым, что требуется от переводчика, одним лишь звучанием и видом слов переносится в более древнюю, дикую, простую и, тем не менее, в некотором роде, более искусственно усложненную жизнь. Трудность перевода гэльского языка на английский заключается не в том, что он обладает грубой простотой, которую более сложный язык не в состоянии воспроизвести, а в том, что, хотя эмоции и понятия близки к первобытным страстям природы в той степени, от которой наша цивилизация давно отказалась, способ выражения имеет богатство красок и продуманную искусственность узора в Книге Келлс. Пренебречь последней характеристикой - значит упустить не только важную особенность оригинала, но и затушевать значение доминирующего фактора в эволюции гэльского искусства.

То, что Кэмпбелл, как и Айлей, чувствовал первостепенную необходимость в стремлении воспроизвести формальные характеристики своего гэльского текста, несомненно; как и Айлей, он тоже относился к своему делу с уважением истинного ученого. Записывать то, что

он слышал, комментировать то, что он нашел, было его практикой. Это кажется очевидным, но многие коллекционеры все равно этим пренебрегают. В своих интерпретационных эссе он не только полностью сочувствует своему предмету. Он не только понимает, но и сам владеет мифопоэтической способностью, и если она наделена более широкими знаниями, более утонченной культурой, чем та, которой обладали гэльские барды, впервые придавшие этим песням и историям их нынешнюю форму, или крестьяне и рыбаки, с любовью повторяющие их, то она отличается лишь в степени, а не в роде. Можно сомневаться в том, что создатели "*Муилеартах*" сознательно воплотили в жизнь концепции, которые Кэмпбелл вложил в старую поэму (*Waifs and Strays*, IV. pp. 131-135), но мне кажется несомненным, что он лишь придал форму с точностью более высокой культуры идеям, которые вместе с ними никогда не выходили из стадии мифического воплощения.

Настоящая работа.

Большая часть материала, содержащегося в настоящем томе, была частично, если не полностью, подготовлена автором к печати. Выбор и расположение материала во многом обязаны его сестре, миссис Уоллес, его преданной коллеге по работе. Тем не менее не следует забывать, что перед нами собрание посмертных останков, которые не были подвергнуты окончательной доработке и пересмотру автором. Но редакторы серии сочли наилучшим сохранить эти останки в том виде, в каком они были оставлены, с минимумом необходимых изменений. Том может проиграть в других отношениях, но это, во всяком случае, работа автора, а не его друзей-редакторов. Последние сочли, что забота о подлинности текста мистера Кэмпбелла - их первейший долг по отношению к его памяти.

Таким образом, этот том представляет собой скорее содержание записных книжек Кэмпбелла, чем упорядоченное собрание материалов, относящихся к определенному разделу гэльского фольклора, как это было сделано в предыдущем томе этой серии. Но именно по этой причине она лучше подтверждает богатство и разнообразие гэльской народной традиции. Значительная часть книги - это местные легенды, которые в значительной степени аналогичны исландским сагам на одном из этапов их развития, на который наложилось мастерство более великой школы рассказчиков, чем та, которая когда-либо брала в руки саги о гэльской Шотландии. Профессор Йорк Пауэлл хорошо проанализировал этап, через который должны были пройти такие истории, как история о Сожженном Ньяле или сыне Эгиля Скаллаграмма, прежде чем они достигли привычной для нас формы.^[4] Он описывает, как популярный рассказчик собирает массу местных, достаточно достоверных деталей о своем герое, облачает их в общепринятую форму, а затем вписывает результат в схему более широкого исторического масштаба. Гэльские сюжеты, сохраненные как г-ном Кэмпбеллом в этом томе, так и г-ном Макдугаллом в первом томе серии, не вышли за пределы стадии местного анекдота, хотя, как и в вариантах сказок о Гриззли Лэде и Макнейле (стр. 5 и далее), мы можем видеть процесс конвенционализации, подчеркивающий одни детали, отбрасывающий другие, с целью превратить размытое фотографическое разнообразие жизни в четкое единство искусства. Но процесс этот рудиментарен. Странно, что это так, учитывая богатство условных ситуаций, которые лежали наготове у гэльского сказителя в тщательно разработанных сагах о Кухулайнне и Финне, чтобы облечь достижения исторических Кэмпбеллов, Маклейнов и Макнейлов в удовлетворительную художественную форму. Та условность, которая прослеживается в этих обрывках саг, относится скорее к народной сказке, чем к великим героическим легендам. Интересным примером может служить история Мак ан Уидхира. Она вполне может иметь под собой фактическую основу - Кэмпбелл приводит реальный аналог, - но облечена в форму

обычной народной сказки о разлуке и своевременном распознавании. Другие примеры предстанут перед читателем и позволят поучительно изучить действие и реакцию друг на друга народной жизни и устной легенды.

Любой новый момент, добавляемый к значительной массе шотландских местных исторических традиций, заставляет удивляться тому, что материал, столь энергичный и интересный, полный столкновений яростных первобытных страстей, богатый по характеру, должен был получить столь малое литературное воплощение. Материал не уступает исландским сказаниям, но вместо первоклассного вклада в мировую литературу мы имеем лишь хаос неотработанных деталей. А ведь в то время, когда они закрепились и оформились в народной памяти, гэльские сказители, развивая и постоянно переосмысливая старые мифические и героические традиции своего народа, создавали повествования редкого и изысканного очарования. Недоумение усиливается, если, как утверждает профессор Циммер, норманны научились искусству прозаического повествования у ирландцев и развили великую школу исландского сказительства на основе линий, подхваченных в Гэльдоме. Несомненно, что ирландские анналы, повествующие о событиях III-IX веков и принявшие свою нынешнюю форму где-то в X-XII веках, содержат большое количество исторических повествований, близких по форме и духу к современным шотландским гэльским сагам. Здесь есть та же непосредственность повествования, частая живописность происшествий, язвительная характеристика; есть та же неспособность облечь материал в округлую художественную форму, и, что самое любопытное из всех сходств, условности, искажающие исторический факт, характерны скорее для народной сказки, чем для национального героического эпоса. Я бы привел в этой связи некоторые эпизоды из "Боромы"[5] (которая сама по себе является замечательным примером неспособности гэльских сказителей переработать в удовлетворительную форму очень перспективный исторический материал), например, о визите Кумаскаха к Брандубу, или многие отрывки из рассказов о Рагхаллахе и Гуайре. Вся эта тема, как и почти все остальное в летописи гэльского письма, чревата увлекательными недоумениями. Настоящему автору остается только, как он уже не раз делал это раньше, сделать большую заметку о допросе и верить, что ученые-гэлы по обе стороны воды сочтут проблему достойной изучения и сумеют ее решить.

Я отмечаю те моменты, которые интересуют меня как изучающего традиции в целом и кельтские традиции в частности. Для большинства читателей эти обрывки местной истории представляют главную ценность благодаря яркому свету, который они бросают на прошлое, благодаря свидетельствам той дикой, свирепой - я бы даже сказал, дикарской - жизни, от которой нас отделяет так мало поколений. Возможно, кое-кому придется оплакивать прошлое. Возможно, немногие горные помещики будут сожалеть о старых добрых временах, когда Маклейн установил свою виселицу посреди острова Тири, и последний пришедший с арендной платой знал, что его ждет (с. 13). Поистине более эффективное средство получения денег, чем судебный приказ, который шериф не может исполнить".

Оставшаяся часть тома состоит из материалов, относящихся к обычному фольклору; многое уже знакомо, но ценно в хорошей вариативной форме, которая здесь записана, многое вновь ново, как, например, любопытная сказка о принцессе Тире и ее любовниках. В сочетании с предыдущим томом автора в этой серии, посвященным традиции финнов, все еще живущей в Западном нагорье, все это дает верное представление о воображении, памяти и юморе гэльского крестьянина, играющего вокруг старинных верований, историй и обычаев, переданных ему от предков.

Альфред Натт.

Я прилагаю список главных информаторов, от которых мистер Кэмпбелл получил материал, содержащийся в томах IV и V аргиллширской серии "*Waifs and Strays of Celtic Tradition*".

- Малкольм Макдональд, Скарниш, Тири.
- Малкольм Маклин, Килмолуайг, Тири.
- Хью Макдональд, до. до. до.
- Джон Маклин, (бард), Балемартин, Тири.
- Хью Макмиллан, (портной), Тобермори.
- Ангус Маквуррич, Портри, Скай.
- Дункан Камерон, (констебль), Тири.
- Аллан Макдональд, Маннал, Тири.
- Дональд Макиннон, Балевулин, Тири.
- Джон Камерон, (*Иен Макфеархар*), Балевулин, Тири.
- Арчибальд Макиннон, (*Gilleasbuig ruadh nan sgeirean dubha*), Тири.
- Дональд Камерон, Руаиг, Тири.
- Дональд Макдональд, Маннал, Тири.
- Малкольм Синклер, Балефуил, Тири.
- Джон Макартур, (портной), Мосс, Тири.
- Дункан Макдональд, Каолис, Тири.
- Нил Маклин, (старший), Корнаиг, Тири.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Перепечатано The Fians. p. 131-158.

[2] Reprinted The Fians. p. 175-191.

[3] Reprinted The Fians, p. 28-48.

[4] Folk-Lore, июнь, 1894.

[5] "*Борома*", история о дани, наложенной на Лейнстер Туаталом Тэхтмаром во втором веке и отмененной в шестом, была отредактирована и переведена мистером Уитли Стоуксом (*Rev. Celt.*) и мистером Стэндишем Хейзом О'Грейди в "*Silva Gadelica*".

КЛАНОВЫЕ ТРАДИЦИИ.

МАКЛИНЫ ИЗ ДАУАРТА.

Первые Маклейны, Хитрый Лахлан (*Lachunn Lùbanach*) и Пробивной Гектор (*Eachann Reanganach*), пришли в Дунолли к Макдугалу. Он послал им провизию и заставил своих

людей следить за тем, не джентльмены ли они. О том, что они джентльмены, можно было догадаться по тому, как они нарезали сыр или бросали остатки еды собакам. Покинув Данолли, они прибыли в Арос на острове Малл. Слово "Арос" обычно используется для обозначения королевской резиденции или дворца, и лорды Островов, претендующие на независимый суверенитет, стали называть свою резиденцию на Малле Аросом, и это название сохранилось за ней до сих пор. На севере их резиденцией был Дантулм, а в Саунд-Малле - Арос и Ардторниш. Из старого замка Ароса открывается великолепный вид на Саунд, а из Ардторниша - не менее великолепный. Маклейны, приехав в Арос, нашли *Педдла Мора* (пахаря из южной страны *Макконнуиллов*), который прислал им еду, но не дал ни ножа, ни вилки, сказав, чтобы они положили куриные счета (*guib-chearc*), чтобы взять их. Придя к нему, они нашли его склонившимся над устранением поломки в доске (*fàillinn na fliuch-bhùird*), или киле, галеры (*birlinn*), с которой он должен был отправиться на встречу со своим хозяином.

Лорды Островов, чтобы увеличить свои владения, нанимали, судя по названию, очевидно, жителей южных земель на сельскохозяйственные работы, отсюда и название *Peddle*, которое не имеет горного происхождения. Они отрубили ему голову и сами отправились навстречу Макконнуиллу, которого взяли в плен и привели к Макдугалу. Однако тот не захотел ничего делать с пленником. По совету старика они вернулись с пленником к Аросу и получили от него обещание отдать свою дочь за одного из них. Лахлан женился на дочери и получил Дауарт.

Некоторые рассказывают, что Гектор был старшим из двух братьев, и когда Макконнуилл, владыка островов, плавал с дочерью, братья догнали его галеру и, схватив его, сказали: "Предзнаменование твоей поимки настигло тебя" ("*Tha manadh do ghlacaidh ort*"). Он не мог предложить никакого выкупа, кроме своей дочери и земель. Лахлан взял дочь и вместе с ней получил земли Дауарта. Другой получил земли Лохбуйа. Макконнуилл дал в пищу ребенку, родившемуся от брака с Дауартом, Малый Хернискер с его двадцатью четырьмя островами (*Earnasgeir bheag le 'cuid eileanan*). После этого в Ардторнише четвертый или пятый потомок Дауарта попросил у тогдашнего Владыки островов средства к существованию (*màthair bheathachaidh*). Ему ответили: "Перепрыгни стену там, где она ниже всего" ("*Leum an gàradh far an ìsle e*"), в результате чего Ардгур был отнят у Макмастера, который, как известно, в то время не был в фаворе у Владыки Островов, и нападение на его землю было с легкостью заменено на зафрахтованное владение. Предание гласит следующее:

Владыка Островов лежал больной в Ардторнише. Макконнуилл, которого теперь принято называть Макдональдом, претендовал на независимую от шотландской короны юрисдикцию примерно до 1493 года, и многие, если не все, вожди Западного нагорья и островов оказывали ему знаки внимания. В том числе и Макмастер, вождь, или владелец, Ардгура, приехал в это время засвидетельствовать свое почтение. Вентиляции в случае с больными тогда уделялось не так много внимания, как сейчас, и Макмастер, обидевшись на какое-то дыхание из больничной палаты, сказал *Fùich, fùich*, выражая отвращение и обиду. К несчастью для него самого, это неосторожное выражение стало поводом для рукоприкладства и так и не было прощено Макмастеру лордом Островов. В результате, когда лэрд Дауарт, женатый на его ближайшей родственнице, пришел просить средства к существованию (*màthair bheathachaidh*) для ребенка, родившегося от его брака с родственницей Владыки Островов, властитель сказал ему: "Перепрыгни стену там, где она ниже всего" (*Leum an gàradh far an ìsle e*). Юноша или молодой человек уже достиг совершеннолетия, чтобы самостоятельно передвигаться, отец дал ему компанию людей и лодку, и он отправился в Ардгур. Затем произошла битва, и Макмастер был побежден. Один

из сыновей Макмастера, которого прозвали Лисом (*An sionnach*), возможно, потому, что слабость часто стремится защитить себя с помощью своенравия и обмана или любой другой хитрости, которая обеспечит защиту. В эти бурные дни любые подобные средства были более оправданы. После битвы Лис отправился через Корран на материк. Рыбак его отца в то время ловил рыбу неподалеку от паромов в Красной бухте (*Порт-Дир*), и Лис позвал его, чтобы тот перебросил его на другую сторону. Рыбак, носивший громкое имя Карраскалли (*Мак-а-Шарпусглайх*), был глух к его крикам и говорил только, что рыба хорошо берет ("*Gu 'n robh gabhail mhaith air na cudainnean*") или что он потерял весла, и юному Макмастеру пришлось спрятаться в прилегающем лесу. Когда Маклейны пришли на место, Карраскалли сказал, что в лесу все еще прячется лис Макмастеров, и Маклейны преследовали его. До сих пор можно увидеть каирн, или груды камней, где лис был настигнут и убит.

Некоторые говорят, что это был сам Макмастер, а не его сын, который летел после поражения от Маклинов, и его отказался переправить рыбак, и что его сын, которого звали Лисом и который совершил какое-то мошенничество, находясь за границей, был пойман в лесу Инверскаддел и заколот Маклином.

Рыбак, который был плутом не только по имени, пришел к Маклину и заявил, что оказал ему добрую услугу, отказавшись помочь беглецу и указав, что тот все еще находится в лесу. Маклин поставил три весла и сделал из них виселицу, на которой повесил рыбака, или Карраскалли, в бухте палача (*Port-a-chrochaire*), сказав, что если он поступил со своим хозяином так, как сказал, то его очередь может наступить в другой день. И хитрость рыбака, отступающего перед самим собой, перешла в пословицу "Официозность, или дискреционная власть Маккарраскалли, преследующего лису Макмастера" ("*Meachanus Mhic a' Charrasglaich ruith Sionnach Mhic a' Mhaighstir*"). С тех пор Маклейны удерживают Ардгур и почитаются как владельцы Хайленда. Их титул на гэльском языке - *Mac-'Ic-Eoghain* (сын сына Хью). Сын сына, или внук, (*Mac-'Ic-*) - слово, используемое в Горной Шотландии в качестве отчества вождей, вместо О, или Grandson, используемого в Ирландии, как О' Donnell, О' Brian, О' Meagher и т.д. Так, сын сына Патрика (*Mac-'Ic-Phàdruig*) обозначает Гранта из Гленмористона; сын сына Александра (*Mac-'Ic-Alasdair*), вождя Гленгарри; сын сына Гектора (*Mac-'Ic-Eachuinn*), Маклина, который когда-то владел Кингэрлохом. Титул некоторых вождей - только сын (*Mac*); так, Локиэль известен как сын Темного Дональда (*Mac Dho'uil Duibh*). Главный вождь горцев известен как *Мак Кайлейн* (сын Колина). Дом Аргайлов получил свой гэльский титул от Колина, который был убит во время междоусобицы на горе, известной как Струна Лорна (*An t-Sreang Lathurnach*), когда брод, известный как Красный брод (*Ath Dearg*), был красным от крови.

СМЕРТЬ БОЛЬШОГО ЛАХЛАНА МАКЛИАНА, ВОЖДЯ ДУАРТА (*Lachunn Mòr Dhuart*).

Вожди Дуарта были одними из самых могущественных и влиятельных вождей в Горных горах. Их власть была абсолютной, не подвластной ни королю, ни парламенту, и существует множество историй, свидетельствующих о том, что они были очень беспристрастны в своей мести и даже лишали жизни тех, кто их обижал.

На острове Скай один отъявленный морской разбойник и грабитель земель, о котором ходит множество историй, поднял крик, или падеж скота, с Макдональда, лорда островов, который в то время занимал форт на месте нынешней усадьбы Килчоман на острове Айла. Ему также

удалось распространить сообщение о том, что хищниками были Маклины с острова Малл. В то время Маклин, Дуарт, стремился стать владыкой значительной части острова Айла, и *Лашунн Мòр* пришел с отрядом последователей на пляж Груинард, расположенный по соседству с фортом.

Говорят, что перед тем, как покинуть Малл, он стоял на крыше замка Арос, откуда открывается вид на Саунд Малл, и когда ему указали на то, что экспедиция на Айлей будет очень опасна для его людей, он сказал, что ему все равно, пусть в Малле не будет ни одного Маклина, кроме тех, кто произошел от него. Ни он сам, ни его люди не вернулись из злополучной экспедиции. После высадки на пляже Груинард (*Tràigh Ghrunnard*) его встретили Макдональды. Маленький человечек, известный в традиции как Черный Эльф (*Dubh Sith*) и (*Ochd-rann bodaich*), или восьмая часть человека - [В шотландском языке восьмая часть - это липпи, используемый для измерения зерна и муки. Согласно таблице, которую можно найти в старых "Книгах пересчета", колос состоит из двух пеков, а каждый пек - из четырех липпи. Таким образом, каждый липпи равен восьмой части колоска], - предложил Маклину свои услуги для битвы, но надменный вождь с презрением отверг это предложение. Тогда Черный Эльф отправился к Макдональду, который принял его предложение; и во время всей этой захватывающей схватки карлик следил за Маклином, выискивая возможность убить его стрелой. Наконец такая возможность представилась: Маклин поднял руку, пустил стрелу, и Маклин был пронзен в бок и упал со смертельной раной. Потеряв своего вождя, Маклины были с треском разгромлены, а те, кто спасся от битвы, укрывшись в соседней церкви, были уничтожены Макдональдами, которые подожгли церковь. Тело Лашунна Мора было доставлено на санях - в те времена еще не было колесного транспорта - в Килчоман, где его похоронили. Одни говорят, что везла его жена, другие - что приемная мать. Его голова от движения саней кивала так, что сопровождавший ее мальчик рассмеялся. Она так сильно обиделась на его несвоевременное веселье, что взяла меч и убила его на месте. Место этой трагедии в Бенвигере до сих пор указывают, а место, где был похоронен сам Лашунн Мòр, известно жителям этих мест, хотя на нем нет надгробия.

МАКЛИНЫ ИЗ КОЛЛА.

Лэрд Дауарт ехал собирать ренту в Тири и отправился на берег в Келис (*Каолас*), Колл, за мясом (*biadhtachd*). Женщина в доме сказала, что Маклейну не стоит посылать мясо, и Дауарт любезно сошел на берег, чтобы узнать, почему она так говорит. Она сказала, что это потому, что он не берет Колла себе. В то время Колл был у трех братьев из Лохлина: у Большой Анны (*Анны Мòр*) в Лох-Анне, у другого - в *Дун-Битиг* в Тотрональде, а у третьего - на холме Грисипол. У нее самой было тридцать человек, способных носить оружие. Дауарт отправился в форт Лох-Анна поздно вечером один и был радушно принят. Стрелы Анны лежали у костра, и Дауарт постепенно приближался к ним, пока не сумел выхватить их. Это привело к битве в Гримсари и, возможно, стало причиной того, что Дауарт побудил *Иена Гарба* сделать себя хозяином Колла.

Стаут Джон (*Иэйн Гарбх*) был четвертым Маклином - по другим данным, первым из рода Колл. Когда его матери было девять или двенадцать месяцев от роду, и она, став вдовой, вышла замуж за Макнейла из Барры, *Иэйн Гарбх* был отправлен отчимом в Барру, в распоряжение кормилицы (*ban-altruim*). За этой женщиной ухаживал мужчина из Барры, которому, поскольку ее подопечный был красивым мальчиком, она поначалу отказала. Однако ее

любовник получил известие о том, что *Иэйн Гарбх* должен быть убит по наущению Макнейла, и рассказал ей об этом. Ночью они втроем бежали из Барры в лодке с двумя веслами. Восьмивесельная галера (*ochd ràmhach*) с рулевым отправилась в погоню. У Сорисдейла в Колле, за Эйлеригом, на границе (*crìch*) между Сорисдейлом и Бустом, есть узкий прогал, к которому стремились обе лодки, и маленькую почти догнали. Обогнали и не обогнали (*beir's cha bheir*). Маленькая лодка прошла через звук (*caolas*) благополучно, но весла большой лодки были сломаны. Отсюда и пошло название "Звук ломающихся весел" (*Caolas 'Bhriste-Ràmh*). Маленькая лодка снова вышла в море и пропала из виду. Люди из Барры побывали во всех ближайших гаванях, в "Лесной бухте" (*Bàgh na Coille*) и т. д., где, как они думали, она могла появиться, но больше ее не видели. Предполагается, что оно отправилось на Малл. Больше никаких упоминаний о человеке из Барры или медсестре нет. Стаут Джон (*Iain Garbh*) отправился в Ирландию и, когда хорошо подрос, рассказал женщине, у которой остановился, что ему приснилась куча овсяных лепешек (*tòrr de bhonnaich choirce*) и капля с крыши (*boinne snithe*), которая упала и прошла прямо через них. Женщина сказала, что этот сон означает, что он стал лэрдом земли (*ceannard fearainn*) и вернет себе свои владения. С этим он прибыл в Малл и, набрав людей, из которых семеро были из Дервейга, а лысый чернокожий парень (*gille maol dubh*), известный впоследствии как Гризли Лэд (*Gille Riabhach*), был одним из них, отправился в Колл. Его спутники поклялись убивать всех живых (*beò*), с кем они столкнутся первыми, после того как высадятся в Колле. У Стаута Джона (*Iain Garbh*) была отметина на лбу от того, что он упал на край железного горшка. Его приемная мать (*muime*) собирала моллюсков (*buain maoraich*). Он подошел к ней, чтобы поговорить, и тут она, споткнувшись, воскликнула: "Да будет Бог с Маклином" ("*Dia le Mac-'illeathain*"), "Моя потеря, что Маклина нет в живых" ("*Mo sgaradh nach bu mhairionn do Mhac-'illeathain*"). Когда от нее потребовали объяснений, она ответила: "Скрывайте то, что я сказала: много неудачных слов говорят женщины" ("*Dean rùn maith orm: is ioma facal tubaisdeach their na mnathan*"), и наконец он рассказал ей свою историю. Давно было предсказано, что он вернется. Подошли люди Мулла, и Гризли Лэд (*Гилле Руабхач*) собрался убить женщину, согласно клятве. Стаут Джон (*Иен Гарбх*) рассказал, кто она, и ее жизнь была пощажена. Она сообщила им, что Макнейл каждый день посылает слугу из дома Грисипол, где находилась его штаб-квартира, в Бреакачу за новостями. Если все было в порядке, гонец должен был возвращаться медленно, прижавшись лицом к хвосту лошади; если кто-то возвращался с ним, друг должен был идти справа от лошади, а незнакомец (*fògarach*) - слева; и она сказала, что он только что уехал домой. Стаут Джон (*Iain Garbh*) и его спутники покинули Скрытое место (*Acarsaid Fhalaich*) и отправились на вершину места, называемого Пустыней (*Fàsach*). Там они увидели всадника на белом коне в Арилетиде. Стаут Джон (*Iain Garbh*) пообещал награду тому, кто перехватит его, прежде чем он достигнет Грисиполя. Гризли Лэд (*Гилле Руабхач*) сказал, что сделает это, если получит Дервейг, свое родное место, в аренду бесплатно. Маклейн пообещал это, но парень, сказав, что "слова могут быть велики, пока дело не дойдет до торжественных клятв" (*Is mór briathran gun lughadh*), заставил его поклясться в совершении этого поступка. Гризли-лад (*Gille Riabhach*) отправился в путь и над Широким холмом (*Cnoc Leathan*) увидел всадника в местечке Хоф. У Стонущего камня (*Clach Ochanaich*), на вершине Бен-Хоу, он увидел его за Клаббахом. Он направился к дороге, недалеко от нынешней усадьбы Свободной церкви, лег и, притворившись нищим, стал рыться в своей одежде. Там, где стоит Малый каирн сына короля (*Carnan mhic an Rìgh*), всадник подъехал, был ссажен с лошади и убит. Парень подождал, пока подъедут его спутники, и отправился в Грисиполь, взяв по двое с каждой стороны. Наступило время ужина, и его слуга Черный Лад (*Гилле Дубх*) принес Макнейлу весть о приближении отряда. Его жена, выглянув из проема, сказала, что один из приближающихся похож на ее сына. Макнейл воскликнул: "Время войны - не время для сна" ("*Cha-n àm cadal an cogadh*"), и вышел

дать бой. В схватке Гризли Лад (*Gille Riabhach*) был сильно потеснен Черным Ладом (*Gille Dubh*) и, чтобы избежать удара боевого топора, боком перепрыгнул ручей, протекающий мимо дома Гризипола в месте, которое до сих пор известно как Прыжок Гризли Лада (*Leum a' Ghille Riabhaich*). Топор застрял в земле, и прежде чем его удалось достать, Гризли Лад (*Гилле Руабхач*), отпрыгнув назад, отбросил голову Черного Лада (*Гилле Дубх*). Стаут Джон (*Iain Garbh*) был сильно потеснен самим Макнейлом, и оба оказались в море у подножия ручья.

"Позор тебе, Маклейн, хотя достаточно и того, что тебя везет сын карла, поедающего коньки" (*"Miapadh ort, a Mhic 'illeathainn, 's leoir tha thu gabhail iomain roimh Mhac bodach nan sgat"*), - сказал Гризли Лэд (*Gille Riabhach*), подъезжая к ним, а затем обратился к Макнейлу: "Я не в настроении обманывать тебя, вон они, позади тебя" (*"Cha bhi mi 'm brath foille dhuit, sin iad agad air do chùlthaobh"*), и когда Макнейл обернулся, Гризли Лад (*Гилле Руабхач*) отрубил ему голову топором. Макнейлы бежали, их настигли и убили в Лощине костей (*Slochd-nan-cnàmh*) в нижней части холма Грисипол (*Iochdar Beinn Ghrisipol*). Затем они вернулись в Грисипол, и вдова Макнейла, мать Стаута Джона (*Иена Гарба*), протянула своего ребенка-сосунка (*ciocharan*), чтобы Стаут Джон (*Иен Гарб*) пощадил его и признал своим сводным братом. Он был за то, чтобы пощадить его, но Гризли Лад (*Gille Riabhach*) велел ему надеть иглу на лемех (*cuir an t-snathad air a' choltar*). Ребенок был убит.

Дополнительное, если не иное, повествование:

Стаут Джон (*Iain Garbh*) первый из Колла, будучи мальчиком, был вынужден бежать из Колла в Дауарт, а его мать вышла замуж за Макнейла из Барры. Когда он достиг совершеннолетия и стал претендовать на родной остров, собирая клан, он пришел в дом вдовы в Дервейге. Она сказала, что остальные ее сыновья в отъезде, или они будут к его услугам, и у нее есть только здоровенный паренек, похожий на гризли (*Stiall mòr de ghille riabhach*), если он решит взять его. Он взял его, и это было хорошо для него. Говорят, что семья, к которой принадлежал Гризли Лэд (*Gille Riabhach*) и чьи услуги были в распоряжении Маклейна, была из рода Кэмпбеллов. Макнейл держал в Аринагуре человека с белой лошадей, и если было слышно, что Маклейны высаживаются на острове, он должен был на полной скорости мчаться в Бреакачу. Если что-то было не так, гонец должен был повернуть голову к хвосту лошади, как только появится в виду Бреакача. Гризли Лэд (*Гилле Руабхач*) перебрался через холм, где сейчас проходит прямая дорога, и перехватил этого всадника. Узнав от него, что Макнейл находится в Грисиполе, он внезапно вскочил сзади на коня и убил его своим кортиком. Он поскакал обратно к своим, а затем медленно направился в Грисиполь, где Макнейлы ужинали.

Маклейн и его люди были слабы и измождены от недостатка пищи. Они ничего не пробовали с тех пор, как покинули Малл. Они зашли в дом одного из арендаторов и попросили еды. Тот ничего им не дал: когда-то у него был достаток, но с тех пор как Маклины покинули остров, он пришел к горю и нищете. Он сказал Стауту Джону (*Иэну Гарбу*), что сердце его согрето, что он так похож на своих древних хозяев. Узнав, кто они такие, он отдал им все молоко, которое у него было.

Во время боя в Грисиполе Гризли Лад (*Гилле Руабхач*) был сильно потрепан слугой Макнейла, который был вооружен боевым топором. На берегу ручья, когда топор был поднят, чтобы нанести удар, он прыгнул назад и вверх, через ручей, и место этого прыжка до сих пор известно как "прыжок Гризли" (*Leum a' Ghille Riabhaich*). Топор вонзился в землю, и прежде чем человек Макнейла успел защититься, Гризли Лад (*Гилле Руабхач*) отпрыгнул назад и отбросил его голову.

Сам Стаут Джон (*Иен Гарбх*) был сильно потеснен Макнилом и отброшен на берег. На помощь ему пришел Гризли Лэд (*Гилле Риабхач*). Жена Макнейла крикнула Стауту Джону (*Иену Гарбу*), своему сыну от первого брака, что за ним идут враги. Гризли Лэд (*Gille Riabhach*) призвал его следить за врагами впереди, а он будет следить за теми, кто сзади.

Макнейл и его люди были убиты. Гризли Лэд (*Гилле Риабхач*) сказал, что обратится в бегство и выдаст себя за одного из Макнейлов, к которому на помощь из Бреакача идет другая партия. Он бежал и подавал сигналы Макнейлам, чтобы они летели. Они скрылись в пещере у Скрытой стоянки (*Acarsaid fhalaich*), где до сих пор можно увидеть их кости.

Когда Стаут Джон (*Йен Гарбх*) вошел в дом Грисипола, перед ним стояла его мать с ребенком, его сводным братом, на плече. Она велела ему посмотреть на улыбающегося младшего брата. Стаут Джон (*Iain Garbh*) был за то, чтобы пощадить младенца, но Гризли Лэд (*Gille Riabhach*) предупредил его, что ребенок, если его пощадить и он достигнет совершеннолетия, отомстит за смерть своего отца, и сам заколот младенца своим кортиком на плече матери.

БРАУНЫ ИЗ ТИРИ. (*Clann-a-Bhruthain*).

Брауны Тири в наши дни называются *Брунаич*, поет. *Brunach*, очевидно, слово не местного происхождения и, скорее всего, является адаптацией английского Brown. Коричневый как название цвета - английское слово, но не гэльское, на гэльском оно означает *donn*, поэтому многие утверждают, что нынешние Брауны - это разновидность или модификация *Bruthainn*, конечно, более древнего названия, которое до недавнего времени носила часть Браунов. Есть и те, кто утверждает, что самая древняя форма - *Mac-'ill-duinn*. Выдвигаются и другие объяснения происхождения названия, но ни одно из них не является удовлетворительно убедительным. Следующая история о том, как Брауны впервые появились на Тири, является преданием, которое так же похоже на правду, как и любое другое. Она была услышана от уроженца острова, хорошо знакомого с традициями своих соотечественников.

Жена Маклина из Дауарта была дочерью лорда Островов. Ее отец, навестив ее в Аросе, обнаружил, что у нее нет столового белья, а когда с ней заговорили на эту тему, она сказала, что в поместье нет места, где можно было бы выращивать лен. Тогда отец подарил ей остров Тири как хорошее место для выращивания льна, чтобы она больше не подвергалась этому упреку. Таким образом, остров Тири оставался во владении семьи Дауарт до тех пор, пока в конце семнадцатого века клан не лишился своих владений. Маклины, похоже, правили островом с помощью железного жезла. До сих пор видна возвышенность, называемая Берегом Виселицы (*Bac na Croiche*), где вешали того, кто приходил последним со своей рентой во время сбора денег. На острове держали партию сильных мужчин, которых называли "атрибутами Маклейна" (*buaidheanan Mhic-'illeathain*), но правильнее было бы назвать их угнетателями и задирами, чтобы одолевать людей.

Эта жена Дауарта со своей галерой и людьми находилась в Кроиге в Малле, ожидая переправы на Тири. Когда люди приводили галеру в порядок, к лодке пробирался крупный крепкий мужчина. Он выглядел как нищий, в рваной и заплатанной одежде (*lùirichean*). Он тихо попросил разрешения проехать с ними. Хозяин лодки грубо отказался, сказав, что не позволит такому, как он, находиться в одной лодке с их госпожой, но нищий сказал, что его присутствие там ничего не изменит, и попросил у нее разрешения проехать с ним. Она разрешила ему, и он сел в самый дальний от нее конец лодки, чтобы не доставлять ей хлопот.

День становился все более бурным; прошло совсем немного времени, и хозяин сказал, что ветер становится слишком сильным, а день - маловероятным. Тяжелое море накрыло "Леди Дауарт", и нищий сказал хозяину: "Неужели ты не можешь управлять кораблем лучше, чем сейчас?" Хозяин ответил: "А ты можешь лучше?" Нищий ответил: "Во всяком случае, мне не составит труда сделать это лучше. Покажи мне направление, куда ты хочешь плыть", а когда ему показали, добавил: "Я думаю, ты можешь плыть дальше, и тогда ты выйдешь на сушу".

"Что ты знаешь?" - ответил тот, - "не твое дело говорить здесь".

Тогда дама заговорила и обратилась к нищему: "Возьмешь ли ты лодку туда, если получишь управление ею?" Он ответил, что да, и она приказала отдать ему командование. Он сел за штурвал и велел укоротить парус и сделать все натянутым, и теперь лодка не набрала и наперстка воды. Они направились в Тири, и место, куда они приплыли, было нижней частью Хиниша, на самой отдаленной оконечности острова. В первом же укрытии, которое увидел нищий, он спустил лодку на воду. Эта маленькая бухта до сих пор известна как Порт Галеи (*Порт-на-Бирлинн*) на южной стороне *Барраду*, где сейчас находятся дома, принадлежащие маяку Скерривора. Компания благополучно высадилась на берег, и при расставании леди Дауарт велела нищему прийти к ней в Айленд-Хаус, где в то время находилась резиденция семьи Дауарт, которая и сейчас является резиденцией владельца острова. Название "Айленд-Хаус" происходит от того, что его нынешнее местоположение раньше было окружено водами пресноводного озера, расположенного неподалеку. Он сообщается с остальной частью острова посредством разводного моста, но теперь в этом нет необходимости, пространство между домом и берегом засыпано, и выкопанный гранж стал похож на обычные жилые дома. Незнакомец некоторое время бродил по окрестностям, а затем отправился в Островной дом, где его любезно приняли. Через день-два он решил, что лучше бы ему самому обзавестись домом, и леди Дауарт сказала, что предоставит ему любое место, которое он сам выберет. По всей видимости, остров тогда был мало заселен, и по обычаю того времени он взял лошадь с вьючным седлом, а на хребет седла (*cairb na srathrach*) положил верхний и нижний камни кверна (*bràthuinn*), по одному с каждой стороны лошади, закрепив их соломенной или морской гнутой веревкой, и где бы веревка ни порвалась, там и повез строить дом. Кверн нищего упал в Солнечном пятне (*Грианал*), теперь более известном как Гринхилл. Он построил там шалаш, и к нему пришла женщина, чтобы содержать дом. От нее у него родился сын, которого он не признал. Когда ребенок смог сам о себе позаботиться, она снова пришла к нему, чтобы получить свободу. Он по-прежнему отказывался принять ребенка и велел ей избегать его. Тогда она решила, что, поскольку раньше слышала от него, откуда он родом, она поедет с сыном к его родственникам в Ирландию. Когда она приехала туда, дедушка ребенка принял ее очень любезно. Она жила у него до тех пор, пока ее сын не вырос до зрелого возраста (*gus an robh e 'na làn duine*). Когда она собралась возвращаться, дед спросил внука: "Что ты предпочитаешь - последовать за матерью или остаться со мной?" Парень ответил, что предпочел бы последовать за матерью и вместе с ней рискнуть своим состоянием. Они снова вернулись в Тири, и сын не мог успокоиться, пока не поехал к отцу. Когда они добрались до хижины, мать сказала: "Сегодня ты непременно примешь своего сына, хотя раньше ты его не признавал". Но он не хотел больше, чем в первый раз. Тогда сын взял его за руку и, положив колено ему на грудь, сказал: "Прежде чем ты поднимешься отсюда, ты будешь считать меня своим законным сыном, а мою мать - своей замужней женой". Он так и сделал и был освобожден. После этого они стали жить вместе, построили дом и дома, увеличили поголовье скота. Однажды диким весенним вечером, когда они пасли скот, они заметили, как из Килкеннета, который до сих пор является поселком в этой части острова, вышел крепкий мужчина неприятной наружности и направился прямо к дому.

"Я никогда не видел человека крупнее этого нищего", - сказал сын.

"Он большой, - сказал отец, - я хорошо знаю, что это за человек; он идет за мной, и этой ночью я лишусь жизни, я убил его брата, но это не моя вина, потому что если бы я не убил его, он убил бы меня".

"Может быть, ты еще не лишишься жизни этой ночью, - сказал сын, - будь добр к нему, и когда он согреется, попроси его пойти с нами убить корову, потому что ночь холодная".

Незнакомец вошел в дом, и ему оказали радушный прием. Тогда старик сказал, что раз есть незнакомец, а ночь прохладная, то лучше взять корову и убить ее. Они пошли и привели корову. Молодой человек спросил незнакомца: "Что ты предпочтешь - взять топор или поддержать рог коровы?" (*Co dhiu b' fhearr leis an tuath na 'n adharc*). Незнакомец решил взять рог, и удар, которым было повержено животное, был столь внезапным и неожиданным, что незнакомец упал вместе с ним. Юноша тут же навалился на него и удержал, сказав: "Ты получишь только то, что сможешь сделать сам, пока не расскажешь, зачем пришел сюда сегодня ночью (*Cha bhi agad ach na bheir thu g' a chionn gus an aidich thu 'de thug so an nochd thu*). Он слово в слово рассказал, как пришел отомстить за смерть брата. (*Dh' innis e facal air an fhacal mar thainig e thoirt mach éirig a bhràthair*).

"Ты не уйдешь отсюда живым, - сказал юноша, - пока не пообещаешь не приставать к моему отцу, пока останешься в стране". Незнакомец поклялся, что, если его отпустят, он никого не тронет. Ему разрешили остаться, и они провели ночь весело и мирно (*gu sona sàmhach*). Незнакомец вернулся тем же путем, что и пришел. После этого отец и сын поселились вместе и, согласно преданию, стали первыми Браунами в Тири.

По другой версии, первым поселенцем в Гринхилле был Кэмпбелл, и именно он создал те подземные жилища (*tighean falaich*), которые до сих пор существуют на этой ферме; любопытные жилища, не похожие ни на одно из ныне используемых зданий и достойные пристального изучения антикварами. Говорят, что в Тра-ви, на расстоянии двух или более миль к югу, есть здания с подобными входами, открытыми песком и засыпанными землей на большую глубину.

На западной стороне холма Кенавара есть обрыв, называемый прыжком Мак-а-Бхриутхайнна (*Leum Mhic-a-bhriuthainn*), который, как говорят, один из этой септы Браунов перепрыгнул задом наперед, и который с тех пор никто не перепрыгивал ни задом наперед, ни спиной вперед. Говорят, что за тем, кто совершил этот прыжок, гнался дикий бык, который толкнул его с холма, и если бы он не был человеком с твердыми глазами и конечностями, падение закончилось бы верной гибелью. Место, где он прыгнул, было уступом перед обрывом, где малейший перевес или слабость могли бы сбросить его на несколько сотен футов в опасное и глубокое море. Ни один тренированный канатоходец никогда не требовал большей уверенности в глазах и конечностях, чем та, которая должна была быть задействована в этом прыжке.

На вершине того же холма (Кенавара) находится колодец Бриутайнна (*Tobar Mhic-a-Bhriuthainn*), который, как говорят, получил свое название от того, что первый, кто прибыл на остров, в своих странствиях питался его водой и диким водяным крессом.

ИСТОРИЯ МАК-АН-УИДХИРА.

Имя Мак-ан-Уидхир не носит ни один ныне живущий человек, насколько известно писателю. Как и многие другие имена, оно могло быть изменено на Макдональд или другое клановое имя. Когда человек менял свое имя на имя другого клана или могущественного вождя, считалось, что он принимает это имя и род (*Ainm 'sa chinneadh*). Однако когда-то это имя должно было быть распространено. Брод между Бенбекулой и Южным Уистом называется "Брод дочери Эуара" (*Faoghail Nic an Uidhir*), а Ник-ан-Уидхир также названа бардом Лохнеллом сестрой Безголового Чулка (*Cas-a'-Mhogain*), известной ведьмы, которая жила так давно, когда поэт Оссиан был еще мальчиком (*giullan*).

"Слышали ли вы когда-нибудь упоминание

о Грубой Ноге, дочери Эуара?

Она была молода в Гленфорсе,

когда Оссиан был еще мальчиком;

Она ходила по улицам как девчонка.

С Безголовым Чулком, сестрой своей.

Я жалкое создание после них.

Не зная, что с ними стало".

("An cuala sibhse riamh iomradh

Mu Chaiseart Gharbh, Nic an Uidhir?

Bha i òg an Gleann Forsa

Nar bha Oisean 'na ghiullan;

Bha i falbh 's i 'na proitseach

Le Cas-a'-Mhogain a piuthar.

'S mise an truaghan 'nan déigh

'S gun fhios gu de thainig riu.").

Человек, о котором рассказывается следующая история, жил в Хайнише на острове Тири и обручился с молодой женщиной, жившей по соседству. Между обручением и свадьбой помолвленная пара отправилась с компанией друзей на яхте в Хейскер, недалеко от Канны. Мужчины отправились на охоту за тюленями, и один из разочарованных женихов молодой женщины воспользовался случаем, чтобы забрать оставленный Мак-ан-Уидхир, и, вернувшись на лодку, рассказал, что жених утонул. Этой ложью он надеялся заставить невесту отчаяться в том, что она больше не увидит своего избранника, и, возобновив свои ухаживания, заставить ее согласиться принять себя. Однако она, не веря в его смерть, заявила, что не выйдет замуж ни за кого в течение года и одного дня с даты его предполагаемого утопления. [Heisker означает "высокая скала",^[6] и эта, близ острова Канна, называется "Высокая скала ветров" (*Heisgeir nan Cuiseag*). На ней никто не живет. В

настоящее время на ней пасется несколько голов крупного рогатого скота, за которым весной приплывает лодка с Канны, что лежит к северо-востоку. В остальное время ее не посещают, разве что раз или два в год охотники на тюленей].

Сначала Мак-ан-Уидхир питался птицей и рыбой, которую ел сырой; после того как порох и дробь были израсходованы, ему приходилось поддерживать свою жизнь на ракушках или всем, что он мог достать на берегу, в основном ракушками. Считается, что этот вид моллюсков помогает человеку выжить, даже если у него нет других средств к существованию, пока он не станет черным, как щит или крыло сыроежки (*co dubh ri sgiath faochaig*). Брошенный и покинутый юноша прожил таким образом три четверти года; но наконец он удалился от островка и последние три месяца года пробирался домой. Он прибыл в ночь, когда должна была состояться свадьба его благоверной с беспринципным соперником. Он отправился в дом своей приемной матери, которая не знала его, так сильно изменилась его внешность из-за лишений, и, когда он попросил разрешения остаться на ночь, она сказала, что она одна и не может позволить остаться такому незнакомцу, как он. Она также рассказала о празднествах в окрестностях и сказала, что ему лучше провести ночь там. Он спросил о поводе празднества, и она рассказала ему, что ее приемный сын утонул и был заменен, и что сегодня ночь свадьбы его соперника, сказав: "Если они счастливы, то я печальна, ведь на месте моего приемного сына будет другой" (*Ma tha iadsan subhach tha mise dubhach dheth, fear eile bhi dol an àite mo dhalta*). Затем она добавила: "В прошлом году он погиб, отправившись с отрядом на охоту за тюленями в Хейскер; его избранница поклялась, что не выйдет замуж в течение года в надежде на его возвращение, поскольку не была уверена, что он утонул, и сегодня ночью этот срок истек". "Пойдемте, - сказал он, - повидаемся с ними".

"Вы можете пойти, - ответила она, - но они и так недалеко от меня". Тогда он спросил ее, не узнала ли она его, и сказал, кто он, но она отказалась ему верить, сказав, что ее дорогой ребенок (*mo ghràdh*) не мог так сильно измениться за это время. Он поставил точку в этом вопросе, спросив, узнает ли она свою собственную работу, и, чтобы убедить ее, показал, что осталось от рукава (*osain*), который она ему дала. Увидев труд своих рук (*saothair a làmh fhéin*), она радостно приветствовала его и пошла с ним туда, где находились брачующиеся. Присутствовавшие там люди удивились ее приходу, зная, в каком печальном состоянии она находилась в это время года из-за потери приемного ребенка. Однако они приняли незнакомку, как и ее саму, с величайшей добротой. Невеста заметила, когда незнакомец повернулся спиной, что он похож на Мака уидхира, но когда его лицо оказалось обращено к ней, он показался ей незнакомцем, которого она никогда раньше не видела; но ее сердце потеплело к нему. По обычаю, незнакомец пил из бокала невесты, и Мак-ан-Уидхир, делая это, сунул в бокал кольцо, в котором она сразу узнала кольцо своего первого возлюбленного. После этого все было кончено, праздник, к которому готовились, разошелся, а невеста последовала за судьбой своего первого возлюбленного.

Из песни, сложенной приемной матерью для Мак-ан-Уидхира, когда он, по слухам, утонул и считался мертвым, сохранились следующие стихи. В переводе приведены дословные слова, но не сделана попытка свести их к рифме, которая необходима в английской поэзии.

"Ты добрый сын Эура

Щедрый и благородный сердцем

Когда-то мало я думал.

Что когда-нибудь случится

Что ты будешь утоплен
И лодка твоя вернется пустой.
А уютги останутся на месте.
И ремонт не нужен.
Пока стоит кормовой столб,
борта и нос,
Пока держатся верфи,
Или фрагмент его дуба.
Твой новый плед
лежит на поверхности серых волн.
Твоя голова - спорт маленькой чайки.
А твоя голова - спорт большой чайки;
Твоя сестра без брата
А твоя мать без сына.
Твоя невеста без мужа
И бедный я без сына-богатыря".

Ach a dheagh Mhic an Uidhir
'G an robh an cridhe fial farsuinn
Bha mi uair 's beag shaoil mi
Gu 'm faodadh sid tachairt
Gu 'm biodh tus' air do bhàthadh
'S do bhàta tighinn dachaidh
Fhad 's a mhaireadh a h-iaruinn
'S nach iarradh i calcadh
Thùg horoinn O.
Fhad 's a mhaireadh a h-iaruinn
'S nach iarradh i calcadh
Fhad 's a mhaireadh a h-earluinn
Agus tàthadh 's a saidhean
Fhad 's a mhaireadh a slatan

Agus bloidhean d'a darach

Thùg horoinn O.

Fhad 's a mhaireadh a slatan

'S bloidhean d'a darach:

Tha do bhreacan ùr uallach

Air uachdar nan glas thonn

'S fuil do chinn aig an fhaoilinn

'S fuil do thaobh aig an fharspaig

Thùg horoinn O.

'S fuil do chinn aig an fhaoilinn

'S fhuil do thaobh aig an fharspaig:

Tha do phiuthar gun bhràthair

'S do mhàthair gun mhac dheth

Do bhean òg 's i gun chéile

'S truagh mi fhéin dheth gun dalta.

Thùg horoinn O.

Существует довольно современный случай, возможно, относящийся к началу этого века, когда уроженец островка Ульва, расположенного неподалеку от Малла, во время снежной бури был загнан на *Хейсгейр-нан-Куисеаг* (Высокую скалу Виндлстраус) и провел там зиму в одиночестве, пока его не сняли в начале следующего лета. Он тоже, должно быть, питался улитками и тем, что мог добыть на берегу. Он возвращался домой с Тири.

Желая быть дома на Новый год по старому стилю, он с товарищем покинул Тири, но не успел далеко уйти, как началась снежная буря, и ветер усилился, пока их не занесло неизвестно куда. Компаньон захворал и умер в лодке. Оставшийся в живых человек сказал только, что они проплывали мимо очень высоких скал на каком-то острове.

Лодку выбросило на берег Хайскера, и бедняге, оставшемуся в ней, пришлось зимовать как попало, без еды и крова.

Островок находится слишком далеко от Канны, чтобы его могли заметить по какому-либо сигналу, который он мог подать.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[6] Островок близ Норт-Уиста, на котором построен дом Мона Лайт, называется Высокой скалой монахов, *Хейсгейр-нам-Манах*.

ВЫМАЧИВАНИЕ ВИИ.

В гэльском языке есть выражение "Пора заваривать виски" ("*Tha 'n t-àm bhi bogadh nan gad*"), означающее, что человеку пора покинуть или сбежать из компании, в которой он находится. Считается, что это выражение возникло таким образом. Невысокий мужчина и хороший лучник сидел на табурете у собственного камина, когда в дом вошли враги, намеревавшиеся завладеть его персоной. Он сидел тихо, но его жена, ходившая взад-вперед по дому и обладавшая хорошим умом, поняв характер незваных гостей, шлепнула мужа по уху, сказав, как будто он был всего лишь пастушьям мальчиком: "Пора заваривать винишко" ("*Tha 'n t-àm bhi bogadh nan gad*"). Он тут же вышел из дома, а она успела выставить его лук и стрелы в окно. Расположившись в благоприятном месте, он не позволил ни одному из своих врагов покинуть дом, не убив их своими стрелами, одну за другой, когда они выходили из дома. Что касается правдивости этой истории, то можно заметить, что повсеместно нагорье выражение "Пора запрягать" ("*Tha 'n t-àm bhi bogadh nan gad*") означает не то, что пора готовиться к действиям, а то, что пора сделать себя менее заметным. Подобную историю рассказывают о короле Альфреде Великом, который спасался от своих врагов примерно таким же образом. В старые времена для запрягания животных для переноски тяжестей, пахоты и т. д. использовались сбруи, сделанные из ивы, морского лыка^[7] или другого доступного материала, так как железо было дефицитным и труднодоступным, и эти сбруи нужно было вымачивать, прежде чем начинать работу с ними. Прежде чем лошадь была полностью укомплектована вьючным седлом, ведрами и прочим снаряжением, для которого и были необходимы и единственно возможны искины, потребовалось немало времени для ознакомления с работой. Названия некоторых из них сохранились до сих пор, например, *Gad-tarraich* - гэльское название, которое используется до сих пор, хотя материалом служит кожа, а не сбруя, обозначающая набедренную повязку.

ПРИМЕЧАНИЯ:

^[7] Жесткая трава, растущая у берега.

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН ИЗ БЕЛОГО МЕШКА.

(*Iain Beag a' Bhuilg Bhain*).

Этот смелый маленький лучник принадлежал к роду Маклахланов из *Коруанайна*, или маленького Лэмб-Делла, недалеко от Форт-Уильяма, на границе Инвернессшира и Аргайлшира. Свое имя он получил за то, что носил с собой белый мешок со стрелами, которыми умело пользовался. В далекие и беспокойные времена, когда в *Коруанайн* совершался набег, один из налетчиков, встретив маленького Джона, сказал: "Маленький Джон из белой сумки, я быстрее тебя вскарабкаюсь на холм" (*Iain bhig a' Bhuilg Bhàin, bheir mise am fireach dhiot*). В борьбе всегда преимущество, даже при прочих равных условиях, имеет более высокая позиция на склоне холма. Маленький Джон ответил: "Да будет над тобой рука твоего отца и деда, Белый Стирк, я надену на тебя бранки (или железный кляп)" ("*Làmh d' athair 's do sheanair ort, a Ghamhain Bhàin cuiridh mise biorach ort*"). *Буорак*, отбойник, - это железный кляп с шипами или инструмент с заостренными железными штырями, который закрепляли вокруг головы телят, чтобы они не сосали. Выражение "Рука, и т.д., будь над тобой" было распространенным выражением, означавшим примерно то же, что

и английское "Берегись" или "Береги себя". Сказав это, Маленький Джон пустил стрелу, которая попала другому в лоб, опрокинула его и положила конец дискуссии.

УБИЙСТВО БОЛЬШОГО АНГУСА ИЗ АРДНАМУРЧАНА.

(*Aonghas Mor Mac'Ille-Eoin*), Большой Ангус, сын Джона, в Кор-Оспуинне в Морвене.

В Арднамурчане, где начинается округ Кинтра, есть ручей, впадающий в Лох-Мойдарт, что лежит на севере Арднамурчана, называемый *Фаогаил Дхтомхнуилл Чоналайх*. Этот ручей получил свое название от Дональда Макдональда, или Макконнелла, который был убит там при следующих обстоятельствах. Предания единодушны в отношении инцидента, давшего название этому месту, и обстоятельств, при которых было совершено убийство. Дональд был наследником вождя Арднамурчана, но его дядя, Большой Ангус, желая заполучить поместье в свои руки, подстерег племянника у упомянутого брода, который очень трудно перепрыгнуть во время прилива, поскольку тот направлялся на свадьбу с дочерью тогдашнего вождя Лочиэля. Когда Дональд перепрыгивал через брод, один из людей Большого Ангуса пустил ему в лицо стрелу, так что, когда он коснулся земли на другом берегу, он зашатался и покатился. Перед тем как упасть на землю, Большой Ангус сказал, что ему интересно, будет ли его племянник так же весело танцевать на свадьбе с дочерью Одноглазого вождя мясного бульона (*saoil an dannsadh tu co cridheil sin air banais nighean Cham-na-eanraich*). Смысл этого прозвища, данного вождю Лохиэля, заключается в скрытом намеке на скотоводство Лохиэля. До появления чая в основном использовался мясной экстракт, и даже мука смешивалась с ним для людей с крепким здоровьем, а слабый, даже куриный бульон, давали тем, у кого было слабое здоровье. Некоторые говорят, что вождем, о котором идет речь, был *Айлейн нан Крич* (Аллан, поднимающий скот), получивший свое имя от количества поднятых им грузил для скота. Лохабер, будучи диким и отдаленным районом, не случайно становился местом, куда отправлялся скот, когда люди искали в других местностях "буйволов, из которых варится бульон".

В "Истории западных островов" Грегори *Дтмхнуилл Коналах* назван Джоном, вероятно, потому, что вождь Арднамурчана был известен как Мак-ик-Айн, сын сына Джона, и упоминается о его убийстве. Несколько семей, которые в последнее время приехали в Колл из Арднамурчана, называют себя Джонстоунами.

У самого Большого Ангуса был дом близ Стронтиана, сильно укрепленный по представлениям тех дней. Он был окружен глубоким рвом (*Tigh daingean dige*) и тем, что сейчас называется рвом Грейндж. Услышав, что Локиэль с сильным отрядом последователей направляется отомстить за смерть молодого вождя Арднамурчана, Большой Ангус бежал, но его преследовали мстители. Придя в Кор-оспуинн в Морвене, он оглянулся на восход солнца, чтобы посмотреть, не приближаются ли его преследователи. Подняв шлем и заслонив глаза рукой, когда он пристально смотрел на солнце, один из преследователей, маленький человек, заметил: "Разве это не хорошая возможность убить его?". Другой ответил: "Не твоя пустяковая рука убьет сильного человека". (*Cha 'n i do làmh leibideach a leagadh an duine foghainteach*). Маленький человек ответил: "А разве стрела не сделает это" (*Nach deanadh saighead e*), и, сказав это, пустил стрелу, которая попала Большому Ангусу в лоб и убила его.

ПРИМЕЧАНИЯ:

БОЛЬШОЙ АНГУС ИЗ АРДНАМУРЧАНА.

(*Aonghas mór Mac 'ic Eoin*).

События этой истории произошли около 1596 года. Дом доблестного Ангуса находился в *Ath na h-éilde* (Брод оленей), напротив *Druim-nan-torran* (Хребет холмов), недалеко от *Sròn an t-sìthean*, Стронтиана, мыса Жилища фей. У него была плохая жена, которая постоянно уговаривала его стать вождем клана, и именно по ее наущению он убил своего племянника в Кинтре. Узнав, что вождя собираются женить на дочери Лохиэля, его жена предупредила большого Ангуса, что ему еще придется вытягивать торфяные крелы (*tarruing nan cliabh mòine*) для своего племянника. Ангус первым оказался в Кинтре, у реки, и первым переправился через нее. Гости собрались в Лочизэле на свадьбу Дональда Макдональда, когда пришло известие о том, что он убит. Немедленно собравшиеся гости со своими последователями отправились мстить, и, обнаружив, что дом Большого Ангуса опустел, они привязали к стреле золу (*spong*^[8]) и подожгли обнесенный рвом дом. Место, где Ангус был убит в Морвене, до сих пор называется *Лик-на-Сайгхед* (Ледж стрелы), а лучника звали *Иен Дубх Биг Иннсе-руит* (Маленький Черный Джон из Инч-руи). У большого Дугалда Макдональда (*Dughal mòr MacRaonuill*) из Морара рука была аналогичным образом прикреплена стрелой ко лбу.

^[8] Амадон, сделанный из гриба. Н.Э.

ПОСЛЕДНИЙ НАБЕГ НА СКОТ В ТИРИ.

По-видимому, это был вид набега или грабежа, которому особенно подвержен остров Тири. Грабители и пираты, выбрав подходящий день, когда моря вокруг острова были спокойны, а скот можно было легко взять на борт галеры, или *бирлина*, совершали грабежи далеко и широко по острову. Как только скот попадал к ним на борт галеры, они считали себя в безопасности от преследования.

Существует две традиции посещения острова, и их судьба наглядно демонстрирует, как в неустроенные времена проводились подобные экспедиции. Последняя вылазка такого рода не увенчалась успехом, но скот и овец собрали, чтобы увезти. Люди вовремя предупредили об этом, и скотокрадам пришлось бежать, оставив за собой добычу.

Последняя удачная вылазка была совершена во времена Танистера Торлойского, и, судя по всему, только где-то до или около 45-го года. По преданию, Танистера, или второго наследника (*proximus haeres*), Торлойска в Малле звали Малис Маклин. Его имя несколько необычно, оно не распространено ни среди Маклейнов, ни среди других кланов Западного Хайленда, и было дано ему таким образом. Наследник Торлойска был перспективным здоровым мальчиком, но последующие дети тогдашнего вождя умирали молодыми. Тогда вождь получил совет от мудрецов своей расы дать ребенку имя первого человека, которого он встретит на пути, чтобы крестить его. Первым встреченным человеком оказался нищий, которого звали Малис. Имя, данное таким образом, называлось *ainm rathaid*, или дорожное имя, и считалось защитой от зла. Отец дал это имя ребенку, который выжил и стал Танистером. Не имея перспектив на наследство, Танистер решил приехать на Тири и по кусочкам обзавестись поместьем. Он получил половину, треть или другую долю в городском

владении *Бейл-мидхонах*, которое теперь называется Миддлтон, в Тири, женился, и его потомки известны до сих пор.

Однажды к берегу Сорабы причалила галера с шестнадцатью мужчинами на борту (*Birlinn 's sea fir dheug*). Люди высадились на берег и собрали всех живых животных, которые были в округе. Танистер в это время рыбачил у скал на холме Кенавара, и, вернувшись вскоре домой и узнав о случившемся, он обратился к соседям с вопросом, что они собираются делать, пойдут ли они с ним, чтобы свернуть набег (*creach*). Все они отказались, опасаясь быть убитыми, поскольку вольные разбойники были сильной партией. Он сказал: "Я не буду этого делать; лучше я паду при попытке (*tuiteam 's an oidhirp*), чем позволю увести мой скот". Он взял с собой меч и последовал за расхитителями. Когда он дошел до конца пути и оказался в пределах видимости галеры, он встал перед кречем. Разбойники велели ему уйти с дороги, иначе его постигнут последствия (*Gu 'm biodh a' bhuil dha*). Он ответил: "Я не уйду, и последствия будут за вами, пока я не получу свое". Он получил ее, как ему казалось, решительно, а когда получил, попросил также корову бедной женщины из той же деревни, что и он, и, получив ее, сказал, что они могут делать с остальным, что хотят. План разбойников состоял в том, чтобы пригнать скот к берегу, где стояла галера, и, повалив его на землю и связав передние ноги вместе (*ceangal nan ceithir chaoil*), посадить на носилки или доски и закинуть в лодку. Сделав это, они уплыли, и никто не знал, откуда они пришли и куда направились. Это был последний успешный набег такого рода, совершенный на Тири.

После этого набега, во времена, когда министром Тири был Чарльз Кэмпбелл, на побережье Тири появилось несколько галер, или *баркасов* (*birlinnean*), , каждая со своим штатом людей, и, кроме того, каждая с притворным министром и его человеком. В те дни каждый служитель брал с собой своего человека, а в этом случае каждый служитель, кроме одного, брал своего человека из лодки. Бродячих проповедников под открытым небом в те времена называли служителями холмов (*ministearan nan cnoc*), а тот, о ком идет речь в этой истории, служил в *Ceathramh Mhurdat*, или Четвертой части, называемой Мурдат, которая сейчас входит в ферму Хоф[9] и была тогда густо населена. Должным образом оповестив всех о своем служении, большинство людей собралось послушать его. Его человек был оставлен позади, чтобы предупредить его о возможных беспорядках в экспедиции. После того как он проговорил некоторое время, его человек вошел. Островитяне уже поняли характер вторжения. Овцы и лошади были собраны у холма Хаф, и группа скотоводов окружила их, чтобы согнать на берег. Несколько человек, не успевших к проповеди, заметили это и, следуя за ними, отобрали у них овец и лошадей. Тотчас же человек священника со всей возможной скоростью побежал предупредить проповедника в Мурдате. Когда он пришел туда, где шла проповедь, проповедник закончил и, передав книгу своему человеку, решив, что люди его не поймут, сказал, словно читая строку: "Маклеллан, возлюбленный друг, где ты оставил *шокум шо?*" - то есть добычу. (*Mhac-'ill-fhaolain, a dhuine ghaolaich, c' àite an d' fhàg thu an 'seogam seoth?*). Взяв книгу и как бы зачитывая псалом, пришлый сказал: "Дела обстоят хуже, чем мы думали; они забрали у нас жалобных блеющих" (*'s miosa tha na mar a shaoil: thug iad uainn an 'cirri-mèh*): *cirri-mèh* - это имитация блеяния овец, в разных местностях используется как домашнее или смешное имя для овец.

Люди пели вместе с прецентором. Они не знали, что слова, возможно, были частью псалма, когда один из тех, кто был умнее и сообразительнее остальных, встал и сказал: "Мы уже достаточно долго здесь находимся, эти люди - разбойники, а не священнослужители". Служба закончилась, люди отправились присматривать за своим скотом, а священник и его человек со всей скоростью направились к месту, где лежали галеры. Прежде чем люди

смогли их догнать, они взошли на борт и уплыли, оставив добычу и радуясь, что им удалось спастись.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[9] Произносится как Хох.

ДВА ПАСТУХА ЛОХБУИ.

Эта история была записана в том виде, в каком ее рассказывал Дональд Камерон, Рудхайг, Тири, более двадцати пяти лет назад, и к счастливому дару памяти которого мы с удовольствием возвращаемся. Он обладал обширнейшим запасом старинных преданий, а вместе с ними - готовностью и желанием поделиться тем, что знал. В этой истории смехотворный элемент естественен, а события, кажется, следуют друг за другом как само собой разумеющееся, так что, с точки зрения вероятности, сказка может быть достаточно правдивой. Это одна из немногих историй, в которой указана дата, и, насколько можно судить по истории, состояние страны в то время делает ее достаточно вероятной. Лох-Буйе - это район, лежащий к югу от острова Малл, с приятным расположением. История его такова:.

В 1602 году в Лох-Буйе было два пастуха, и жена одного пастуха пошла в дом другого пастуха. Перед ней вошла хозяйка, у которой на огне стояла кастрюля. "Что у тебя в горшке?" - спросил тот, кто вошел. "Да вот, - ответила она, - капелька *брохана*, который хозяин будет есть с ужином".

"Что это за *брохан*?" - спросил тот, кто вошел.

"Это *dubh-bhrochan*", [10] - сказал тот, кто вошел.

"Не правда ли, - сказала она, - он бедняк! Неужели ты не дашь ему ничего, кроме этого? Я так долго была под началом лэрда Лох-Буйе, и ни разу не пила *брохан* без говяжьего зерна или чего-нибудь в нем. Не думаешь ли ты, что для лэрда Лох-Буи это пустяк, если мы каждый год будем получать по быку. Мало ли что ему будет не хватать. Сегодня вечером я пришлю своего мужа, и ты приведешь домой одного из волв".

Когда наступила ночь, она прислала его. Тогда жена отослала другого. Тот сказал: "Ты украдешь вола из пастбища, принесешь его мне, и мы будем свободны; я поклянусь, что не брал его из пастбища, а ты поклянешься, что не брал его домой".

Два пастуха ушли. В те времена вешали человека, если он причинял вред, не дожидаясь закона или приговора, и в это время Лохбуи повесил человека в лесу. Пастухи пошли и разожгли костер у дерева в лесу, чтобы подать сигнал тому, кто пойдет воровать. Один сел у костра, а другой пошел угонять вола.

В ту же ночь несколько джентльменов находились в усадьбе [11] в Лох-Буи. Они стали заключать с Лохбуи пари, что в доме не найдется ни одного, кто бы снял башмак с человека, которого повесили в тот день. Лохбуи поспорил, что найдется. Он позвал своего здоровяка Макфадьена [12] и спросил его, не собирается ли он заключить пари против него. Здоровяк спросил, в чем суть пари. Он сказал ему, что они утверждают, будто в его суде нет никого, кто мог бы снять башмак с того, кого повесили в тот день. Макфадьен сказал, что снимет с него ботинок и принесет его им, где они находятся.

Макфадьен отправился в путь. Дойдя до места, он посмотрел и увидел повешенного, который грелся у костра. Он не стал идти дальше, а поспешил вернуться. Когда он пришел, его спросили, есть ли у него ботинок. Он ответил, что нет, потому что вон тот человек стоял перед ним с корзиной торфа и грелся. "Мы и сами знали, - сказали джентльмены, - что у вас одни трусы".

Ламер, который был над ним, сказал: "Вы поступаете неправильно, позволяя ему проиграть пари. Если бы у меня были ноги, я бы пошел и оторвал ему ногу и башмак, прежде чем позволил бы Лохбуи проиграть пари".

"Иди сюда, - сказал большой парень, - и я поставлю под тебя пару ног, подобных которым у тебя никогда не было". Он надел ламеру на шею (дословно: на кость шеи) и пошел. Когда они подошли к человеку, который грелся, ламетр попытался вернуться. Макфадьен сказал, что они не вернутся. Они подошли к греющемуся человеку. Тот, что сидел у костра, поднял голову и заметил их приближение. Он подумал, что это пришел его товарищ, тот самый, который пошел красть вола. Он заговорил и сказал: "Вы пришли?" "Да", - ответил Макфадьен. "И ты получил его?" "Да", - сказал Макфадьен. "И он толстый?"

"Неважно, толстый он или худой, вот он, перед вами", - и он бросил ламеру на огонь.

Макфадьен вскочил на пятки (дословно: надел подошвы) и побежал так быстро, как никогда. За ним унесся и ламетр. Он положил четыре весла, чтобы бежать. Тот, кто сидел у костра, встал, думая, что кто-то пришел поинтересоваться, и что теперь его поймали. Он отправился за ламером, чтобы оправдаться перед лэрдом Лох-Буйе. Ламер наблюдал за ним, и был совершенно уверен, что это тот, кого повесили.

Макфадьен подошел, и его спросили, снял ли он с человека башмак. Он ответил, что нет; тогда он спросил, не толстый ли ламер, и был уверен, что тот его уже съел. Пришел ламер, и тот закричал, чтобы его впустили, потому что вон тот идет. Его впустили. Как только это было сделано, тот, кто был на виселице, постучал в дверь, чтобы впустить его. Лохбуи сказал, что не пустит.

Примечание редактора:

Перевод строк 6 и 7 точно передает гэльскую идиому. В более свободном переводе на английский это будет звучать так: "И пришел ламер, и с ужасным криком потребовал впустить его, сказав, что повешенный идет за ним".

"Я ваш собственный пастух". Его впустили. Тогда он начал рассказывать, как он и другой пастух пошли красть вола, и что ему показалось, что это другой пастух вернулся, и именно это заставило его спросить, не толстый ли он. Лохбуи и его гости всю ночь веселились и развлекались по этому поводу. До глубокой ночи они не отпускали пастуха, рассказывая, как с ним это случилось.

Тот, кто пошел украсть вола, вернулся и дошел до дерева, где оставил другого пастуха, но никого не нашел. Он стал искать вверху и внизу и заметил того, кто свисал с дерева.

"О, - сказал он, - тебя повесили с тех пор, как я ушел, и завтра я буду в таком же положении, как и ты. Мы отправились в путь по злему умыслу и из-за соблазна женщин".

Затем он подошел и снял мужчину с дерева, чтобы отвести его домой. Он пошел с ним, не останавливаясь, через холм, через грязь и грязь, пока не пришел к дому другой женщины. Он постучал в дверь. Жена поднялась и впустила его.

"Как у тебя дела?" "Неважно; но, увы, его повесили с тех пор, как мы уехали".

Жена начала реветь и плакать.

"Не говори ни слова, - сказал он, - иначе завтра нас с тобой повесят. Мы похороним его в саду, и никто об этом не узнает. А теперь, - сказал он, - я возвращаюсь в свой дом".

Тот, кто был в Лох-Буйе, решил, что ему пора возвращаться домой. Он постучал в свою дверь. Его жена не проронила ни слова. Тогда он позвал, чтобы его пустили.

"Не пущу, - сказала жена, - тебя повесили, и ты никогда сюда не попадешь".

"Меня еще не повесили", - сказал он.

"Как бы то ни было, - сказала она, - ты никогда сюда не попадешь".

Он посоветовал себе пойти в дом другого пастуха. Он окликнул того, чтобы тот пустил его.

"Ты не войдешь сюда. Хватит с меня того, что я таскал тебя домой на спине, а после тебя повесили".

В конце дома было большое окно. Он вошел в окно. "Вставай, - сказал он, - посвети, и ты увидишь, что меня повесили не больше, чем тебя". Увидев, что у него, он оставил его до утра, пока не наступил день. Потом они разговорились, рассказали друг другу, что с ними произошло с обеих сторон, и решили пойти к Лохбуи и рассказать ему все, что с ними случилось. Когда Лохбуи выслушал их рассказ, не прошло и года, как он подарил каждому из них по быку и по тюку муки.

LOCHABUIDHE 'S A DHA BHUACHAILLE.

Ann an 1602 bha dà bhuachaille aig Lochabuidhe, 's thàinig bean an darna buachaille gu tigh a' bhuachaille eile; agus bean-an-tighe stigh roimpe 's poit aice air teine; "Dé th' agaibh anns a' phòit?" ars' an té a thàinig a stigh. "Ma ta," ars' ise, "deur de bhrochan a bhios aig an duine le 'dhinneir," "Dé," ars' an té a thàinig a stigh, "an seòrsa brochain a th' ann?" "Tha," ars' an té a bha stigh, "dubh-bhrochan."^[10] "Nach esan," ars' ise, "an duine truagh? Nach 'eil thu 'toirt da dad ach sin? Tha mise an uiread so de ùine fuidh thighearna Lochabuidhe, 's cha d' òl mi brochan gun fhionnan-feòla no rud-eiginn ann. Saoil nach beag do thighearna Lochabuidhe, ged a gheibheamaide damh 's a' bhliadhna; nach beag a dh' ionndrainneadh e e? Cuiridh mise an duine agam fhéin a nall an nochd 's bheir sibh dhachaigh fear de na daimh."

'N uair thàinig an oidhche chuir i nall e. Chuir a' bhean an so air falbh an duin' eile. Thuirt an darna fear: "Goididh tusa an damh thar na buaile, 's bheir thu thugamsa e, agus bithidh sinn saor; mionnaichidh mise nach d' thug mi thar na buaile e, 's mionnaichidh tusa nach d' thug thu dhachaigh e."

Dh' fhalbh an dà bhuachaille. S an àm sin chrochadh iad duine tra 'dheanadh e cron, gun fheitheamh ri lagh no binn; ach anns na lathan bha tighearna Lochabuidhe an déigh duine 'chrochadh stigh 's a' choille. Dh' fhalbh iadsan 's dh' fhadaidh iad teine aig craoibh 's a' choille, mar chomharradh do 'n fhear a chaidh a ghoid. Shuidh fear aig an teine 's chaidh am fear eile a ghoid an daimh. Air an oidhche fhéin bha mòran de dhaoine'-uaisle 's a' Mheigh^[11] aig tighearna Lochabuidhe. Bhual iad air cur gheall ri tighearna Lochabuidhe nach robh duine 's an tigh aige a

bheireadh a' bhròg thar an fhir a chaidh chrochadh an diugh. Chuir tighearna Lochabuidhe geall riù-san gu 'n robh. Ghlaodh e nuas air a ghille mhòr Mac Phaidean.^[12] Thuirt e ris an robh e brath an geall a leigeadh air. Dh' fharraid an gille mòr c' ar son a bha 'n geall. Thuirt e ris, gu 'n robh iad ag ràdh nach robh duine 'n a chùirt a bheireadh a' bhròg thar an fhir a chaidh chrochadh an diugh. Thuirt Mac Phaidean gu 'n tugadh esan dheth a' bhròg 's gu 'n tugadh e thuga ann an sud i.

Dh' fhalbh Mac Phaidean air a thurus. 'Nuair a ràinig e sheall e 's chunnaic e 'm fear a chaidh chrochadh 'deanamh a gharaidh. Cha deach e na b' fhaid' air aghaidh, 's thill e le cabhaig. 'Nuair a ràinig e thuirt iad ris, an robh a' bhròg aige. Thuirt e riu nach robh, gur h-ann a bha 'm fear ud 's làn cléibh de mhòine air a bhialthaobh 's e 'deanamh a gharaidh. "Dh' aithnich sinn-fhéin," ars' na daoine-'uaisle, "nach robh agad ach an gealtair." Thuirt an clàraicheach^[13] a bha thall: "Is ceàrr an rud a tha thu 'deanamh, an geall a leigeadh air; na 'm biodh comas nan cas agam-fhéin dh' fhalbhainn 's bheirinn a' chas dheth co math ris a' bhròg mu 'n leiginn an geall air tighearna Lochabuidhe!"

"Thig thusa so," ars' an gille mòr, "'s cuiridh mise dà chois nach deachaidh riamh 'n leithid orts a fothad." Chuir e 'n clàraicheach mu chnàimh 'amhaich, 's dh' fhalbh e leis. Nuair thainig iad 'an sealladh an duine a bha 'deanamh a gharaidh, dh' iarr an clàraicheach tilleadh. Thuirt Mac Phaidean nach tilleadh. Dhlùthaich iad ris an fhear a bha 'deanamh a gharaidh. Thog am fear a bha aig an teine a cheann, 's mhothaich e dhoibh-san a' tighinn. Shaoil leis gur h-e a chompanach fhéin, am fear a chaidh a ghoid an daimh, a bha air tighinn. Labhair e 's thuirt e: "An d' thàinig tu?" "Thàinig," ars' Mac Phaidean. "'S am bheil e agad?" "Tha," ars' Mac Phaidean. "'S am bheil e reamhar?" "Biodh e reamhar no caol agad, sin agad e!" 's e a' tilgeadh a' chlàraicheach mu 'n teine.

Chuir Mac Phaidean na buinn air, 's theich e co làidir 's a rinn e riamh. Leum an clàraicheach air falbh as a dhéighinn, chuir e na ceithir raimh^[14] orra gu teicheadh. Dh' éirich am fear a bh' aig an teine, agus dùil aige gur h-e feadhainn a thainig a dh' fharcluais air fhéin a bh' ann, 's gu 'n robh e nis a sàs. Dh' fhalbh e as déighinn a' chlàraicheach, dhol a ghabhail a leithsgeul do thighearna Lochabuidhe. Bha an clàraicheach 'g a fhaicinn a' tighinn as a dhéighinn, 's e làn-chinnteach gur h-e 'm fear a chaidh chrochadh a bh' ann.

Ràinig Mac Phaidean. Dh' fharraid iad dheth an d' thug iad bròg bharr an duine. Thuirt e nach d' thug, gu 'n dubhairt e ris-san an robh an clàraicheach reamhar, 's gu 'n robh e cinnteach gu 'n robh e air 'itheadh aca roimhe so.

Ràinig an clàraicheach 's an glaoth ud 'n a cheann, esan a leigeadh a stigh, gu 'n robh am fear ud a' tighinn. Leigeadh a stigh e. Am buileach a bha e stigh, bhuail am fear a bh' air a' chroich 's an dorus, esan a leigeadh a stigh. Thuirt fear Lochabuidhe nach leigeadh. "Is ann a th' annam," ars' esan, "am buachaille agaibh fhéin." Leig iad 'an so a stigh e. Bhuail e so air innseadh dhoibh mar chaidh e-fhéin 's am buachaille eile a ghoid an daimh; gu 'n do shaoil esan gur h-e 'm buachaille eile a bha air tilleadh leis an damh, gur h-e 'thug air a dh' fheòraich an robh e reamhar. Bha spòrs is fearas-chuideachd anabarrach aig tighearna Lochabuidhe 's aig 'uaislean air a so fad na h-oidhche. Chum iad aca am buachaille gus an robh e ro-fhada dh' oidhche 'g innseadh naigheachd mar a dh' éirich dha.

Thàinig so am fear a chaidh a ghoid an daimh. Ràinig e 'chraobh aig an d' fhàg e 'm buachaille eile 's cha d' fhuair e duine. Bhuail e air siubhal sìos 's suas; mhothaich e 'n slaod ud nuas ris a' chraoibh. "O," ars' esan, "tha thusa air do chrochadh bho 'n a dh' fhalbh mise, 's bithidh mise am maireach air an ruith air am bheil thu fhéin. 'S e an turus mi-shealbhach, 's buaireadh nam ban, a chuir sinne air an turus."

Ghabh e null 's thug e' n duine bhàrr na croiche g' a thoirt dachaigh. Dh' fhalbh e 's cha d' fhuair e leithid dol roimh mhonadh 's roimh pholl 's roimh eabar riamh; mu dheireadh ràinig e tigh na mnatha bha 'n duine air a chrochadh aice. Bhuail e 's an dorus; dh' éirich a' bhean 's leig i stigh e. "Ciamar a dh' éirich dhuibh?" ars' a' bhean. "Is coma leatsa co-dhiù, mo thruaighe! tha e air a chrochadh o 'n a dh' fhalbh sinn."

Chaidh a' bhean gu gladhaich agus gu caoineadh. "Na abair guth," ars' esan, "air neo bithidh tu fhéin 's mise air ar crochadh am màireach. Tiodhlaicidh sinn anns a' ghàradh e, 's cha bhi fios aig duine am feasd air. Nis (ars' esan), bithidh mise falbh dhachaigh thun mo thighe féin."

Ach smaointich am fear a bha 'n Lochbuidhe gu 'n robh an t-àm aige tighinn dachaigh nis. Bhuail e 's an dorus aige fhéin. Cha dubhairt a bhean guth. Ghlaodh e so a leigeadh a stigh. "Cha leig," ars' a bhean, "'s ann a tha thu air do chrochadh; cha tig thu so am feasd!"

"Cha 'n 'eil mi air mo chrochadh fhathast," thuirt esan.

"Biodh sin mar a dh' fheudas e dhuit," ars' ise, "cha 'n fhaigh thu stigh so am feasd."

Is e 'chomhairle a smaointich e air, dol gu tigh a' bhuachaille eile. Ghlaodh e 's an dorus aig an fhear ud, a leigeil a stigh. Thuirt am fear ud, "Cha tig thu stigh an so; fhuair mise gu leòir 'g ad thoirt dachaigh air mo mhuin 's tu air do chrochadh." Bha uinneag mhòr air ceann an tighe 's ghabh e dh' ionnsuidh na h-uinneig. Thàinig e stigh air an uinneig. "Эйрих," ars' esan, "'s las solus 's gu 'm faic thu nach do chrochadh mise na 's mò na 'chrochadh tu-fhéin."

'Nuair chunnaic e gur e a bh' aige, chum e aige e gu maduinn, gus an d' thàinig an latha. Chuir iad an so an guth ri chéile a dh' innseadh dhaibh mar a dh' éirich dhaibh thall 's a bhos; gu 'n rachadh iad gu tighearna Lochabuidhe 's gu 'n innseadh iad dha na h-uile dad mar a dh' éirich dhaibh. 'Nuair chuala tighearna Lochabuidhe mar a dh' éirich doibh, cha robh bliadhna tuilleadh nach tugadh e damh do na h-uile fear dhiubh, 's bolla mine.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[10] *Dubh-bhrochan* - негустая смесь овсянки и воды, без мяса и овощей. Похоже, в старые времена это был популярный напиток. Когда лорд Островов держал государство в замке Дантулм в Скае, никто не допускался в телохранители властителя, если не мог взять сосуд (диоркал), содержащий жидкость, одной рукой у своего спутника, сделать глоток и передать его другому. На острове Малл, примыкающем к Саунду и расположенном напротив Ардторниша, где когда-то находилась резиденция лордов Островов, есть место, вероятно, получившее свое название из-за причудливого сходства с этим блюдом, которое называется Лох Диоркал.

[11] Замок Мой находится рядом с современным особняком Лохбуи, и в гэльском тексте, по-видимому, упоминается именно он. (Прим. ред.)

[12] Макфадъены, по словам одного из членов клана, о чьих суждениях и уме писатель имеет основания думать очень высоко, были первыми владельцами Лохбуи, а когда их изгнали, они стали расой странствующих ремесленников (*Sliochd nan òr-cheard* - раса ювелиров) в *Бейн-ан-аоинидхе* и других подходящих местах на Малле. Род очень древний, но часто замечали, что у них нет вождя.

[13] *Clàiraineach* означает "один на досках". Человек, потерявший возможность пользоваться своими конечностями и передвигающийся на четвереньках, с досками или кусками дерева

под руками и коленями, с помощью которых ему было легче передвигаться по земле. Когда его усаживали, он не мог двигаться. В прежние времена недостатки человечества, которые сейчас облегчаются многими средствами, полностью зависели от случая или очень простых приспособлений и были объектами скорее злобного преследования, чем милосердного или доброжелательного внимания.

[14] *Na ceithir ràimh* (четыре весла) - плыть на четвереньках. (Прим. ред.)

МАК НИЛ ИЗ БАРРЫ И ЛОХЛИННЕРЫ.

В Барру в свое время пришли лохлиннеры и обратили Мак-Нила в бегство. Он бежал в Ирландию, где и остался. Когда его сыновья подросли, они услышали, что их постоянно называют чужаками и "барраярцами". Они решили выяснить причину такого обращения и однажды за ужином потребовали от отца объяснений, почему их называют таким необычным именем, как "Баррайх" (*Barraidhich*); но он ответил, что упоминание этого имени вызывает у него глубочайшую печаль, и запретил им когда-либо упоминать его впредь. "Мы никогда больше не будем ни есть, ни пить, - сказали они, - пока не узнаем, что означает это слово". Тогда он объяснил им это имя и рассказал обо всем, что с ним случилось, и о том, как ему приходилось терпеть унижения и презрение, пока его могущественные враги норманны владели его землями. Его сыновья, узнав о причине изгнания отца, решили испробовать все возможные средства, чтобы вернуть свое наследство. Они стали снаряжать галеру (*birlinn*), и когда она была укомплектована мачтами, парусами, веслами, командой и компасом и готова к отплытию, отец дал им указание на Барра-Хед и сказал, что если человек, которого он оставил в Барре, все еще там и которого зовут Макилкари (*Mac'ille-charaich*), то он направит их прямо к тому месту, куда они должны отправиться на поиски своих врагов. Так и случилось (*'s ann mar sin a bhà*). Они нашли этого человека и рассказали ему, кто они такие и с какой целью пришли. Он велел им направиться к Замковой бухте (*Bàigh-a'-chaisteil*) и увидеть свет по правую сторону, когда они въезжали в нее. Они добрались до дома, где горел свет, но не смогли войти. Они взобрались на крышу и, заглянув в отверстие, увидели бедного старика, который горько плакал. Они окликнули его, что они друзья, и, признав их, он рассказал им, как в тот день он платил Лохлиннерам арендную плату и хотел получить несколько марок, за что они пригрозили ему, что если он не вернется с остатком арендной платы, то на следующий день в полдень получит определенное количество ударов плетью. Тогда Мак-Нейлы рассказали о своем поручении, и старик с радостью указал им самый прямой и тайный путь к замку, в котором находился колодец с чистой водой, источник которой был неизвестен. Взяв замок, они отправились в Кинлох (*Ceannloch*) и очистили Васлам. Затем они послали весть своему отцу, который пришел с отрядом последователей к ним на помощь, и другие уроженцы, которых он знал раньше и на дружбу которых мог рассчитывать, как только весть о его возвращении дошла до них, присоединились к его отряду. Среди прочих к нему на помощь пришел непризнанный сын, которого он оставил. Этот сын, исходя из этого обстоятельства, был известен как Мак-ан-амхаруис (сын сомнения). Когда он заявил о своих претензиях, Мак Нил ответил: "Если ты мой сын, докажи это, очистив до утра Эйлеан Фиарадх от моих врагов". "Тогда дай мне средства", - ответил Мак-ан-Амхаруис, - "и я не оставлю крови ни одного представителя расы ни в одном месте, ни в одном месте (*'s cha'n fhàg mi fuil fineig dhiubh 'an àite na'n ionad*)". Мак Нейл дал ему свой меч, и в ту ночь, пока Лохлиннеры, которые сильно веселились, крепко спали, он пробрался в замок, который стоит на заливе перед крепостью Эолигарри, в восьми милях от Касл-Бей, и тайно убил его обитателей там, где они

лежали. Говорят, что их тела до сих пор можно увидеть, когда сильная буря разбрасывает песок в разные стороны над фортом (*tigh-dìon*), где они были убиты. С того дня Мак Нил стал обладать собственными правами.

ФИНЛЕЙ ГИВНАК.

В то время, когда Маклин из Дауарта был владельцем Тири, этот человек, *Фионнладх Гибхнич*, жил возле небольшой бухты *Портнан-лонг* в Балемартине, на южной стороне острова (*air an leige deas*). Не было другого столяра, кроме него, вернее, не было никого, кто мог бы сравниться с ним в мастерстве на пяти островах (*anns na còig eileanan*). В те времена Балемартин и Маннал были одним фермерским хозяйством, и людей в поселке было немного. Переодевалка (*tigh-òsd*) находилась у ручья Геданс (*amhuinn Ghoidean*), между Айленд-Хаусом, резиденцией владельца, и берегом. В это время между Маклеодом из Дунвегана и Маклином из Тири также существовал патронаж (*comhaltas*), по которому они обязывались доказывать дружбу друг другу любой ценой и при любом удобном случае, и Маклеод, нуждаясь в услугах Финлея Гивнака, приехал за ним на Тири со своей лодкой (*birlinn*). Он высадился в *Порт-нан-лонге* (бухте парусных кораблей) и, добравшись до Айленд-Хауса, был радушно встречен Маклеодом. Когда он спросил Финлея, ему ответили, что тот уже несколько дней не появлялся в Айленд-Хаусе, "и это не очень хороший день, когда я его не вижу", - сказал Маклейн. Маклеод сказал, что приехал, чтобы взять Финлея с собой на год службы; что о нем будут заботиться, и если ни с кем из них не случится беды или несчастья, то в конце года он сам привезет его домой. Услышав это, Маклейн сказал, что они отправятся на поиски Финлея. Они отправились в путь и, переходя через общую дорогу (*an clar macharach*) между домом и ручьем, встретили Финлея, который, оправившись от приступа дурноты, как обычно, направлялся в Айленд-Хаус. Маклеод поинтересовался его здоровьем и тем, способен ли он еще так же хорошо работать, как и раньше. Финлей ответил, что вместо того, чтобы слабесть с возрастом, он с каждым днем набирается сил и бодрости (*neart's tàbhachd*); он стал активнее ходить и видит лучше, чем когда-либо. Маклеод сказал, что его удивило, что в Скае люди с возрастом теряют силу и активность, "и любопытно, что у вас все иначе". Финлей сказал, что теперь он лучше ходит и набирается зоркости: раньше он мог перепрыгнуть через ручей Сорабай, а теперь идет к броду, чтобы перебраться; а когда он был моложе, если видел человека, то это был один человек, а теперь - два и три. Они взяли Финлея с собой в меняльную контору. Пообещав Маклину здоровье, Маклеод, как это было принято, сказал: "Я хочу получить от тебя свое желание, Маклин" (*Mo shainnseal ort, Mhic'illeathain*).

"Ты можешь свободно исполнить свое желание" (*'S e beatha le sainnseal*),^[15] - ответил Маклин. "Мое желание - чтобы Финлей был со мной", - сказал Маклеод. В ответ на комплимент Маклин сказал: "Мое желание - чтобы Финлей остался при мне". "Но я не прошу держать его при себе всегда", - сказал Маклеод. Затем они рассчитались и договорились, что Финлей отправится в Дунвеган, на западном побережье Ская, на год работы, а чтобы он не задерживался дольше этого срока, Маклейн должен был поехать с ним. Когда Финлей вернулся домой и рассказал жене о предстоящем путешествии, она сказала ему: "Ты очень глуп, что отправляешься так далеко, когда Маклин дает тебе хороший заработок". "Я должен ехать во что бы то ни стало, и ты должна поехать со мной", - сказал он и рассказал ей, что ему нельзя оставаться в Скае и что сам Маклин едет с ним, чтобы убедиться, что его там не задержат, и что она должна поехать с ними. "Как я могу это сделать, - сказала она, - если

Маклейн не позволит женщине находиться с ним в одной лодке?" "Я положу тебя в остов, - сказал он, - и когда мы достигнем Дунвегана, там будет пир и веселье, и когда соберутся знатные Маклеоды (*maithibh Siol Leòid*), ты войдешь в компанию как бедная женщина, а я распоряжусь остальным так, что ты, возможно, заработаешь больше, чем я". Она согласилась, и он посадил ее на ночь в лодку с достаточным запасом провизии. Они благополучно добрались до Дунвегана (*le deadh shoirbheachadh*). Жена Финлея незаметно покинула лодку и ждала в доме неподалеку, пока не начался праздник. Когда команда и те, кто приплыл на лодке, добрались до замка, там царило всеобщее ликование; был устроен обильный пир, собралась компания, соблюдались обычаи, когда накрывали столы и приглашали гостей. Среди собравшихся был один иждивенец с хорошим положением, который по какой-то пустяковой причине потерял расположение Маклеода. Финлей заметил, что тот держится в стороне от компании, и, выяснив причину, посоветовал ему заложить здоровье Маклеода, а заодно и высказать свою обиду. Он последовал совету и сказал,

"Уважаем я был в доме Маклеода.

Когда правосудие вершилось в его стране,

А нынче я - забытый сын.

В то время, когда тянет к вину (пьянству),

Но это тебе, сын Темного Джона,

Кто пришел сегодня или вчера,

Я сын героя.

Который был здесь в прошлом,

Хотя сегодня я не могу

Получить холм для своего скота".

("Bu mhùirneach mise 'an tigh Mhic Leòid

'Nuair shuidh a' chòir 'n a thìr,

'S mac dì-chuimhnicht' mi 'n nochd 'n a theach

'An àm tarruing a steach gu fion,

Ach sud ortsa, mhic Iain Duibh,

A thàinig stigh an diugh no 'n dé,

Mise mac suinn a bh' ann riamh

Ged nach fhaigh mi 'n diugh an sliabh g' am spréidh.").

"Добрый юноша, - сказал Маклин, - отправляйся в Малл, и я дам тебе там землю (*fearann*)". Он сказал,

"В прошлом году я был сыном героя,

Но в этом году я сын печали;

Если на меня ляжет третий груз,
то в следующем году я стану сыном Мулла".

("Bu mhac suinn mi an uiridh,

Ach mac mulaid mi 'm bliadhna;

Ma chuireas iad orm tuille treise,

'S mac Muileach mi air an ath-bhliadhna.").

"Собственные земли Маклеода еще не исчерпаны", - сказал Маклеод и вернул ему прежнее место и привилегии, и ему больше не пришлось ездить за землей ни в Мулл, ни куда-либо еще.

В это время Финлей все время искал взглядом появление своей жены и, увидев ее в дверях, окликнул: "Бедная женщина! Что привело тебя сюда? Должно быть, какая-то насущная необходимость заставила тебя прийти сегодня ночью среди знати клана Леод. Расскажи свою историю, и я уверен, что все они захотят помочь тебе и не отпустят тебя с пустыми руками, как ты пришла". Она сказала, что была бедной женщиной, которая вела свою жизнь честно, как могла, с помощью тех, кто замечал ее бедность и оказывал ей милостыню, и что она пришла к дворянам клана Леод, как они собрались в это время, чтобы узнать, не помогут ли они ей. "Пусть твои земляки делают что хотят, - сказал Финлей, - я дам тебе теленка (*mart-laoigh*)". Маклейн посмотрел на него с изумлением, и это было неудивительно, когда он услышал, как тот отдает единственную корову, которая была у бедной женщины из Балемартина, северной жене (*do 'n chaillich thuathaich*). Каждый из присутствовавших вельмож сделал ей такой же подарок, пока у нее не стало девять коров. Когда компания ушла и у Маклина появилась возможность поговорить с Финлеем, он спросил его: "Что заставило тебя отдать единственную корову, которая у тебя была, северной жене?" "Ты знаешь, кто эта жена?" сказал Финлей. "Какое мне дело до того, какая она жена или кем была", - сказал Маклин. "Это просто моя собственная жена, которая была там и получила всех коров, и тебе не нужно отдавать ей свою, пока ты не вернешься домой", - сказал Финлей. "А как вы ее сюда привезли?" спросил Маклин. "Ods! Маклейн, - сказал он, - просто в большом бочонке у твоих ног на камбузе". "Никакая смерть тебе не грозит, кроме как быть повешенным за твои причуды" (*cha tig bàs ortsa 'm feasd ach do chrochadh le d' raoitean*), - сказал Маклейн и посоветовал ему отправить скот на Малл, пока его не переправят на Тири. Финлей последовал совету и отправил жену с коровами к Маклину в Бенмолах, что на северо-западной стороне Мулла, и она доставила их в Балемартин, где Маклин по возвращении домой прислал ей свой подарок.

Финлей начал свою работу и усердно продолжал ее, чтобы в конце года быть готовым вернуться домой, и Маклеод часто приезжал к нему, больше для того, чтобы послушать, что он скажет, чем для того, чтобы посмотреть, как продвигается его работа. Однажды, застав его за завтраком и заметив, что Финлей начал с задней части формы масла (*measgan-ime*), поставленной перед ним, Маклеод спросил его, когда тот закончил, почему он не начал с передней части. "Я брал его только сзади и спереди, как это было принято за столом Маклина, где меры были круглыми (*far nach biodh na measgain 'n am bloidhean*)". В другой раз Маклеод застал его за разделыванием остатков сыра (*cùl càise*) и спросил, когда он научился разделывать сыр. "С тех пор как я приехал в замок Маклеода, - ответил он: "не было обычая класть остатки на гостеприимный, веселый, щедрый стол в доме Маклейна (*air bòrd fiùghaireach, aighearach, fialaidh Mhic'illeathain*)".

Когда год истек, Маклин, как и было условлено, отправился вернуть Финлея домой. Он был радушно принят Маклеодом и после путешествия наслаждался обычным гостеприимством, приготовленным для гостей его ранга, когда услышал стук молотка Финлея: "Моя потеря! (*mo chreach!*), - сказал он, - я слишком долго откладывал поездку туда, где находится Финлей". Когда он добрался до него, то сказал: "Извини, Финлей, я довольно долго не шел туда, где ты находишься". "Я знаю это, Маклин", - сказал он,

"Объект моего презрения - маленький столик.

где можно найти подлость:

Предметом моей похвалы был хорошо накрытый стол.

где сидели гордые герои.

Ты не принял Финлея Гивнака

И не вспомнил о нем до последнего".

("B'e mo laochan am bòrd suaile

Air am bitheadh na laoich mheamnach:

Cha d' thug thusa stigh do ghobhainn Guibhneach,

'S cha do chuimhnich thu e gu anmoch.").

Затем Маклейн поинтересовался его благосостоянием в течение года и, помимо прочего, сказал, что хотел бы услышать, каково его мнение о женщинах страны Маклеодов с тех пор, как он появился среди них. "Что ж, я скажу вам это", - ответил Финлей,

"Если бы все женщины клана Маклеод,

малые и великие, старые и молодые,

собрались бы в одном теле,

Я бы сделал из них одну правильную".

("Ged bhiodh mnathan Sìol Leòid,

Beag is mòr, sean 's crìon,

Air an càradh 'an aona bhodhaig

'S e aona bhean chòir a dheanainn dhiubh.").

"Им не понравятся твои слова". "Они будут довольны моими словами больше, чем я был доволен их путями", - сказал Финлей; "Вижу, пора возвращаться в Тири", - сказал Маклейн.

Когда Финлей пошел получить плату от Маклеода перед отъездом, и когда они беседовали вместе после того, как договорились между собой, Маклеод сказал, что готов заключить пари, что торф Тири будет гореть не так хорошо, как торф Ская. "Каково твое мнение, Финлей?" спросил Маклин; "Принять ли мне пари?" "Ну что ж, я готов поспорить, что они не будут гореть так же хорошо, как торф из Белого мха в Тири (*Leòra! cuiridh mise geall uach gabh iad co maith ri mòine Bhlàir-bhàin 'an Tìreadh*)", - сказал Финлей, и пари было заключено. "Я заключаю еще одно пари, - сказал Маклеод, - что наши собаки победят собак Маклейна". Это

пари также было принято, и Маклеод отправился с ними в Тири, взяв с собой на галеру торф и собак. Когда заключенные пари были испытаны, скайский торф при разжигании загорелся ярким пламенем, но вскоре сгорел. Тогда Маклейн спросил, не попробовать ли им теперь тирийский. Поскольку слуги не принесли ни одного, а между ними уже была достигнута договоренность, Маклейн попросил Финлея сходить за ними самому. Финлей сказал, что, возможно, это будет не самое лучшее, что он привезет. Он вышел и, набрав охапку торфа, стал по очереди замачивать его (*fòid an déigh fòid*) в бочке с маслом. Когда Маклеод увидел их, он сказал: "О человек, какие они мокрые! (*O dhuine, nach iad a tha fliuch*)". "Чем они мокрее, тем живее будут гореть (*mar a' s fliuiche 's ann a' s braise iad*)", - ответил Финлей, надевая их; и когда они загорелись, то чуть не сожгли весь дом. "Разве я не говорил, что они будут гореть лучше, чем скайские, - сказал Финлей Маклеоду, - и ты проиграл пари". "Несомненно, проиграл", - ответил тот. На следующий день должен был состояться собачий бой (*tabaid chon*). Финлей встал рано и дал своим собакам самый сильный "толпи" (*фуараг*, смесь молока и муки), и хотя они были меньше, когда начался бой, собаки Маклеода не смогли выдержать с ними ни одной схватки. "Удивительно, - сказал Маклеод, - когда одна из моих собак такая же большая, как две собаки Маклина". "Тебе не стоит удивляться, - сказал Финлей, - эти собаки принадлежат к той расе, что была в земле фианцев (*so sìolachadh nan con a bh' aca 's an Fhéinn*), и никакому другому роду не нужно пробовать свои силы против них". "Если вы были в земле фиан, вы вернулись, и никому не нужно заключать пари с Маклейном, пока вы с ним". Маклеод попрощался с ними и вернулся домой (*Dh' fhàg e beannachd aca 's thill e dhachaidh*).

ПРИМЕЧАНИЯ:

[15] *Sainnseal* означает вручение бесплатного подарка, или хендсел.

БОЛЬШОЙ ДЬЮАР ИЗ БАЛЕМАРТИНА, ТИРИ.

Это был Джон Маклин, уроженец Дауарта на острове Малл, бежавший в Юру.[16] Говорят, что он был первым человеком с этого острова, поселившимся на Тири, и поэтому его называли Дьюаром (*Diùrach*).[17] Он и его семь сыновей были могучими и сильными людьми. Им принадлежал городок Балемартин (на южной стороне Тири), включая Сораби, где находится могила и где когда-то стояла часовня, к которой примыкали земли сада Сораби. В это время жители острова платили ренту или налог (*cìs*), но заставить большого Джона Дьюара платить налог оказалось невозможно. В первый раз, когда его попытались заставить платить, он взял с собой семерых сыновей в Айленд-Хаус, резиденцию владельца, и положил их на дерн перед домом (*air dòirlinn an eilein*), сказав: "Вот плата, которую я принес вам, и вы можете взять ее или оставить". Еще одна попытка добиться от него уплаты закончилась следующим образом.

Однажды, когда он и его сыновья пахали, двое из сыновей были в Сораби, так как в окрестностях было мало людей, а сыновья находились на некотором расстоянии от него, ему пришлось самому пойти в кузницу, чтобы починить лемех (*a ghlasadh an t-suic*). Было начало лета, и он оставил лошадей у плуга, чтобы они ели дикую горчицу (*sgeallan*) на поле, где он пахал, а травы и других трав было мало. Пока отец был в кузнице, сыновья, находившиеся в Сораби, взглянув на море, заметили лодку (*bìrlinn*), подплывавшую к берегу. Оно держало курс на небольшую лодочную бухту (*port nan long*) в Балемартине, и на его борту находился очень сильный человек по имени "Темный Джон Кэмпбелл" (*Iain Dubh Caimbeul*), который был послан собирать налог с тех жителей острова, которые не желали его платить. С ним в лодке

была умелая команда. Они высадились на берег и, когда добрались до места, где Дьюар пахал, первым делом захватили лошадей в плуге (*na h-eich a bha 's an t-seisreach*), чтобы увезти их в лодке в качестве уплаты налога. Когда они уже были почти готовы отплыть, в поле зрения появился Дьюар, возвращавшийся из кузницы. Увидев непрошенных чужаков, он ускорил шаг, чтобы перехватить их, и взял лошадей, чтобы отвести их назад. Кэмпбелл выхватил меч и приказал ему убираться как можно быстрее, иначе он положит свою голову рядом с его ногами. Дьюар выхватил свой меч и сказал: "Давай, сделай все, что в твоих силах". Между ними завязалась драка, и Дьюар гнал Кэмпбелла, Инверарея, назад, пока не уложил его среди могил (*lic*) на кладбище, и случилось так, что Кэмпбелл споткнулся о крест Маклина и упал назад. Прежде чем он смог подняться, Дьюар одержал над ним верх. Увидев, что он упал, его люди были уверены, что он, должно быть, убит, и вместе с лошадьми сели в лодку и вышли в море. "Дайте мне подняться, - сказал Кэмпбелл, - и я дам вам слово, что никогда больше не приду с тем же поручением". "Дам", - сказал Дьюар, - "но дайте мне клятву, что так и будет (*gu 'm bi sin mar sin*)". Кэмпбелл дал слово, "и более того, - сказал он, - я пришлю вам стоимость лошадей, когда доберусь до Инверарея". "Теперь вы пойдете со мной в мой дом, - сказал Дьюар, - и вам не нужно бояться или опасаться; ваш дом и прием будут не хуже, чем мой собственный, пока вы не найдете способ вернуться домой". В течение нескольких дней Кэмпбеллу удалось уйти, и он больше никогда не возвращался, чтобы "запугивать" или устрашать кого-либо. Добравшись до Инверарея, он сдержал свое слово. Он продал лошадей и отправил цену Дьюару, которого так и не заставили заплатить налог.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[16] Причиной бегства Джона Дьюара в Юру, как говорят, стало то, что он сообщил Маклейну из Лохбуи сведения, которые навредили Маклейну из Даурта в споре, возникшем между ними.

[17] Несколько потомков Джона Дьюара в настоящее время живут в Тири. Они известны *под именем на Диурайх (na Diùraich)*, одна семья, происходящая от старшего из его сыновей, является коттеджами в Балемартине.

БОЛЬШОЙ ПАРЕНЬ ИЗ ДЕРВЕЙГА.

Одновременно с Джоном Дьюаром из Балемартина, Тири, Большой Парень жил в Дервейге, Малл, со своим отцом, Чарльзом, сыном Фэйр Нила из Дервейга. Этот парень, когда вырос до зрелого возраста, стал отличаться большой силой и доблестью, а также красивой внешностью. В то же время он был безрассуден и глуп. Презирая упреки отца, не слушая его советов и наставлений, он продолжал свою безумную карьеру, пока, наконец, не выманил у него деньги, на которые купил корабль и уплыл, причем никто из его друзей не знал куда. Через несколько лет он вернулся домой, разбитый, с пустыми руками и в полном беспорядке, разбив свой корабль у берегов Ирландии и потеряв все богатство, которое он накопил, чтобы расплатиться со своим отцом, который теперь умер. У Грива (*an t-aoirean*) была земля, и он отправился туда, где был. Грив рассказал ему о смерти отца и посоветовал отправиться к брату отца, Дональду, сыну честного Нила, который в то время владел Хайнишем, Тири, и, что бы он ни посоветовал, следовать этому совету, а он (грив) даст ему одежду и средства, чтобы доставить его туда, с условием, что ему вернут долг, когда он вернется. Поскольку другого способа искупить свои прошлые ошибки у него не было, он согласился на условия горемыки и отправился в Тири к своему дяде, который принял его холодно. "Что за дело привело тебя сюда, и куда ты направляешься, раз приехал сюда?" "Чтобы спросить совета у самого себя", -

ответил он. "Хороший совет должен был дать твой отец, но ты его не принял; вот что я тебе советую: иди и запишись в Черную Стражу, и это убережет тебя от беды. Сегодня вечером ты останешься здесь, а завтра утром я дам тебе денег, чтобы ты отправился в полк", - сказал его дядя. Дядя был женат на дочери Маклейна, лэрда Колла. Ее муж не сказал ей о приезде племянника, так как был недоволен его приходом. Когда на следующее утро Большой Лэд выходил из дома, она увидела его, проходящего мимо окна, и спросила, кто этот красивый незнакомец. Получив ответ, она заставила его вернуться в дом, дала ему еды, питья и одежды, а при расставании - денег на дорогу. Он вернулся в Дервейг, заплатил пахарю причитающееся и отправился на войну. В первом же месте, где он высадился, а это был Гринок, его поджидала банда, чтобы захватить любого, кто попадется им на службу королю, и, увидев этого человека, они тут же окружили его, чтобы увести силой. Он обернулся и спросил, чего они от него хотят. Они ответили: "Чтобы взять тебя с собой, несмотря на тебя". Поняв их намерения, он раскрыл руки во всю ширь и погнал всех тех, кто был перед ним, восемнадцать человек, назад в море, оставив их там плавать, чтобы выбраться наилучшим способом. После этого он дослужился до Черной вахты, которая накануне отъезда в Америку была зачислена в отряд, где пробыла семь лет. За это время Большой Парень (*an Gille mòr*) заслужил уважение и похвалу старших по званию своим примерным поведением и хорошим поведением, а также восхищение и привязанность равных ему, с которыми он был вежлив и терпелив. Когда полк возвращался в Англию, офицеры часто проводили свой досуг на борту корабля, доставившего их домой, за игрой в кости. Однажды, когда они играли, Большой Лэд наблюдал за ними и увидел, как молодой человек, один из английских офицеров, нагло, но скорее в шутку, чем всерьез, ударил по уху полковника полка, который, как знал Большой Лэд, был горцем. Увидев, что оскорбление не задето, он сказал полковнику по-гэльски: "Почему ты позволил ему ударить себя?" (*C' ar son a leig thu leis do bhualadh?*). "Значит, ты горец, - сказал ему полковник, - и ты был со мной семь лет, не сказав мне, что ты горец". "Если ты сделаешь то, о чем я тебя прошу, я дам тебе слово, что он больше не поступит с тобой так же", - сказал он полковнику.

"Что вы хотите, чтобы я сделал?" - спросил полковник. "Что вы выпишете мне увольнительную, когда мы доберемся до Лондона", - сказал он. "Но солдат не может получить увольнительную без приказа (с печатью) под короной", - сказал полковник. "Напишите для меня все, что сможете, и я не буду просить большего", - сказал он. "Все, что я могу написать, не принесет вам никакой пользы", - сказал полковник. "Напиши это сам", - сказал он; и написал. В следующий раз, когда разыгрывалась пьеса, Большой Лэд смотрел на нее, и когда увидел, что тот же самый человек снова ударил полковника, он подошел к нему и спросил, почему тот так поступил. В ответ он услышал, что солдатам не разрешается задавать вопросы своим офицерам. "Это мой способ оправдаться", - сказал Большой Лэд, нанеся ему удар, который он будет помнить всю жизнь, если вообще оправится от него. Солдата приговорили к суровому наказанию, но по прибытии в Англию он дезертировал - хотя дезертирство из армии не является обычаем горских солдат - и скрылся. Большое уважение, которым он пользовался, не позволило никому воспрепятствовать его бегству. Он сошел на берег ночью среди багажа, а портовые огни, которых в те времена было не так много, не позволяли легко заметить его побег. Как только он ступал на сушу, он пускался в путь, и всю оставшуюся ночь бежал, спасаясь от преследования. Днем он прятался под изгородями и стогами сена, а следующей ночью бежал дальше. На следующий день он совсем обессилел и решил попросить еды в придорожном доме. Поскольку он выглядел как бедный солдат, ему дали скудную еду, но он вежливо попросил лучшей пищи, и ему ее дали. Пока он принимал ее, в одну комнату с ним вошли двое незнакомцев, и, увидев, что его стол хорошо накрыт, а их собственный скуден, один из них сказал: "Странно видеть солдата Хайленда с хорошей едой, в то время как у нас почти ничего нет", подошел и смахнул все

мясо со стола солдата на свой собственный. Солдат позвал хозяйку дома и спросил ее, кто эти люди. Она ответила, что это путешественники, и спросила, почему они взяли мясо с солдатского стола, и сказала, что если бы они вежливо попросили лучшей еды для себя, то получили бы ее, а не устраивали бы ссору. Солдат сказал, что уладит ссору; найдя под рукой большой железный обруч (*lùbach mhòr iarunn*), он распрянул его (длиной в сажень) и накинул на голову ближайшего к нему, затем скрутил его в петлю и продел в остаток голову другого. Затем он вытащил их обоих за собой и оставил на большой дороге. "Теперь, - сказал он им на прощание, - вы можете ехать дальше, потому что вы не освободитесь от этой привязи, пока не попадете в огонь кузницы (*teallach gobhainn*)". Он вернулся, чтобы расплатиться с хозяйкой, которая сказала ему: "Похоже, у тебя не так уж много денег". "У меня осталось семь дней солдатского жалованья, чтобы оплатить дорогу", - ответил он. "Добрый юноша, - сказала она, - вот тебе двойная сумма, чтобы ты мог отправиться в путь, и я достаточно отплачу тебе тем, что ты избавишь мой дом от неприятных гостей". Он с благодарностью принял подарок и повернулся лицом к северу, чтобы прийти в Шотландию (*Альбейнн*). На следующий вечер он увидел прекрасный дом, к которому подошел в сумерках и попросил разрешения погреться. Ему разрешили войти, и когда он стоял спиной к огню, дочь хозяина дома увидела красивого незнакомца и рассказала об этом отцу. Он попросил дать ему еды и отправить его туда, где он был. Когда она пошла с этой просьбой, солдат спросил, кто ее отец. Она сказала, что он дворянин (*àrd-dhuin' uasal*). "Солдат - плохой спутник для дворянина", - сказал он. Он пошел с ней и увидел ее отца, седовласого мужчину в кресле, который смотрел по сторонам. Солдату предложили сесть. Поговорив некоторое время, старик сказал: "Молодой человек, у меня здесь есть дочь, которая доставляет мне много хлопот, чтобы составить ей компанию. Если вы умеете играть в карты (*iomairt chairtean*), займите мое место за столом; за каждую выигранную партию полагается денежное вознаграждение (*duais airgid*)". "У меня нет денег", - ответил солдат. "Я одолжу тебе немного", - сказала она. Игра продолжалась до тех пор, пока он не выиграл шесть партий, одну за другой. Тогда он захотел прекратить игру и предложил ей вернуть весь выигрыш, но она взяла только ту сумму, которую одолжила ему, сказав, что остальное принадлежит ему по праву. Он должен был остаться там на эту ночь, а утром не должен был уходить, не предупредив их. Опасаясь погони, он отправился в путь на рассвете. Не успел он отойти далеко, как понял, что за ним едет всадник. Он ждал, не пришлют ли его, чтобы вернуть деньги, выигранные за карточным столом; но это был гонец с просьбой к дворянину вернуться в замок. Когда он явился, дворянин укорил его за то, что он оставил замок неизвестно где, и рассказал, как его дочь влюбилась в него и решила никогда не выходить замуж ни за кого другого. Солдат ответил: "Солдат - плохой муж для нее". Дворянин был убежден, что он не простой солдат, какие бы обстоятельства ни поставили его в такое положение, и сказал, что предпочитает счастье дочери богатству или чину. Он остался с ними и женился на дочери; и когда он отложил солдатское платье, в новом, предоставленном ему, не было равных ему. Его уважали за достоинство его поведения так же, как и за прекрасную внешность, и он жил, не вспоминая о своих прошлых злоключениях, в счастье и процветании. В те времена новости распространялись медленно, газеты появлялись лишь раз или два в год в густонаселенных деревнях, а до отдаленных мест они не доходили. В одной из них, которая попала к дворянину в это время, рассказывалось о двух мужчинах, связанных железным прутком (*ann an slait iarunn*), которых выставляли в одном из городов Англии. Вместе с дворянином и его друзьями он отправился посмотреть на это чудо, на тех двоих, что были в союзе (*an dithis a bha 's a' chaigionn*). Всякий раз, когда мужчины видели горца, они говорили ему: "Если бы ты был одет в килт, мы бы сказали, что ты тот, кто засунул нас в эту петлю". "Если бы вы были более вежливы, - отвечал он им, открывая сверток, - когда встретили меня, вы бы не были сегодня дураками, идущими по Англии с

железным прутом на шее". За это его приветствовал народ, и если он и раньше пользовался уважением, то по возвращении домой его стали уважать еще больше, где он остался и стал великим человеком (*duine mòr*), любимым и почитаемым до конца своей жизни.

ИСТОРИЯ ДОНАЛЬДА ГОРМА ИЗ СЛЭТА.

В свое время Дональд Горм со своей галерой и командой находился на острове Скай. Когда они возвращались домой в Уист, в день их отплытия случился сильный шторм, и непогода заставила их вернуться и направиться прямо в Дунвеган, ближайшее укрытие, до которого они могли добраться. Дональд Горм не очень хотел туда идти, если бы мог каким-то образом избежать высадки, поскольку он убил Маклеода из Дунвегана в ссоре[18], которая возникла между ними; но выбора не было. Заметив приближающуюся лодку, которой грозила опасность погибнуть, Маклеод и люди из Дунвегана отправились на берег, чтобы встретить их, и, когда они благополучно высадились, оказали им любезный прием. Маклеод взял их с собой в свой замок и оказал им гостеприимство. Дональд Горм был приглашен к столу самого Маклеода, но отказался, сказав: "Когда я нахожусь вдали от дома, как сейчас, со своими людьми, я не отделяюсь от них, а сижу с ними". Маклеод сказал: "Твои люди сами получают достаточно мяса и питья, а ты иди со мной". "Я возьму еду только со своими людьми", - сказал он. Увидев, что Дональд Горм не желает разлучаться со своими людьми, и не желая позволить ему сидеть со своими, Маклеод пригласил людей Дональда Горма в свою компанию. Когда ужин закончился, началась попойка, и Маклеод, разгорячившись, сказал Дональду Горму: "Не ты ли убил моего отца?" "Меня обвиняют в том, что я убил трех презренных горцев (*trì sgrogainich de thighearnan Gaidhealach*), и мне все равно, что сегодня вечером я поставлю это обвинение на четвертую ногу", - сказал Дональд Горм, доставая свой кортик: "Вот кортик, которым убили твоего отца; у него острое, рукоять (*faillain*), он остро заточен, и его держат второй по удобству рукой для удара на запад." [19] Маклеод решил, что он сам - вторая лучшая рука, и спросил: "А кто второй?" Дональд Горм переложил кинжал в левую руку, поднял его и сказал: "Вот он". Маклеод испугался и больше ничего не вспоминал. Когда Дональду Горму предложили на ночь отдельную комнату, он сказал: "Когда бы я ни был дома, я никогда не занимаю отдельную кровать от своих людей, а сплю среди них, пока не вернусь в свой дом". Ему ответили, что у его людей есть спальное место, и что ему будет гораздо лучше одному в приготовленной для него комнате. Видя, что его не переубедить в том, что он решил провести ночь со своими людьми, они приготовили постели для себя и людей в печи (*àth*). [20] Люди, утомленные, спали беззаботно, но Дональд Горм не сомкнул глаз. Как-то в трудную минуту (*caraid éiginn air chor-eiginn*) у него появился друг, который тайком пришел к печи, где лежал он и его люди, и спросил его: "Пора спать, Дональд?" (*An cadal dhuit, a Dhòmhnui?*) "А что, если да?" (*'Dé na 'm b' è?*), - ответил он из печи. "Если да, то не будет" (*na 'm b' è cha bhì*), - сказал тот, что снаружи. "Просыпайтесь, люди, и быстро вставайте", - сказал он своей компании. Те сразу же поднялись и со всей быстротой вышли наружу, затворив за собой дверь печи, когда все оказались снаружи. Они побежали прямо к берегу и спустили свою лодку на воду; к счастью для них, ветер утих, и они успели опустить весла и отплыть на галере на некоторое расстояние от берега, прежде чем их бегство было замечено. Не успели они отойти далеко в море, как увидели горящую печь. "Вместо отца и деда вы остались без дома, а Дональд Горм находится там, где его не достать", - сказал Дональд Горм и благополучно добрался до своего дома без ран и увечий (*gun bheud gun mhilleadh*).

ПРИМЕЧАНИЯ:

[18] Ссора, в которой был убит Маклеод, была вызвана, как говорят, тем, что Дональд Горм отказался от своей жены, которая была дочерью Маклеода, чтобы жениться на сестре Маккензи из Кинтайла, и Маклеод, обиженный на оскорбление, напал на Дональда Горма, который убил его и двух его сыновей, сбросив их с обрыва на холмах Кулин в Скае, где произошла стычка. Иная версия этого инцидента приводится в одном из ранних рассказов о "Смуте на островах между кланом Дональд и Сейл Тормот в 1601 году", где говорится, что вражда велась "сэром Рори Маклеодом из Херри", шурином Дональда Горма Макдональда из Слеата, Расправы были жестокими и частыми, пока Маклеоды не были избиты в Бингиллине, где брат сэра Рори и другие главные люди его партии были взяты в плен Дональдом Гормом, но после примирения они были отпущены на свободу. (См. Gregory's History of the Western Highlands and Isles, p. 295).

[19] В связи с историей и инцидентом с кинжалом была сложена песня, из которой писатель смог почерпнуть только следующий куплет

Это кортик, которым убили твоего отца,

И он еще не отказал тебе,

Прощай, с берегов канала.

"Holoagaich h-ol-ò

Sud a' bhiodag a mharbh d' athair,

'S cha do dhiùlt i ri thusa fhathast;

Soraidh leat o thaobh a' chaoil."

[20] Упомянутая здесь печь (*àth*) находилась в соломенном доме около 17 футов в длину и 10 в ширину, глубиной около 5 футов; такая печь строилась в каждом поселке для подготовки кукурузы к помолу. Некоторые мирно настроенные и наблюдательные старики (*bodaichean sicire foirfe*) строили печи в собственных сараях, чтобы соседи не мешали им работать.

ДОНАЛЬД ГОРМ В МОЙДАРТЕ.

Жена лэрда Мойдарта (*Бин Мхак Айлейн Мхуидеарт*) однажды очень рассердилась на Дональда Горма. Он пришел в дом Мак-Айлейна, одетый, по своему обычаю, в костюм из овечьей шерсти цвета дун (натуральный), с крепкой дубиной из дуба в руке. Жена лэрда оказалась первой, кого он встретил, и без всяких предварительных слов он спросил: "Парень Мак-Ик Айлейн дома?" (*Bheil am balach Mac 'ic Ailein a stigh?*) "Нет, сейчас его нет", - ответила она, возмущенная его самоуверенностью. Следующий вопрос, который он задал, был: "Он еще долго не вернется домой?" "Не знаю", - ответила она. Ты скажешь ему, когда он вернется домой, что я звала его сюда и что "Стадо" - это имя, которое я получила (*gur e am Buachaille a their iad rium*). Вскоре после этого Мак'ик Айлейн вернулся домой, и жена рассказала ему о смельчаке, который расспрашивал его. По просьбе мужа она описала внешность и одежду незнакомца, а также то, как его прозвали "Стадо". "Ты пригласила его войти?" - спросил муж. "Нет", - ответила она, - "он был таким дерзким". "Никто, кроме меня, не поплатится за это, -

сказал он, - ибо он был Дональд Горм из Слеата" (*Dòmhnall Gorm Shléibhte*). Мак ик Айлейн приказал оседлать коня и поскакал со всей скоростью за Дональдом Гормом и нагнал его у постоянного двора. После долгих уговоров его уговорили вернуться в дом Мак Айлейна. По их прибытии его жена принесла множество извинений, и дружба не прервалась.

Мак Айк Эйлейн должен был держать Макконнела, Стадо Островов (*Mac Chonnuill Buachaille nan Eileinan*), за стремя на каждом празднике и ярмарке.

ЧЕРНЫЙ ВОРОН ИЗ ГЛЕНГАРРИ.

Граница между владениями Гленгарри и Кинтайла издавна проходила по извилистой реке (*amhuinn cham*, буквально "кривая река"), которая часто выходила из берегов, меняла свое русло и вторгалась в земли, иногда с одной стороны и так же часто с другой, вызывая споры и ссоры, касающиеся их прав и границ, между владельцами владений, которые она разделяла; арендаторы (*an tuath*) каждого владения брали на себя роль своего вождя, когда разгоралась борьба. Чтобы положить конец ссорам, вождь Гленгарри (*Mac 'Ic Alasdair*) настаивал на проведении прямой линии для обозначения границы между ними, но Маккензи из Кинтайла не давал согласия на предложение изменить старую линию, которая шла по руслу реки, и вражда вспыхнула вновь (*bha an tabaid air a bonn a rithist*). У Гленгарри было трое сыновей, и в стычке, которая произошла по этому случаю, двое старших сыновей были убиты. Младший, оставшийся дома по причине своей молодости, избежал участи своих братьев. Впоследствии он стал известен как Черный Ворон из Гленгарри. Когда он вырос до зрелого возраста, отец сказал ему однажды: "Мне прислали оскорбительное послание (*fios tàmailteach*) из Кинтайла о пограничной линии, и я должен принять вызов и собрать людей, а ты должен пойти с нами". "Если ты задумал драку, - сказал Ворон, - ты должен сделать это сам, за меня; два моих дорогих брата погибли из-за ваших глупых ссор, и меня бы тоже убили, если бы я был достаточно взрослым, чтобы быть с ними в то время, но поскольку теперь я понимаю, насколько ничтожна причина, я позволю вам самим драться". Его отцу оставалось только собрать своих людей и отправиться на поединок, не его. Когда они скрылись из виду, Ворон надел свои лучшие доспехи и сделал несколько оборотов вокруг холма, чтобы ускользнуть от внимания всех, кто мог остаться, а затем пустился в путь с максимальной скоростью, чтобы опередить отца и его людей. До наступления вечера он был у истоков Лох-Дуича, где и провел ночь. На следующий день он раздобыл плед из тартана Маккензи, который накинуд на себя, чтобы скрыть красный значок (*suaicheantas dearg*) Гленгарри, и направился к штабу противника на острове Донан (*Eilean donnán*), где люди Кинтайла быстро собирались к бою. В те дни было принято накрывать большой длинный стол (*bòrd mòr fada*) с изобилием еды и питья для развлечения мужчин, собравшихся издалека и поблизости. Вождь сидел во главе, и каждый мужчина, занимая свое место, перед тем как сесть, втыкал свой кортик (*biodag*) в край стола перед собой. Черный Ворон пробрался среди людей незамеченным, и когда вождь Кинтайла вошел, он сказал человеку, который сидел рядом с ним: "Я хочу сидеть рядом с Кинтайлом". Внешность его не выдавала, и никто не возражал против его просьбы, но когда он занял место рядом с вождем, то повалил Маккензи на землю спиной вперед и поставил на него ногу, чтобы тот не упал, а острие его кортика уперлось в грудь распростертого человека. Его плед сполз в сторону, обнажив красный цвет (*an dearg*), и через мгновение сотня кортиков была готова бросить ему вызов (*g' a dheanamh 'n a chriathar-tholl*); но он сказал, командуя ими: "Как только ко мне подойдут, ваш вождь будет мертв". "Если я упаду, - сказал он вождю, - то на рукоять моего собственного оружия, и ты

никогда не поднимешься - его острие у тебя на груди, и любая попытка лишить меня жизни грозит тебе. Я пришел сюда не за войной, а за миром, и если ты не согласишься отбросить все враждебные чувства и не дашь торжественного обещания никогда не возобновлять эту ссору, твоя жизнь будет потеряна. Мне остается только нажать на рукоять этого кинжала, на котором покоится моя рука, и какая бы судьба ни ждала меня, у тебя больше не будет сил причинить вред". Кинтайл согласился заключить мир и дважды поклялся на холодном железе кортика на своей груди, что будет неукоснительно выполнять свое обещание. Черный Ворон, приняв участие в праздничных мероприятиях, вернулся домой, и вождь и люди Кинтайла сопровождали его на протяжении всего пути. Встретив отца с его отрядом воинов, он сказал им, чтобы они возвращались домой, что он один сделал больше, чем они когда-либо могли сделать со всеми своими хвастовствами и драками; он положил конец их ссорам и получил гарантию прочного мира без единого кровопролития, и впредь, если он найдет среди них кого-нибудь, кто затеет или возобновит ссору, он предоставит вождю Кинтайла полную свободу поступать с ними так, как он сочтет нужным.

Дружба, установившаяся между вождями, впоследствии поддерживалась ими постоянно, а Ворон стал одним из самых выдающихся людей на службе своей страны в то время.

КАЙЛИХ-ПОЙНТ, ИЛИ МЫС СТАРОЙ ЖЕНЫ,

Это один из самых бурных и опасных мысов на западном побережье Шотландии. От основания до вершины он скалистый, причем на значительном расстоянии с каждой стороны.

Он обращен к острову Колл и открывает вид на Арднамурчан, от которого он удален примерно на семь или восемь миль. У его основания находится мощный приливной канал, который никогда не оставался сухим во время самого низкого прилива. Говорят, что с его самой высокой точки призрак "Хью из Маленькой головы" на лошади переправляется в Колл, чтобы предупредить потомков дома Лохбуи о приближающемся конце. Говорят, что Хью отрубил себе голову широким мечом в одной из стычек кланов в былые времена. Его голова полыхает в огне, а следы его лошади на снегу видны только на трех ногах, и ужас детей и доверчивых людей усиливается тем, что, как говорят, он тащит за собой цепь. К югу от Пойнта находится пещера, доступ к которой открывается только после того, как прилив наполовину спадет. Ее гэльское название - *Uamh Bhuaile nan Drogh*. Ее обживают дикие голуби, которых можно увидеть выходящими из пещеры во время прилива. Воркование птиц, слышимое под водой, по-видимому, и послужило причиной названия, которое означает "Пещера кошачьих фей". Примечательно, что слово *Drogh* указывает на то, что это место впервые получило свое название из тевтонского источника, вполне возможно, от расы, которая в конечном итоге стала арендатором Оркнейских островов. Однако говорят, что голландцы владели рыбными промыслами на западном побережье Шотландии, и есть предположение, что слово *Drogh* происходит от *Dragnet*, который они держали в пещере. Приливы и отливы, проносящиеся мимо этой точки, делают ее более сложной и опасной для прохождения при встречном ветре, чем даже точка Арднамурчан, опасный характер которой хорошо известен. К северу от Пойнта, в направлении Кроига в Малле, есть углубление, которое называется *Ахлаис-на-Кайлих* (старушечий окстер или подмышка), где ставят сети для ловли лосося. Его характеризуют не как подмышку гладкой женщины (*Achlais na mnà mìnne*), а как историю, которая, как говорят, дала название этому мысу: старая женщина собирала поблизости рыбу-ракушку, когда начался прилив, и женщина, не найдя другого способа спастись, предприняла последнее усилие, взобравшись на скалы. Оказавшись на

вершине и почти избавившись от опасности, она сказала: "Теперь я в безопасности, несмотря на Бога и людей" (*Tha mi tearuinte nis ge b' oil le Dia 's le daoine*). Она была превращена в камень, который стал частью скалы, отчетливо видимой с самой высокой точки *Кайлиха*. Говорят, что сначала фигура старухи была видна очень отчетливо, отсюда и название "Голова", но время сделало свое дело, и теперь фигура не так отчетливо видна. Даже происхождение названия известно только тем, кто является коренным жителем этих мест.

Однажды писатель, расположившись под боковой палубой судна, которое в то время шло к острову, услышал, как лодочник с Тири, который беседовал со священником с юга Аргайлшира и не любил слишком благочестивые речи слишком ретивого чужака, заметил, что здесь живет старуха, и когда она фыркает, ее слышно в Колле. [*"Tha Cailleach an so 's trà nì i sreothart cluinnidh iad 'an Cola i."*] Министр сказал, что это очень необычно, и, поскольку начался дождь, лодочник стал уговаривать его спуститься вниз, выражая большую заботу о здоровье министра. В конце концов он от него избавился.

ТРАДИЦИЯ ОСТРОВА ИЗЛЕЙ.

Западные острова, согласно преданию, были мало заселены в течение долгих лет, после поражения и изгнания норманнов. Эти захватчики не оставили в живых почти никого из местных жителей, и земля оставалась пустынной. Первым человеком, завладевшим этой страной, был могущественный Джон Макконнал, которого называли пастухом островов и первым из владык островов (*Iain mòr Maconuil ris an abairteadh buachaille nan eileanan, b'e ceud tighearna nan eileanan*). У него было семь сыновей, между которыми, когда они достигли совершеннолетия, он начал делить свои владения, но, поскольку, по его мнению, Нагорье и острова были слишком ограниченными для раздела между столь многими, он отправился в Ирландию с одним из своих сыновей, чтобы свергнуть одного или нескольких из пяти королей, которыми тогда управлялась эта страна, и передать своему сыну во владение любую территорию, которую он сможет приобрести в ходе борьбы, оставив своего старшего сына на острове Айлей, который был первым из островов, которыми он овладел. В ходе этого предприятия ему удалось захватить ту часть Ирландии, которая в то время находилась под властью графа Антрима, и передать ее своему сыну, племянник которого по прошествии нескольких лет приехал с острова Айлей, чтобы повидаться с ним в Антриме. Во время одного из таких визитов племянник влюбился в знатную жительницу страны, которой сделал предложение. Когда его предложение было принято, его попросили, как это было принято в те времена, назвать приданое, которое он хочет получить за нее. Он попросил взять с собой на остров 700 мужчин с прозвищами (*far-ainmeannan*). Говорят, что в те времена у великих людей и знати были только псевдонимы, и он воспользовался этим способом, чтобы заставить их и их последователей переселиться на острова, и их потомков до сих пор можно встретить во многих частях страны, а также на островах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Остров Айла отделен от острова Юра заливом Айла и лежит к западу от Кантайра в Аргайлшире. Его протяженность составляет 25 миль в длину и 17 миль в ширину. Юго-западная точка называется Риннс (*an roinn lleach*). Остров холмистый и пронизан рукавом моря, Лохиндалом, длина которого составляет 12 миль, а ширина - 8 миль. На острове выращивают хорошие урожаи, разводят скот, а у его берегов в изобилии водится рыба. По всему острову находят небольшое количество различных видов руды, но главной отраслью

промышленности в настоящее время являются винокурни. В прежние времена остров был главной резиденцией лордов Островов, а руины замков, крепостей и часовен многочисленны и интересны как свидетельства минувшей эпохи.

Говорят, что Битоны, или Бетюны, и Макларти были одними из тех, кто пришел из Ирландии вместе с *Макконуилом*. Последние - потомки седовласого Ниэля (*Nial Liath*), который был переводчиком (*fear-labhairt*) у Маконнала, отсюда и название. О Ниэле рассказывают, что однажды, когда его окружили враги во время битвы, ему приказали отдать меч. "Если я это сделаю, - ответил он, - то только острием" (*ma liubhras, 'sann an aghaidh a ranna*), и, прорубив себе путь сквозь них, он сбежал и присоединился к своим товарищам.

Говорят, что после поселения на западном острове Макконнал (*Iain Mòr MacConuill*) разделил свои владения между семью сыновьями, отправив одного из них, Джона (*Iain*), в Гленко, отсюда и отчество клана сына Джона из Гленко (*Clann 'ic Iain Ghleann-a-comhunn*), другой сын Рональд (*Raonull*) был отправлен в Кеппох (*a' Cheapaich*), один Аллан (*Ailean*) - в Мойдарт (*Mùideart*). Их поселили на материке в графствах Аргайл и Инвернесс, а остров Скай достался другому сыну, Гриму Дональду из Слеата (*Dòmhnall gorm Shléibhte*). Другой сын получил меньшие острова, еще один отправился в Ирландию и стал графом Антрима, а наследник остался на Айле и владел прилегающими островами, а также частью материка. Из 700 человек, вернувшихся вместе с сыном из Антрима на острова после изгнания норманнов, 22 были главами семей. Человек, от которого писатель узнал об этом, которому сейчас уже больше 70 лет, был уверен, что среди этих имен было Битон или Бетюн, но остальные он забыл.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ЛАХЛАН, СЫН СПРАВЕДЛИВОГО НЕЙЛА ИЗ ДЕРВЕЙГА. (*Lachunn fionn mac Neill bhàin, Fear Dhearbhaig.*)

В то время, когда Лахлан Каттанакх был вождем Маклейна (*ri linn Mhic-'illeathain Lachunn Cattanach na gruaige*), его жена (*a bhantighearna*) увидела во сне ирландского вождя по имени Уильям О'Пауэр (?) (*Uilleam O' buaidh*), и точно так же, в то же самое время, этот ирландский вождь увидел во сне ее. Тогда они начали общаться друг с другом. (В то время с Ирландией через эти западные острова велось больше торговли, чем с любым другим местом).

Однажды Маклин обнаружил, что его жена ведет неизвестную ему переписку с ирландским вождем, и очень огорчился, что это задело его честь. Чтобы проверить, насколько жена привязана к своему тайному любовнику, он подошел к ней с перочинным ножом в руке и сказал: "Вот подарок, который прислал тебе О'Буайд". Она посмотрела на нож и сказала,

"Мой милый, кто прислал мне этот нож.

Я устала от его задержки с переездом через море,

И пусть я не могу наслаждаться здоровьем.

Если я люблю его больше, чем руку, которая его держит".

(M' eudail 'chuir thugam an sgian

'S fhada leam a thriall thar muir,

'S na 'n a mheall mi mo shlàint'

Mur docha leam i na'n lamh 'sa bheil).

Убедившись в позоре жены, Маклин ушел и послал за своим родственником, справедливым Лахланом (*Lachunn fionn*), который находился тогда в Хайнише и, получив послание от своего вождя, немедленно отправился в Айленд-Хаус. Прибыв туда, Маклейн сказал ему: "Я послал за тобой, чтобы ты отправился в Ирландию; Ты умный человек, и у тебя семь сыновей, иди и принеси мне голову О'Пауэра, и любое преступление, которое ты совершишь, или любая несправедливость, которую ты можешь совершить с этого времени по отношению к кому-либо, будет замечено мной (*tha thu 'n ad dhuine tapaidh 's seachdnar mhac agad, falbh 's thoir g' am ionnsuidh ceann Uilleam O' buaidhe 's aona chron na anaceart sam bith nì thu theid a mhathadh dhuit leamsa*). На следующий день Лахунн Фионн со своими сыновьями отправился на галере и еще до заката был на острове Айла. На следующий день он был в Ирландии и попросил первого встречного найти человека, которого он разыскивал (*a bha e air a luirg*). "Если вы хотите его увидеть, - сказал тот, - он едет сюда в карете, запряженной двумя белыми лошадьми, и ни у кого в Ирландии нет такой, кроме него самого". Тогда старик пошел навстречу ему и, пройдя небольшое расстояние, увидел, что тот идет ему навстречу (*chaidh an sean duine air aghaidh feuch an tachradh e air, 's an ceann ceum na dhà chunnaic e e tighinn 'na choinneamh 's 'na chòmhail*). Когда он приблизился, О'Пауэр (*O' buaidh*) велел ему остановиться и сказал: "Я вижу, ты чужак в этом месте?" "Да", - ответил он (*seadh ars' esan*). "Откуда ты пришел?" - спросил вождь (*Co às a thàinig thu?*). "Я прибыл из Тири", - ответил он. "Знаешь ли ты тамошнюю леди Маклейн?" "Я хорошо ее знаю", - сказал он. "Не принесешь ли ты ей от меня послание?" (*An toir thu fios uam g' a h-ionnsuidh?*) "Принесу", - сказал он, (*bheir, ars' esan*). Вождь тут же привел послание в порядок и высунул голову из кареты, чтобы передать его, но другой, взяв его одной рукой, отрубил ему голову другой рукой. (*Sin fhéin chuir e 'n teachdaireachd air doigh 's chuir e mach a cheann g' a toirt dà, 's 'nuair bha e 'ga gabhail leis an aona laimh thilg e dheth an ceann leis an laimh eile*). Слуга был одурманен (дословно: сбился с пути), (*chaidh an gille air seacharan*), а Справедливый Лахлан получил возможность (*fhuair e fàth*) взять голову с собой на галеру, с которой он отплыл (*leig e ri cuain di*) и тем же вечером был в Айлее на обратном пути. На следующий день после этого (*maireach 'na dheighinn sin*) он был в Тири и рано утром отправился в Айленд-Хаус (*do 'n eilean*). Обнаружив, что Маклейн и его жена завтракают, он вошел туда, где они находились, и положил голову ирландского вождя на край стола, лицом к жене Маклейна. Она взглянула на нее и упала замертво у края стола (*sheall i air 's thuit i fuar marbh aig taobh a' bhùird*). Через некоторое время после этого сыновья Ярмарочного Лахлана везли торф домой из Мосса в Хайниш. Их было пятеро с семьей лошадьми, которые были привязаны друг к другу и ехали один за другим, имея на боку каждой лошади нечто вроде глубокой корзины (*cliabh*) для переноски ноши. Из-за Большого Дьюара из Балемартина, который был так свиреп, (*co fiadhaich*) они не могли идти прямым путем через Балемартин в Хайниш, но должны были идти более изрезанным путем через холм Хайниш, где у *Creag nan cliabh* (скала Крил) тропинка была настолько узкой, что в таких случаях человек ждал, чтобы быть готовым снять корзины с лошадей и пронести их мимо скалы. В то время за Балвисоном находилась мельница с мостом через плотину, который нужно было поднимать до заката, и по пути им приходилось проезжать через мост. Случилось так, что молодые люди по собственной глупости (*le 'n amaideachd fhein*) вернулись позже обычного, а мост был снят; с той скоростью, с которой они ехали, они не заметили, что мост был поднят, и передняя из лошадей полетела головой в плотину и захлебнулась (*air a thachdadh*). Парни вернулись домой и рассказали отцу, как мельник убрал мост и что с ними случилось. Он сказал: "Если мой конь захлебнулся из-за него (*air a thàillibh*), то то же самое будет с ним еще сегодня ночью"; так и случилось. Он и его сыновья пошли назад тем же путем, шаг за шагом (*air a' cheart cheum*), и они поймали беднягу, пока тот спал (*rug iad air an duine 'na leabaidh*), взяли его с собой и повесили на холме

креста (*bas na croiche*), напротив Айленд-Хауса. Когда рано утром слуга вошел в комнату, где находился Маклин, чтобы разжечь огонь, он спросил, какой сегодня день. Слуга ответил, что день хороший, но предстоит увидеть странное зрелище (*ni a tha cuir ioghnadh mór orm ri fhaicinn*). "Что это?" - спросил вождь. "Это человек, повешенный на холме вон там (*duine air a chrochadh air a' chroich shuas ud*)". Маклин, поднявшись, сказал: "Кто или что за человек осмелился сделать это без моего разрешения? (*Co an aona duine 'san dùthaich aig an robh 'chridh leithid so dheanamh gun chuir 'nam cheadsa?*) Увидев содеянное, он пролил горькие слезы и сказал, что это сделал не кто иной, как справедливый Лахлан (*cha d' rinn duine riamh so ach Lachunn fionn*). "Это было в соглашении, которое я заключил с ним, когда он привез мне голову человека из Ирландии". Это было последнее повешение, совершенное на острове (*b'e so an crochadh mu dheireadh a rinneadh 's an eilean*).

ПОСЛАНИЕ, ПЕРЕДАННОЕ ЛЮБОВНИКУ, И СПОСОБ ЕГО СМЕРТИ.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ИСТОРИЯ.

ПРИНЦЕССА ТИРА ОЛЬСТЕРСКАЯ И ЕЕ ЛЮБОВНИКИ.

История Лохмари. [21]

Говорят, что однажды король Дании отправил своего сына к шотландскому двору вместе с шестью другими (*seisear eile*). Они высадились в Кайтнесе, где, поскольку приехали в основном ради спорта, стали искать оленей и других диких животных и расспрашивать, где их можно найти. Им сказали, что с тех пор, как в этих краях стало больше людей, все погонные животные стали скудны, но в соседних частях страны, особенно в Россшире, их по-

прежнему много, и если они отправятся туда, то получат обильную добычу. Они отправились туда, а пока жили в доме Маккензи, неподалеку от Лохмари. Однажды, преследуя оленей на холме, молодой принц отстал от своих спутников, которые все до одного благополучно нашли дорогу домой. Когда он приблизился к дому, то от усталости присел на обочине и заснул. Его разбудил шум голосов, и, приглядевшись, он увидел двух мужчин, один из которых был молод, а другой стар, идущих по дороге навстречу ему, а между ними шла молодая женщина. Он встал, и, когда они приблизились, ему показалось, что он никогда не видел более красивой женщины. Он встал перед ними и заговорил. Старик сказал: "Вы поступаете неправильно, задерживая нас в пути". "Думаю, - ответил молодой принц, - что я не делаю ничего предосудительного и не произнес ни одного дурного слова". Старик рассердился и, обозвав его грубыми именами, сказал, что он дурно воспитан. "Меня так не учили, - ответил принц, - в моих жилах течет кровь датских королей, и я склонен опустить твою голову ниже башмаков за твои дурные слова (*air son do dhroch bheul*), которых я не заслужил". Услышав это, старик испугался и стал оправдываться за свой вспыльчивый нрав, но сказал, что дал обет защищать девушку от любого вторжения, "потому что она находится с нами по обету церкви (*fo naomhachadh na h-eaglais*), по велению ее отца", и рассказал, что они сошли на берег из монастыря Айс-Мари и должны были вернуться до наступления ночи. "Мне хотелось бы знать, что это за дева, с которой вы подружились", - сказал молодой принц. "Имя дочери, - ответил старик, - принцесса Тира (*Деорат*) из дома Ольстер в Ирландии, и позвольте нам теперь пройти". При расставании молодой принц сказал деве: "Как это была наша первая встреча, так, боюсь, и последняя: Прощайте!" "Не скажу", - ответила она. Он отправился домой, но через несколько дней вернулся на то же место, ожидая увидеть ту же компанию, но в тот день никто не сошел на берег с островка. В следующий раз он напрасно прождал два дня, в третий - три, и вернулся домой таким же образом, недовольный своим несчастьем. Тогда он решил отправиться на островок, если есть возможность добраться до него. Ему сказали, что у человека на другом берегу озера есть лодка, и он отправился к нему и попросил его поехать с ним. Высадившись на берег, тот указал ему дорогу к монастырю и сказал, что он придет к колодцу, мимо которого нельзя проходить, пока не выпьешь его воды; что колодец славится своей эффективностью при всех недугах, которым подвержен человек, и особенно в восстановлении тех, кто потерял рассудок; "а рядом с колодцем, - сказал тот, - есть дерево с дуплом в боку (*slochd 'n a taobh*), и никто не проходит мимо него, не положив туда что-нибудь более или менее ценное". Юноша вышел на берег и, не обращая внимания на дерево и колодец, добрался до дома и потребовал впустить его в первую попавшуюся дверь. Когда его спросили, что его привело или зачем он пришел, он ответил, что пришел повидаться с ирландской принцессой. Ему ответили, что этого не может быть (*ni nach gabhadh deanamh*). Тогда он спросил, нет ли кого-нибудь из авторитетов, к кому он мог бы обратиться с такой просьбой, и ему ответили, что в монастыре есть самый старший по званию, который, когда он пришел, сказал: "Нет! Ты не можешь видеть принцессу". Тогда юноша рассказал, кто он, и сказал: "Если я захочу взять ее в жены и она согласится, сможете ли вы помешать союзу?" "Мы предоставим это дело ее собственной воле", - ответил старик. Она с радостью согласилась, и принц провел этот день на островке. Перед его отъездом она сказала: "У меня есть сомнение в этом деле". "В чем?" - спросил он. "В том, что до сих пор я не видела тебя ни разу, да и ты меня не видел, а если любовь приходит быстро, то и уйти она может так же быстро". "Ты знаешь это по себе", - сказал он. "Нет", - ответила она. Он велел ей посмотреть на вечернюю звезду, которая виднелась на юго-западном небе, и сказал: "Как истинно сияет эта звезда на холме, так истинно люблю я тебя". "У меня есть еще одно сомнение", - сказала она. "У тебя очень много сомнений", - сказал он. Сомнение ее заключалось в том, что Красный Гектор с холмов, как его называли за то, что он день и ночь находился среди холмов, будет опасным противником, если встретит его на своем пути. Он

вернулся, высадился и, как ему казалось, довольный происходящим, весело и беззаботно отправился дальше, насвистывая на ходу. Не успел он отойти далеко, как стрела пролетела рядом с его лицом, а следующая вонзилась в чепец. Он остановился, оглядываясь по сторонам, и увидел большого человека, стоявшего у камня, который находился на обочине дороги перед ним. "Что ты за человек, если собираешься сделать из меня мишень?" - спросил принц. "Неужели ты никогда не слышал о Красном Гекторе с холмов (*Eachann Ruadh nan spos*)? Если нет, то сейчас ты увидишь его и почувствуешь его мастерство. Между нами есть дело, которое нельзя решить иначе, как одним способом: либо ты убьешь меня, либо я убью тебя". Они взяли свои мечи, по одному (*claidheamh an t-aon*), пролилась кровь (); принц спросил, нет ли другого способа решить дело, кроме кровопролития. "Не тратьте слов (*Na bi 'cosg do sheanachais*); что вы убьете меня или я убью вас, другого пути нет", - сказал он и ударил принца мечом в бок, тяжело ранив его. Он упал, а его враг бежал. Раненый держал руку на ране, но при каждом движении из нее хлестала кровь, и так он провел ночь, пока у него не распух язык во рту. В разгар агонии он услышал капанье ручейка в ложбине под тем местом, где лежал, и попытался двинуться к нему, но не смог, хотя приложил все усилия. Наконец он решил, что лучше истечь кровью, чем умереть от жажды, и, волоча себя, добрался до воды, но, не дождавшись питья, потерял сознание и пролежал у ручья до следующего дня, когда гуманные люди (*na daoine sneasda*), приплывшие на лодке к берегу, услышали его стоны и, узнав его, отнесли на островок, где он пролежал без сознания много недель, в течение которых за ним ухаживали его собственные люди, которых привезли на островок, и принцесса. Когда он пришел в себя и узнал, что постоянная забота и бдительность девы помогли вернуть его к жизни, он выразил ей огромную благодарность. "Когда ты встанешь на ноги и поправишься, - сказала она, - придет время поблагодарить меня". Он каждый день рассказывал ей о том, как увезет ее в Данию. В один прекрасный день показался корабль, с которого на берег была отправлена лодка, чтобы забрать девушку, чей отец лежал при смерти. "Вернешься ли ты?" - спросил он. "Вернусь", - ответила она. "И ты не забудешь меня среди своих людей". "Ничто, кроме смерти, не помешает мне вернуться", - сказала она. Она ушла, и много дней о ней ничего не было слышно. В своем нетерпении принц изо дня в день посылал людей на вершины самых высоких холмов искать корабль. Наконец они увидели три корабля, и на топе первого из них развевался королевский флаг Ирландии. За некоторое время до того, как дева покинула островок, принц однажды на суше встретил старика, который перехватил его; его люди велели нарушителю держаться на одной стороне дороги, но тот отказался уступить дорогу, и тогда принц спросил, какое у него к нему дело. "Не говори так грубо, - сказал старик, - я пришел к тебе, так как нуждаюсь в приюте, и хочу спросить, не возьмешь ли ты меня к себе на службу, пока находишься здесь". "Сейчас мое бремя лежит на других, - сказал принц, - и такой старик, как ты, с посохом в руке, мало чем может мне помочь. Есть ли у вас дом или жилище?" "До вчерашнего дня были, а сегодня у меня ничего нет. У меня был дом, жена, сын, земля, скот, а вчера все, что у меня было, задрали, кроме одной бродячей овцы, и мой сын пошел искать ее, упал на камни (*chaidh am balach leis na creagan*) и погиб. Когда его мать услышала, что с ним случилось, она пошла на то место и, увидев своего сына мертвым, прыгнула в море и утонула, а я остался один. Если вы возьмете меня с собой, я принесу вам больше пользы в горах, чем может сделать молодой человек". Он сказал, что его зовут Маккензи (*Dùghall MacChoinnich*). Принц взял его с собой, чтобы он был с ними, пока они оставались на острове.

Когда корабли были замечены, принц отправился на самую высокую вершину холмов, взяв с собой, среди прочих, старика, который по дороге сказал: "Задержись (*air do shocair*), пока я не расскажу тебе свой сон". "Мне нет дела до снов", - ответил тот. "Не хочешь ли ты послушать, ведь я видел один и тот же сон три ночи подряд, и он заключался в том, что она умерла". "Мы хотели получить радостную весть, а ты вместо этого сообщил нам печальную".

Тогда старик сказал: "Я пойду на корабль, и когда я приду, если все будет хорошо, вы увидите красный сигнал, а если вас ожидает горе, то черный". Он пошел, а когда дошел, она уже была там. Она узнала его и спросила, все ли в порядке. Он рассказал ей, и она сказала: "Он с нетерпением ждет новостей". Тогда он уговорил принцессу, против ее воли и советов окружающих, подать сигнал смерти, сказав, что радость от того, что она жива, возместит ее возлюбленному ущерб от обмана. Когда сигнал увидели те, кто был на суше, принц сказал, что не может больше жить, и, вынув из ножен кинжал, покончил с собой. Когда принцесса добралась до берега, встречные рассказали ей, как ее возлюбленный, поверив, что она мертва, покончил с собой. Она спросила, где он, и сказала, что никакая видимая или невидимая сила не может помешать ей проститься с ним, и что она пойдет одна и не причинит себе вреда. Когда она шла туда, где лежал труп, то заметила, что за ней кто-то идет, и, повернувшись, увидела, что это старик: "Несчастный Дугалл (*a dhroch Dhùghail*), какой дурной совет ты мне дал". "Это не мое имя, - сказал он, - я Красный Гектор с холмов, и это моя месть!" И он убил ее своим кортиком. Затем он исчез, и после этого его никогда не видели и не слышали о нем в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[21] Лохмари находится на западе Россшира. Он лежит на юго-востоке и северо-западе и имеет 24 островка по всей своей длине, составляющей около 18 миль. Его ширина составляет от одной до двух миль, а глубина не позволяет воде замерзать.

ГАРЛАТА.

ПРЕДАНИЕ О ХАРРИСЕ.

Говорят, что когда-то самые дальние из западных островов составляли три отдельных и независимых владения; северная часть Длинного острова (*an t-eilean fada*) [22] Льюис (*Leòdhais*) принадлежала некоему Ценмалю (*Ceannamhaol* [лысая голова]), который был королем, а южная часть, Харрис (*na h-Earra*), принадлежала принцу; другой король, по имени Келиган (тонкий), владел Уистом, который находится дальше к югу. Таким образом, в Льюисе и Уисте было по королю, а в Харрисе - только принц. Этот принц, славившийся своей храбростью и отвагой, пользовался большим уважением среди жителей своей земли за добрые советы (*na comhairlean dealbhach*), которые они охотно получали от него, и за те блага, которыми он их наделял. Он препятствовал ссорам и зависти (*farmad*) среди своих подчиненных и соседей и распространял среди них знания о многих полезных искусствах. Он поощрял ручной труд, мужественные упражнения, чтение стихов, романсов и т. д. Его жена, Гарлатха, была не менее известна своей добротой к окружающим, среди которых она поощряла бережливость и трудолюбие, учила использованию и способам приготовления различных видов корневого, зерна и растений для еды и лечения, а также быть добрыми и нежными к слабым и немощным, и жить хорошей жизнью. Таким образом, люди на их земле были довольны своим положением и не стремились к переменам. Говорят, Гарлатха умерла около 800 года нашей эры - очень давно, но как бы там ни было, она ушла (и это не могло не сказаться), оставив младенческую дочь, которую называли в честь матери Гарлатой. Когда девочка подросла, стало видно, что она унаследовала добрые дары своей матери, и люди были так же довольны ею. Со временем о ней стали говорить и слышать, и за нее сватались многочисленные женихи. Король, правивший в Льюисе, страстно желал заполучить ее (*'an tòir oirre*) и отправился в путь, чтобы увидеть ее. С тем же поручением прибыл правитель (*fear-*

riaghlaidh) Уиста. Однажды отец сказал ей: "Дочь, я хочу, чтобы ты вышла замуж, пока не пришел конец моей жизни, за хорошего человека, и я смотрю, кто из тех мужчин, что приходят к тебе, наиболее подходящий, и вижу, что тебе лучше всего подойдет тот, кто в Льюисе". Его дочь предпочла того, кто владел Уистом, но по совету отца послали слово владельцу Льюиса, чтобы он пришел и взял ее. Он приехал, и, будучи хорошо принятым, все было устроено, и они поженились. После этого невеста сказала служанке: "Ты пойдешь на развлечение (*fleadh*) и будешь среди компании: Я же спрячусь". Так и было сделано, и компания сидела на пиру без невесты, приход которой долго откладывали. Когда стало ясно, что она не вернется, все стали спрашивать, что с ней и где она, но никто не знал. Спросили служанку, но она ничего не знала и не рассказывала (*fios no sgeul*) о том, где можно найти пропавшую. Время шло (*bha 'n ùineachd 'ruith*), ее стали искать на улице, но не нашли. Тогда они стали искать ее в разных местах, где только можно было ее найти, но безуспешно. Ночь прошла, оставив пиршество нетронутым, а гостей - невеселыми. На следующий день поиски возобновились вдоль берегов и среди холмов, и во всех направлениях изо дня в день, пока между Барра-Хед и Батт-оф-Льюис не нашлось места, где могла бы ночевать птица, которое не было бы обыскано, но следов ее не было (*cha d' fhuairleadh riamh i, cha d' fhuairleadh idir i*). Отец продолжал бродить по округе, тщетно ища ее, в течение многих лет после того, как вся надежда найти ее умерла, пока, наконец, его не увидели разворачивающим каждый лист, который он встречал с посохом в руке, и даже заглядывающим под амброзию (*buaghallan*). Он умер, а ее так и не нашли. Это место, Харрис, уже 200 лет никому не принадлежит (*thug an t-àite sin dà cheud bliadhna gun duine ann*). Затем Маклеод (*српх Мак Лемид*) вступил во владение страной и начал строить новые дома; старые жилища стали непригодными для жизни (*air dol fàs*); крыша провалилась (*thuit an ceann 'n am broinn*). При расчистке одного из них был найден старый сундук, при поднятии которого нижняя часть осталась на земле, а в ней покоился скелет женщины, каждая кость на своем месте (*cnàimh a réir cnàimh*), а рядом - обручальное кольцо, такое же новое, как в день, когда его надели ей на палец, с выгравированным на нем именем "Гарлата", от которого и пошла эта история.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[22] К Лонг-Айленду относится вся земля между Бат-оф-Льюис и Барра-Хед.

ИСТОРИИ О ФЕЯХ.

ПРЕДАНИЕ О ДОМОХОЗЯЙКЕ И ЕЕ ГОСТЬЕ-ФЕЕ.

Инциденты этой традиции, как утверждается, произошли в Льюисе, но та готовность, с которой подобные истории присваиваются и локализуются, делает маловероятным, что обстоятельства произошли в какой-то конкретной местности. В данном случае человек, от которого была услышана эта история, был уроженцем Льюиса, что объясняет, что события, о которых идет речь, произошли на этом острове. История такова:...

Жена фермера-арендатора, жившего со своей семьей в чрезвычайно отдаленном и холмистом районе, часто оставалась одна в доме, поскольку дочерей у нее не было, а муж и сыновья были заняты на ферме или на рыбалке. Однажды после их отъезда хозяйка,

закончив работу по дому, как обычно, села за прялку, чтобы спрясть нитки для ткани (*clò*) для их одежды. Не успела она приступить к работе, как, обернувшись к двери, увидела маленькую рыжеватую женщину, вошедшую в дом с собакой наперевес и еще одной за ней. "Женщина, - сказала она, - ты прядешь". "Пряду", - ответила хозяйка. "Не дадите ли вы мне попить воды?" - спросила она. "Возьми сама", - сказала хозяйка. "Вода хорошая, а где колодец?" - спросила она. "Он внизу, - ответил тот, кто был внутри, - в отверстии лощины (*aig dorus 'an lag a' ghlinne*)". Тогда женщина-фей (*a' bhean-shith*) попросила хозяйку одолжить ей маленький котелок, и та, полагая, что она невестка или какая-нибудь другая родственница неизвестной ей жены ближайшего соседа, жившего далеко от них и женатого на арднамурчанке, сказала ей: "Там есть стол, на полке которого стоит несколько утварей (*caigionn choireachan*); возьми с собой любую из них, которая подойдет". Когда она принесла его, то попросила подтяжку (*bùlas*) и крышку. Как только она их получила, она вставила их и сказала собакам, которые были с ней, чтобы они взяли это с собой. Собаки тут же поймали трехногий горшок и унесли его с собой. Когда муж вернулся домой, хозяйка сказала: "Мне кажется, к нашим соседям пришел незнакомец", - и рассказала ему о своем посетителе. "Наверное, - сказал муж, - это невестка; пора было кому-нибудь навестить жену, ведь никто из ее друзей не приходил с тех пор, как она приехала сюда". "Таких собак, как у нее, я здесь никогда не видела", - сказала жена и описала ему собак и их полное отличие от овчарок. "У наших соседей есть только одна собака, и это овчарка", - сказал он. Прошел день, другой, третий, но котелок так и не был возвращен. Тогда хозяйка послала одного из своих сыновей попросить соседей вернуть долг. Те сказали, что ничего не одалживали, так как не нуждались в этом, имея больше котлов и котелков, чем требовалось им самим, и что никто из посторонних не приходил и не был с ними. Хозяйка дома была в недоумении и не знала ни в этом мире, ни в грядущем времени (*uile bheatha na dilinn*), что думать по этому поводу. Однако на пятый день та же самая вернулась с котлом. "Я уверена, - сказала она, - что у вас не было котелка". "Да, - ответила хозяйка, - но не потому, что он был мне нужен, а потому, что я не знала, кто тот, кто его унес". "Я уверен, что ты не знала, кто его забрал, - сказал тот, кто вошел, - но я слишком хорошо тебя знал; много дней ты пела песни над моим домом (*'s iomadh latha 'sheinn thu luinneag air mullach an tigh agam*)". "Сядешь ли ты?" - сказал тот, кто прят. "Я сяду и расскажу свою историю, если ты уверен, что никто не войдет, пока я здесь". Как было принято в те времена, двор примыкал к жилому дому, какая бы стена (*sgàth-balla*) их ни разделяла, и одна из коров, которая отелилась и находилась в дворе, подняла шум (*straighlich*). Когда женщина взглянула в следующий раз, она была одна. Когда муж вернулся, она сказала: "Ты не можешь оставить меня здесь одну, со мной должен быть кто-то из детей, иначе я буду там же, где и ты"; и она рассказала ему о том, как во второй раз пришла ее странная гостя и как внезапно она исчезла. Тогда добрый человек отправился за советом к одному священнику, который, как он знал, мог дать ему добрый совет. Рассказав о нежеланном посетителе, жена посоветовала ему как можно скорее снести свой дом и поставить его на другом конце земли; "а когда будешь сносить дом, каждую частицу (*h-uile pìos*) покрывающей его соломы сожги внутри стропил, на которые вылей девять полных горстей морской воды или чары (*naoi cuachan sàile no uisge coisrigte*)". С этим советом добрый человек вернулся домой. Когда его жена услышала его, она сказала, что должна позвать женщин, чтобы они помогли ей закончить ткань, над которой она работала, и было решено предоставить ей необходимую помощь. Из-за сырости в домах нитки и шерсть хранили сухими, развесив их на стропилах. На следующее утро добрая жена не заметила на своем месте кучу шерсти, но, полагая, что ее снял сын, который часто разыгрывал ее, ничего не сказала об исчезновении. Однако на следующий день она была поражена, увидев, что к ее покойному странному гостю вошел еще один, более высокий. "Я уверен, - сказал маленький рыжеволосый, - что у тебя пропал мешок шерсти. Мы взяли его с собой, чтобы

помочь тебе, и вот он принесен домой, превращенный в нить, и твоя собственная нить, которую мы взяли с собой для образца (*leth-bhreac*); и в любое время, когда тебе понадобится нить для прядения, мы готовы помочь тебе". Добрая жена была вне себя от страха и не могла вымолвить ни слова. Они ушли, и она больше никогда не видела ни их самих, ни их тени (*an dubh no'n dath*). Дом был снесен, и на его месте построили другой, но через некоторое время один старик увидел пятерых из компании фей, выходящих из колодца у подножия поляны, каждый из которых нес сосуд, полный воды, а место, где он видел, как они вошли, и потерял их из виду, впоследствии было выкопано, и камень, взятый из него, пошел на строительство церкви, которая стоит и поныне. Предполагается, что отверстие в каменоломне, где были найдены человеческие кости, было местом, где феи вошли в свое жилище.

МУДРАЯ ЖЕНЩИНА ИЗ ДАНТУЛМА И ФЕИ.

Когда-то давно у владыки островов Макконнала (*Buachaille nan Eileinean*) было два сына, но только один мог получить поместье после его смерти. Когда это случилось, старший сын сказал однажды младшему: "Теперь ты остался без ничего, но, чтобы не остаться совсем без доли, отправляйся в Дантулм и получи там участок земли, который будет принадлежать тебе". Земли Дантулма, расположенные в северной части острова Скай, в то время были заняты процветающим арендатором, состоявшим в основном из крофтеров и владельцев нескольких крупных ферм. Младшему брату сказали, что рента, которую он будет получать этих арендаторов, позволит ему содержать себя, а также построить дом и жениться на жене. Он согласился отправиться в Дантулм, где и обосновался надолго, пока на его землю не стали начислять королевские подати - налог на корону, пропорциональный количеству земли, которой он владел. В первый раз, когда с него потребовали налог (*a' chis*), он сказал в ответ на требование: "Я не буду платить никакого налога. Почему я должен его платить? Какое право имеет король получать его?". Каждый год ему присылали приказ об уплате налога, но если он приходил, то в течение шести лет он не платил его (*cha do phàidh e sgillinn*). Наконец король послал пятьдесят солдат и одного офицера, чтобы взять с него ренту назло ему (*thar 'amhaich*), и поскольку он не хотел платить ни королю, ни солдатам, земли у него отобрали, и теперь они были присоединены к короне. Король получал доход, а карл из Скай (*bodach Sgitheanach*) по имени Джон Дональдсон Мак-Вильям (*Iain Mac Dhòmhnuil'ic Uilleim*) был назначен фактором для сбора ренты с крофтеров. Он жил в шестнадцати милях от Дантулма, среди крофтов, куда дважды в год ездил собирать налог. Замок Макконнала был построен на обрывистом берегу, с западной стороны которого находилась большая яма, в которую во время каждого прилива устремлялся поток воды, и она всегда оставалась полной, образуя глубокий бассейн (*glumag*), который иногда был опасен для неосторожных. Однажды случилось так, что, чем бы ни занимался в замке некий Макрури, он упал головой вниз в бассейн, и как бы там ни было, погиб ли он от падения или утонул, его все равно нашли мертвым на следующий день. Он оставил двух сыновей, не достигших совершеннолетия, чтобы помочь своей овдовевшей матери, которой очень сочувствовали соседи, потому что она осталась такой беспомощной (*bha i air a fàgail cho lom*). Следующей весной после этого двое парней утонули в лодке, на которой они везли домой морскую утварь, и теперь она осталась одна, не имея возможности ни обрабатывать свой участок, ни платить за аренду. Когда все было израсходовано, а из всего стада скота у нее осталась только одна корова, за податью пришел фактор. Приехав в деревню, он взял с собой карлу, дружелюбно настроенного к нему, и отправился в дом вдовы, где собрались соседи, чтобы узнать о цели их визита. Когда фактору сказали, что у бедной женщины нет средств, чтобы платить за

жилье, он спросил, нет ли у нее скота. Она ответила, что у нее только одна корова и что она пасется на некотором расстоянии от дома. Он попросил привести ее к нему, а когда увидел, сказал: "Жаль, что таких коров не больше". Будучи единственной, она получала все внимание и была в хорошем состоянии. Она сказала, что у нее нет другой. Он сказал: "Этот мы оставим для взносов". Его забрали у вдовы и поставили на поле, обнесенное каменной стеной, неподалеку от замка, вместе с маленьким рыжим пони, который был у фактора с собой. Пока он искал, кого бы прогнать, и ужинал в доме карла, молодые люди из Дунтульма перелезли через стену поля, хотя она и была высокой, и достали животных, которых погнали к берегу, где уже была готова лодка, на которой их отвезли на островок Фладда (*Fladda 'chuain*), расположенный в двух милях от замка. Там мужчины высадили их на берег, а лодку оттащили в бухту Дунтулм, прежде чем фактор и его спутник вернулись на поиски своего имущества и обнаружили, что парк пуст. На вопрос вновь собравшихся мужчин, не знают ли они, как животные сбежали и где они находятся, они ответили, что в стене нет никакой известной им бреши и что единственный человек, который мог знать об их местонахождении, - это одаренная женщина, живущая неподалеку от замка, на поиски которой отправились двое из них. Добравшись до высоты, где стоял ее дом, они нашли ее дома и рассказали обо всем, что произошло, и о том, что она должна пойти с ними и сказать, что скот был заколдован и уведен в какое-то чудесное место. Изабел сказала, что в тот день она была плохо подготовлена к поездке. Мужчины спросили, что именно ей не хватает для подготовки (*'dé an cion d'óigh a bh' oirre*). Тогда она попросила один из мужских широких чепцов и, получив его, встала и, распустив волосы, которые становились седыми, по плечам, надела его, обвязала вокруг себя козью шкуру, завязала туфли и сделала подвязки из полосок того же меха, надела на талию веревку из соломы и взяла в руку большой посох. "Наконец-то она готова, идите сюда", - сказали мужчины. Когда она появилась в поле зрения, фактор посмотрел на нее с изумлением, ведь он никогда прежде не видел существа такого вида. Прежде чем она приблизилась, он позвал: "Жена, не знаешь ли ты, где сейчас лошадь и корова, которых я поставил в парке?" Она не обратила на него внимания, но продолжала приближаться (*cha do lag i air a ceum*), пока не встала у его плеча. "Кому принадлежали эти животные?" - спросила она тогда. "Корова принадлежала королю, - ответил он, - а лошадь - мне". "Как корова, принадлежащая королю, могла оказаться в этом поселке?" - спросила она. "Эта женщина дала мне ее за налог", - сказал он, указывая на вдову. "Она не давала ее тебе; она сказала, что ты взял ее с собой; и теперь я понимаю смысл того, что случилось, когда я был сегодня в своем доме и услышал в воздухе шум (*straighlich*), больший, чем кто-либо мог слышать, и когда я стал искать его причину, то увидел, что он был в огне; и хотя все пожары, которые вы когда-либо видели, были собраны вместе, они не могли бы создать такой, как этот; И в последнем из костров (*'an earball an teine*) я посмотрел, что там было, и что там было, кроме лошади и коровы, в то время как по обе стороны от костра шли пять тысяч маленьких человечков, холмовых человечков (*muinntir nan cnoc*), которые были не больше бутылки; И если бы вы знали о жителях этих холмов столько же, сколько знаю я, вы бы не тронули вдовью долю, но если вам очень хочется вернуть животных - вот перед вами холм, где они находятся, и куда вы можете пойти и поискать их, и если сможете, то найдете." Мужчина, напуганный ее видом и словами, продолжал смотреть на нее (*'g a feitheamh*) и все время отходил на шаг. Он отправился домой без лошади и коровы, и сколько бы он ни оставался на занимаемой должности, страх перед мудрой женщиной (*Iseabal N'ic Rao'uill*) и феями не позволил ему вернуться в Дунтульм. Когда он скрылся из виду, молодые люди Дунтульма отправились на островок, где оставили животных, которых вернули и отдали бедной женщине, которая смогла заплатить налог.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ.

О ДВУХ БРАТЬЯХ.

Заколдованная сказка.

Говорят, что в давние-давние времена остров Малл был необитаем, за исключением нескольких семей, живших на южной стороне, в Карсайге, в той части острова, которая известна как Росс оф Малл. Эти семьи жили изолированно от остального мира; никто из них никогда не видел никого из других мест, и никто из них сам никогда не покидал это место. У них не было лодок, и они говорили, что другие островки и земли, которые они видели напротив, - это другие миры. Однажды они увидели, как по морю перед ними (*tu'n comhair*) со стороны материка плывет пятно (*dùradan*), и когда оно приблизилось, они сравнили его с лошадью, на спине которой стоит дерево, а когда оно подошло к берегу, это была лодка из плетня, покрытая шкурами, и в ней был один человек, у которого с собой было немного питья и орехи лещины для еды. За то, что его лодка была покрыта шкурами^[23], они называли его "человеком с коровьей шкурой" (*am boicionnach*). Высадившись на берег, он рассказал им, как из любопытства покинул дом, чтобы посмотреть другие места, и это было первое место, куда он смог добраться. Говорят, он прибыл из Арденкапла в округе Лорн на материке (*Ard-nan-capull, 'an Lathurna*). Он пробыл у них долгое время, так как они относились к нему по-доброму и были очень довольны им. Он научил их новым способам, которые были полезны им в повседневной жизни, и своим мастерством и знаниями во многом способствовал их благополучию. Увидев, что они не используют молоко своих коров и коз, делая из него сыр, он спросил их о причине этого. Они ответили ему, что не знают, что такое сыр, поскольку никогда не слышали и не видели его, и хотели бы узнать, как его делают. До его прихода они умели делать масло. Он взял *Lus-buidhe-bealltainn* (болотные ноготки) и, положив их стебли в молоко, превратил его в творог и сыворотку. Считается, что это первый сыр, который был сделан в Малле. Через некоторое время, почти через год после этого, в том же направлении приплыла еще одна лодка, или, как ее описывали, лошадь с деревом на спине. Эта лодка причалила к берегу в Лохспелви, дальше на восток, и в ней тоже был один человек, которого они называли "Тот, кто в кожаных одеждах" (*an craicionnach*). Он был братом того, кто пришел раньше, и пришел на его поиски. Два чужеземца и туземцы хорошо ладили друг с другом, и братья начали строить лодку, когда нашли в Мулле дерево в изобилии. Когда лодка была закончена, они называли ее "шестикрылой лодкой" (*iùrach nan sia ràmh*), и когда она была оснащена и готова к плаванию, братья взяли с собой команду и отправились на ней в один или другой из миров (*na saoghalan eile*), которые они видели перед собой, и достигли Юры (*Diùra*), но жители острова не позволили им высадиться, поскольку никогда прежде не видели лодки. Они отбросили их камнями от берега. Затем они отправились в Колонсей, но люди Колонсея (*na Colosaich*) были столь же жестокосердны (*doirbh*). Они напали на них и попытались ослепить их, забросав глаза песком. Тогда они отправились на зеленый (*lim.*, голубой) остров (*an t-eilean gorm*), под которым тогда был известен остров Айла, куда прибыли в более благоприятное время: на берегу никого не было. Они вытащили лодку на сушу и отправились посмотреть, есть ли на острове люди или встретят ли они кого-нибудь, кто мог бы указать им дом. Первым, кого они встретили, был старик, который наблюдал за скотом (*aig aire sreud*). Он решил, что они принадлежат острову, поскольку известно, что никто никогда не приходил на него и не уходил с него. Первый из пришедших братьев попросил старика дать ему информацию об этом месте. Старик заметил: "Как любопытна

твоя речь, если ты родился на этом острове". Тот ответил: "Нет, я не уроженец этого острова". Старик сказал: "А если нет, то что привело тебя сюда?" "Причина моего прихода в том, чтобы спросить, что ты можешь дать, и дать то, что могу". Затем, когда наступила ночь, старик разжег огонь, и они просидели у него до рассвета, когда стали видны люди и дома. Жители острова Айла были гостеприимны к чужеземцам, пробыли у них целый год и построили для них семь лодок. Старший брат женился на местной жительнице и через некоторое время задумал снова вернуться на Малл. Приготовив лодку, он отправился в путь, взяв с собой жену и остальных, и взял курс на север (*aghaidh a bhàta, tuath*). Не успели они отойти далеко, как налетел густой туман, затемнивший мир, а так как компаса у них не было и земли не было видно, они дрейфовали, пока лодка не уперлась в берег. Это была первая земля, которую они увидели с тех пор, как покинули *Эйлеан-Горм*. На берег спустился большой человек - равных ему по размерам они не видели, - ухватился за носовую часть лодки и поднял ее выше уровня воды, и все они оказались в ней. Он пригласил их пойти к себе домой. Они пошли с ним и были приняты с радостью. Дочь хозяина дома, когда старший из братьев попросил пить, принесла двугорбое деревянное блюдо, полное молока, поставила его на пол рядом с ними и ушла. Один из незнакомцев поднялся, чтобы поднять блюдо, но не смог. Тогда поднялись трое, но и им не удалось его поднять. Она вернулась и, найдя блюдо таким же, как оставила, сказала: "Если ты утолил жажду, то это не отклонение от меры (*air a' mheasair*)". Та, что была из воловьей шкуры, ответила: "Мы не привыкли опускаться, как скот (*cromadh mar bhà*), когда пьем, и не смогли поднять блюдо". Тогда она взяла деревянное блюдо за ухо в левую руку и протянула напиток всем. "Откуда вы пришли, - спросила она, - или куда идете?" "Мы пришли с темно-синего морского пролива, - сказал он, - и направляемся на холмистый остров (*do 'n eilean bheannach*)". "Это Мулл, - сказала она, - Мулл моей любви, Мулл маленьких человечков (*Muile mo ghràidh, Muile nam fear beaga*)". Они весело провели эту ночь вместе и на следующий день отправились в море; но когда они попытались сдвинуть лодку с места и поднять ее на плаву, то с таким же успехом можно было бы попытаться сдвинуть с места Ройнн оф Айлей (*an Roinn Ileach*), но они не смогли сдвинуть ее с места. Тогда молодая жена, приехавшая с ними с острова Айла, сказала: "Я знаю, где мы находимся; Мы находимся на зеленом острове, на который наложены чары (*fo gheasaibh*), но у меня есть дар, который позволит нам покинуть его", и она рассказала тем, кто был с ней, как ее мать при расставании дала ей шапку, сказав: "Если ты когда-нибудь окажешься в затруднительном положении, надень ее, и в то же время ты должна семь раз наклонить голову к земле так низко, как твои ноги (*seachd uairean do shròn a bhualadh ri òrdaig do chois*).". Шапка была у нее на поясе (*'n a sneas*), и она велела им сесть в лодку и взяться за весла. Она встала посреди них, коснулась шапки, наклонила голову, и она поднялась к ее груди (*an sneas*); в другой раз - к шее (*am muineal*); в третий раз - к подбородку (*an smigead*); затем, когда она наклонила голову, в четвертый раз она поднялась мимо рта к носу; в следующий раз она достигла глаз, затем лба, наконец, макушки головы, и лодка отчалила. Туман все еще был там. Они спросили старшего брата, в каком направлении им держать курс. Он сказал, чтобы они следовали за полетом птиц, так как вечером они улетают на берег и приведут их к суше. О возвращении птиц и рыб домой есть поговорка: "Птицы вселенной летят на запад, а рыбы глубин - на восток (*Eòin an domhain, siar, 's iasg an domhain, sear*)". Ночью младший брат, тот, что был из шкур, крикнул, что перед ними курган (*gu 'n robh tòrr rompa*). Его брат, который находился в задней части лодки, ответил: "Это что, tòrr без травы?" И это место до сих пор носит название Торренс (*'se na tòrrain a theirear riu gus an là 'n diugh*). Когда наступил день, они добрались до берега Мулла и столкнулись с лодкой в узком проливе, похожем на отверстие в дамбе (*cachaileith ghàraidh*), и прежде чем они достали их из толевых штырей, весла сломались. Это место до сих пор известно как узкий пролив сломанных весел (*Caolas-*

a'-bhristidh-ràmh). Выбравшись на берег, они отправились домой и рассказали, где они были и что с ними случилось.

Человек, которому сейчас больше 70 лет и от которого писатель почти слово в слово записал эту историю, сказал, что слышал ее, когда был молодым человеком, и что следующая история (история двух сестер) является ее продолжением; события этой истории произошли во время отсутствия двух братьев в этом месте и были рассказаны им туземцами в обмен на рассказ об их собственных приключениях. Имя Торкил, встречающееся в этой истории, и вера в колдовство и оккультные силы наводят на мысль, что колония в Малле была родом из Лохлина, или что эта история относится к более позднему периоду истории, чем "Два брата". История такова:...

ДВЕ СЕСТРЫ И ПРОКЛЯТИЕ.

Две сестры жили в одном городке на южной стороне Мулла. У одной из них, которую звали Прекрасная *Майрад*^[24], была фея-возлюбленная, которая приходила туда, где она была, никому не известная, пока однажды она не открыла секрет своей сестре, которую звали *Эйлса*^[25] (*Эаласаид*), и не рассказала ей, как сильно она любит свою фею-возлюбленную. "А теперь, сестра, - сказала она, - ты никому не расскажешь". "Нет, - ответила сестра, - я никому не скажу; эта история так же скоро сойдет с моих губ, как и с моего колена (*o'm ghlùn*)"; но она не сдержала обещания; она рассказала тайну возлюбленного феи другим, и когда он пришел снова, то обнаружил, что за ним наблюдают, и ушел и больше не возвращался, и никто в этом месте не видел его и не слышал о нем впредь. Когда прекрасная сестра узнала об этом, она покинула свой дом и стала скитаться по холмам и впадинам, и никогда после этого не подходила к дверям дома, чтобы постоять или посидеть, пока жила. Те, кто пас скот (*ag uallach threud*), часто пытались подойти к ней и уговорить ее вернуться домой, но им так и не удалось добиться успеха, кроме как услышать, как она напевает меланхоличную песню, в которой рассказывает, как сестра была ей неверна, и что за причиненное ей зло она отомстит сестре или ее потомкам, если фея (*neach sìth*) будет иметь силу. Услышав, что *Эйлса* вышла замуж, она повторила: "Дун *Эйлса* замужем и у нее есть сын *Торкил*, и зло будет отомщено ей или ему (*phòs, phòs Ealasaid Odhar*,^[26] и т. д.)". В своей скорбной песне она напевала следующее.

Место моей матери пустынно, пусто и холодно,

Мой отец, который любил меня, спит в могиле,

Без друзей и в одиночестве я брожу по полям,

Поскольку в мире нет никого роднее меня.

Лишь сестра без жалости.

Она спросила, и я рассказал, от полноты радости;

Не было никого роднее, кто знал бы мою тайну;

Но я чувствовал, и это вызвало слезы на моих глазах",

(*lum.*, *raindrip on my sight*),

Что рассказ скорее с губ, чем с колен.

Затем она произнесла такие пожелания

Пусть ничто из того, на что вы возлагаете надежды, никогда не вырастет,

И роса никогда не упадет на вашу землю.

Пусть из твоего жилища не поднимается дым,

В глубине самой суровой зимы,[\[27\]](#)

Пусть червь не заведется в твоём хранилище,

И моль под крышкой твоих сундуков.

Если фей-существо обладает силой,

Месть будет свершена, хотя и над твоими потомками.

Tha suidheag mo mhàthar gu fàs, falamh, fuar,

Tha m' athair 'thug luaidh dhomh 'n a shuain fo 'n lic.

Gun daoine gun duine na raoin tha mi 'siubhal,

'S gun 's an t-saoghal do 'm chuideachd

Ach piuthar gun iochd.

Dh' iarr ise 's thug mise do mheud mo thoil-inntinn;

'S mi gun neach 'bu disle g' an innsinn mo rùn;

Ach dh' fhairich mi sid 's thug e snidh' air mo léirsinn

Gur luaithe 'thig sgeul o 'n bheul na o 'n ghlùn.

An sin thuirt i na guidheachan so:-

"Na-na-chinn 's na-na-chuir thu t-ùidh,

'S na-na-shil an driùchd ad shlios,

'S na-na-rug ad bhothan smùid

Ann an dùlachd crùth an crios;

Gu 'n robh a' chnuimheag ann ad stòr

'S an leòmann fo bhòrd do chist';

Ma tha cumhachd aig neach sìth,

Dìolar ge b' ann air do shliochd."

Аильса (*Эаласаид*) вышла замуж, и у нее был один сын. Каким-то образом об этом узнала ее страдающая сестра, и тогда она добавила к своей песне

Дун Эйльса вышла замуж,

И у нее есть сын Торкил.

Смуглолицый Торкил, что может взобраться на мыс

И вывести тюленя из волн,

Серп в твоей руке остер,

Ты в два взмаха пожнешь сноп.

Phòs, phòs Ealasaid Odhar,

'S tha mac aice-Torcuil.

Torcuil donn 'dhìreadh sròin,

'S a bheireadh ròn bhàrr nan stuadh,

Bu sgaiteach do chorrán 'n ad dhòrn

'S dheanadh tu dhà dhlòth an sguab.

Какими бы дарами ни был наделен кареглазый единственный ребенок сестры, помимо всего прочего, он был знатным жнецом, но этот дар оказался для него роковым (*dh' fhòghainn e dha*). Когда он вырос до зрелого возраста, то мог собрать столько же, сколько семь мужчин, и никто из них не мог с ним сравниться. Затем ему рассказали, что осенью, после ухода жнецов, на уборочные поля приходила незнакомая женщина и до рассвета следующего утра обмолачивала поле или любую часть спелой кукурузы, которую жнецы не успевали закончить в тот день, и на каком бы поле она ни начинала, после нее оставалась законченная работа семи жнецов. Ее называли Девой с каирна (*Gruagach*^[28] *a' chùirn*), потому что видели, как она выходила из каирна напротив. Однажды вечером кареглазый Торкил, пожелавший увидеть ее за работой, вернувшись домой позже обычного, оглянувшись, увидел, что она начинает работу на его собственном поле. Он вернулся и, найдя свой серп там, куда его положил, взял его с собой и пошел за ней. Он решил догнать ее и начал жать следующую борозду, говоря: "Ты хорошая жница, а то я тебя догоню"; но чем больше он работал, тем больше видел, что вместо того, чтобы приближаться к ней, она удаляется от него, и тогда он окликнул ее,

"Дева из каирна, подожди меня, подожди меня". (*'Ghruagach a' chùirn, fuirich rium, fuirich rium.*)

Она сказала, отвечая ему,

"Прекрасный смуглый юноша, догони меня, догони меня". (*'Fhleasgaich a' chuil-duinn, beir orm, beir orm.*)

Он был уверен, что догонит ее, и шел за ней, пока луна не потемнела от туч; тогда он воззвал к ней,

"Луна затянута тучами, задержись, задержись". (*Tha 'ghealach air a mùchadh fo neòil, fuirich rium, fuirich rium.*)

"У меня нет другого света, кроме нее, догони меня, догони меня", - говорила она.

Он не стал, да и не мог догнать ее, а когда снова увидел, насколько она опережает его, сказал: "Я устал от вчерашней жатвы, подожди меня, подожди меня". Она ответила: "Я

поднялась на круглый холм с крутыми вершинами (*màt cas nan leac*), догони меня, догони"; но он не смог. Тогда он сказал: "Мой серп будет лучше заточен (*air a bhleath*), подожди меня, подожди меня". Она ответила: "Мой серп не разрежет чеснок, догони меня, догони меня". Тогда она дошла до начала борозды, закончила жатву и осталась стоять на месте, ожидая его. Когда он дошел до начала своей борозды, он схватил последнюю горсть кукурузы,[29] чтобы сохранить ее, как было принято, ведь это была "Дева Урожая" (*a' mhaighdean-bhuana*), и стоял с ней в одной руке и серпом в другой. Глядя ей прямо в лицо, он сказал,

"Ты отдала от меня старуху, и ты не заслужила моего недовольствия". (*Chuir thu a' chailleach fada uam 's cha b' e mo ghruaim a thoill thu.*)[30]

Она сказала,

"Плохая примета - рано в понедельник жать урожай девам". (*'S dona 'n ni (var., mì-shealbhach) moch Di-luain dol a bhuain maighdein.*)

Когда она сказала это, он упал замертво на поле и больше никогда не выпускал дух. После этого Деву из каирна никто не видел и не слышал о ней; так закончилось исполнение желаний сестры.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[23] Лодки, сделанные из веток и покрытые шкурами, причем волосатая сторона шкуры была наверху, могли преодолевать большие расстояния по бурному морю.

[24] В английском языке это имя иногда передается как Маргарет. Остров Эрраид (Эйлеан Эрраид) находится в заливе Иона, к югу от Малла.

[25] Скала Эйлса в заливе Клайд называется по-гэльски *Creag Ealasaid*, а также *Ealasaid a' chuain* (Эйлса моря). Круглая серая скала, лежащая у берега в Маннале, на южной стороне Тири, называется *Creùr Эаласаид*, скала Эйлсы. В английском языке имя *Ealasaid* также звучит как Elizabeth и Elspeth.

[26] *Odhar*, *dun* или *grey*, применяется к скоту; например, *bò mhaol odhar*, *dun* безрогая корова; *gabhar mhaol odhar*, серая коза: иногда используется как выражение презрения, например, *creutair odhar*, *dun* существо. Уменьшительное от *odhar*, *odhrag*, является домашним именем для коровы.

[27] Слова первых четырех строк "пожелания", с точки зрения их формы в гэльском тексте, почти неразборчивы; они просто представляют звуки, произносимые чтецом, не будучи правильными ни по форме, ни по составу. Звуки, относящиеся к первой строке, могли бы, например, быть представлены так: "*Na ana-chinnt 's 'n a an-shocair dhuit d' ùidh*: возможно, произнесение было намеренно двусмысленным" (прим. ред.).

[28] *Груагач*, сверхъестественное существо, в данном случае был назван женщиной; но обычно *груагач* означает вождя. (См. т. IV, серия "Аргайлшир", с. 193.)

[29] Когда-то существовал обычай, согласно которому последнюю горсть кукурузы, которую срезали и которая завершала сбор урожая, забирал домой жнец, обычно самый молодой человек в семье, умевший жать. Горсть была со вкусом украшена и хранилась, по крайней мере до следующего года, как дева урожая.

[30] В другие времена было принято, чтобы старые женщины ходили и просили милостыню, а если они были немощны, то их носили из дома в дом и по деревням, и тот, кто последним в деревне заканчивал жатву кукурузы, должен был содержать такую женщину в этом году, и то же самое могло случиться с ним на следующий год. Когда была распространена система сцепки, последнюю борозду кукурузы иногда оставляли, так как никто не мог получить ее в собственность, опасаясь, что придется содержать старуху в течение года.

ТЕМНАЯ, ИЛИ СМОЛЯНАЯ, СОСНА, ДОЧЬ НОРВЕЖСКОГО КОРОЛЯ, И как она проредила леса Лохабера.

Когда норманны пришли, а их визиты были частыми и многочисленными, в эту страну и на эти острова, чтобы претендовать на землю и завладеть ею, слава, которую они снискали себе, потворствуя всякому жестокому разорению и резне людей, где бы они ни высадились, О них говорили, что они смелые, отважные, выносливые, грубые ("The Norsemen a rough band"), императивные и беспринципные, и более того, им приписывали, что они практикуют колдовство, чары и волшебство, и среди них было много других нечестивых знаний. Старшая дочь норвежского короля была особенно отмечена за свои познания в "черном искусстве". Не было ни одного несчастного случая, постигшего друзей, ни одной гибели, постигшей врагов, ни одного везения или удачи, сопутствовавшей другу или врагу, но говорили, что она была причиной этого или приложила к этому руку. Она была известна в стране и за рубежом, далеко и широко, за ее мастерство среди коров и скота, говорили, что она владеет всеми видами молочного дела в королевстве ее отца. Не было ни одного очарования или сглаза, падавшего на любое живое существо в стаде, который она не могла бы рассеять и отвести, ни одной раны или увечья, которые они получали, но которые она могла исцелить, ни головокружения, ни судорог, в которые они впадали и из которых она не могла их вывести, пока о ней не стали говорить, что мычание скота, бессвязный крик телят и грубый плач годовалых детей были для нее самой сладкой и успокаивающей музыкой, и она отвечала на зов скота, хотя могла заблудиться среди северных лесов, а крик из самой глухой части самой отдаленной четверти вселенной. Она знала траву, обладающую свойством забирать свои качества из молока, а также была знакома с заклинаниями, с помощью которых можно было восстановить его достоинства, и со всеми чарами и заклинаниями, которые практиковались или почитались в то время. Цветы лугов и лесов были ей так же знакомы, как гребни кукурузы или зерна на соломе, и не было ни одного листа на дереве, кусте или кустарнике, со свойствами которого она не была бы знакома. Королевство ее отца было покрыто сосновым лесом и как тогда, так и сейчас славилось прекрасным качеством древесины, из которой получали большую часть богатств королевства.

Однажды, когда норманны пришли в Шотландию, чтобы завладеть и поделить захваченные земли, они заметили, что сосновый лес Лохабера растет так быстро и простирается так далеко, что со временем может превзойти шведские Черные леса. Но в этот раз северные войска были отброшены назад. Добравшись до дома, они доложили об этом королю и высказали мнение, что рост леса необходимо остановить, иначе его северные леса не будут пользоваться большим уважением.

Королю пришло в голову посоветоваться по этому поводу со своей дочерью, поскольку она была образованной, и получить от нее сведения о наилучшем способе прореживания и уничтожения шотландского леса. Она дала ему желаемую информацию, но сказала, что она

должна быть носителем этого метода и обязательно должна сама отправиться в Шотландию. Она получила разрешение короля и стала готовиться к путешествию.

Судя по дарам, которыми она обладала, ни море, ни суша, ни воздух, ни земля не могли помешать ее продвижению до тех пор, пока она не выполнит свою цель. Когда она добралась до Лохабера, то зажгла огонь в полотне своего платья и стала ходить по лесу, а поскольку она могла путешествовать как по земле, так и по облакам, то, когда она поднималась в воздух и кружилась, искры огня, летевшие из ее платья, разносились ветром туда и сюда и поджигали лес, пока вся страна не оказалась почти в огне, и так потемнела от дыма, что почти не было видно перед собой; И оттого, что она почернела больше всех деревьев в лесу от дыма и копоти огненной печи, которая ее окружала, ее стали называть "Темной, или Сосной". Люди собрались, чтобы понаблюдать за ней, но из-за быстроты ее подъема и стремительности спуска они не могли не только ухватить ее, но и помешать ей, и были в растерянности, что делать. В конце концов они обратились за советом к одному из местных ученых. Тот посоветовал им собрать стадо скота в складчину, где бы она ни стояла, и всякий раз, когда она услышит мычание скота, спускаться вниз, а когда она окажется на расстоянии выстрела, стрелять в нее серебряной пулей, и тогда она превратится в охапку костей. Они последовали этому совету и стали собирать скот и преследовать ее, пока в "Центре Кинтайла" не собралось все большое и малое поголовье. Всякий раз, когда она слышала крик стада, она спускалась, и они целились в нее серебряной пулей, как велел им мудрец, и она мягко падала среди них. Люди подняли останки и отнесли их в Лохабер, а чтобы убедиться, что живая или мертвая она больше не причинит им вреда, похоронили ее в Ахнакарри; и человек, от которого впервые услышали эту историю девять лет назад [1880], сказал, что может поставить ногу на то место, где она была похоронена.

Король норвежцев был поражен тем, что его дочь не вернулась, и тем, что он не получил от нее никаких известий. Он отправился за границу, чтобы получить о ней известия. Когда ему принесли весть о случившемся с ней несчастье, он послал лодку с командой, чтобы доставить ее домой, но женщины Лохабера своими заклинаниями уничтожили посланных им людей. Лодка потерпела крушение, а люди погибли у входа в Локхейл. Следующие корабли были не более удачными. В третий раз король послал свой самый мощный флот. Тогда они послали и попытались с помощью заклинаний осушить колодцы на холме фей в Ионе. Достоинство этих колодцев заключалось в том, что, опорожнив их в направлении желаемого ветра, можно было получить ветер из любого желаемого места. Когда было замечено приближение кораблей, колодцы начали опустошаться, и прежде чем была выброшена последняя горсть, шторм был настолько сильным, а корабли настолько близкими, что весь флот был загнан на берег под Холмом фей, а сила и мощь норманнов были сломлены и настолько ослаблены, что они больше не возвращались, чтобы напасть на эту землю.

AN DUBH GHIUBHSACH, NIGHEAN RIGH LOCHLAINN, Agus mar a chrionaich I Coille Lochabair.

Mar thàinig na Lochlannaich an toiseach, 's bu bhitheanta sin, air feadh nan dùthchannan 's nan eileinean so, a thogail chòraichean 's a ghabhail sealbh air fearann, 's e an cliù a choisinn iad dhaibh féin, leis gu 'n robh iad ris a h-uile seòrsa léir-chreach 's milleadh air muinntir nan àiteachan a bha iad a' ruigheachd, gu 'n robh iad 'n an daoine dalma, misneachail, cruaidh-chridheach, borb. "Lochlannaich, a' bhuidheann bhorb," neo-easmaileach, neo-thròcaireach 's a thuilleadh air sin, bha e air chur as an leth gu 'n robh buidseachd agus druidheachd 's iomadh eòlas toirmisgte eile 'n am measg.

Bha 'n nighean a bu sine aig Rìgh Lochlainn sònraichte ainmeil air son na bh' aice de 'n "Sgoil Dubh." Cha robh sgiòrradh no tubaist a thachair do chàirdean, no sgrios a thigeadh air naimhdean, no math no rath a dh' éireadh do h-aon diù, nach robh e air a ràdhainn gur i b' aobhar-cinn dha, no gu 'n robh làmh thaobh-eiginn aice ann. Bha i aig an tigh 's uaithe fada 's farsuinn comharraichte air son sgìl am measg cruidh 's feudail; 's ann aice bha gach seòrsa eòlas cruidh 'an rìoghachd a h-athar. Cha robh sian no sùil a laidheadh air creutair beo 's a' bhuaile nach togadh i, no tuaineal no ceangal 's an rachadh iad nach fhuasgladh i, gus an abairteadh gur e geumnaich cruidh, blaomannaich laogh agus ràcaireachd ghamhna an t-aon cheòl cadail a bu bhinn leatha, 's gu 'm freagradh i 'n uair a chluinneadh i 'n spréidh ged bhiodh i 'n a suain an teis-meadhon coille dhubh a h-athar 's an geum o cheann ìochdar iomall an domhain.

B' aithne dh' i an lus a bheireadh an toradh as a' bhainne co math 's a b' aithne dh' i na h-eòlais a thilleadh air ais e, agus gach seòrsa sian agus oradh a bha air a chleachdainn no air a chunntas feumail 's an àm. Bha gach luibh 's a' mhachair no 's a' choille co-ionnan dh' i ri arbhar nan imirean no spilgean cònlach, 's cha robh duilleag air craoibh, no preas, no dris, nach b' aithne dh' i. 'S an àm so bha dùthaich a h-athar còmhdaichte le coille ghiubhais, agus iomraideach (mar tha fhathast) air son co math 's a bha a fiodh, 's bha neart de bheartais na rìoghachd 'tighinn a stigh air a tailibh.

Uair de na h-uairean sin thàinig na Lochlannaich do Albainn a thoirt a mach fearainn 's a dheanamh roinn na còrach air na gheibheadh iad, 's thug iad fainear gu 'n robh coille ghiubhais Lochabair a' fàs 's a' gabhail roimpe co mòr 's gu 'm faodtadh e 'bhi gu 'n cuireadh i stad air coille dhubh na Suain. Chaidh feachd Lochlannach an uair so thilleadh air ais an taobh a thàinig iad, 's 'n uair a ràinig iad dhachaidh dh' innis iad do 'n rìgh mar bha iad 'am beachd a thachradh 's gu 'm feumadh stad a chur air cinneas na coille Albanaich neo nach bitheadh mòran meas air a' chonnadh aige-san. S e smuaintich an rìgh bho 'n a bha h-uile ionnsachadh aig a nighean gu 'n cuireadh e 'chomhairle rithe, 's gu 'm faigheadh e fiosrachadh uaipe 'd e an dòigh a b' fhearr 's a bu luaithe air a' choille Albanaich a dheanamh na bu lugha 's a crìonadh. Dh' innis i dha, ach gu 'm bitheadh aice fhéin ri dol ann. Fhuair i cead o 'n Rìgh, 's rinn i deas air son falbh; 's leis na cumhachdan a bh' aice cha chuireadh muir no tìr, talamh no adhar, stad air a ceum gus an ruigeadh i ceann thall a' ghnothaich.

'N uair a ràinig i Lochabair 's e 'n dòigh a ghabh i, dh' fhadaidh i teine 'an iomall a gùin 's ghabh i gu siubhal roimh 'n choille, 's leis gu robh comas aice falbh anns na neòil co math 's air an talamh, dhìreadh i suas agus 'n uair bha i 'dìreadh 's a' cur cuairteig anns an adhar, bha na sradagan teine a bha 'falbh as a gùn a' dol gach taobh leis a' ghaoith 's a' lasadh na coille gus an robh an dùthaich uile gu bhi 'n a caoirean teintich 's co dùinte le deathaich 's gur gann a bu léir do dhuine lias, 's a chionn gu 'n robh i fhéin air fàs anns an deathaich 's anns an t-sùith na bu duibhe na craobh 's a' choille, 's e "An Dubh Ghiùbhsach" a theireadh iad rithe.

Bha muinntir na dùthcha cruinn còmhla 'g a feitheamh 's cha chumadh iad sealladh oirre leis co àrd 's a rachadh i anns na speuran 's co luath 's a thèarnadh i gu talamh. Cha b' urrainn iad greim fhaighinn oirre na bu mhotha na b' urrainn iad stad a chur oirre, 's cha robh fios aca 'd e a dhèanadh iad. Mu dheireadh chaidh iad air son fòghluim gu duine ionnsaichte a bha 's an dùthaich. Thuirt esan riu, buaile cruidh a chruinneachadh far an stadadh i, 's 'n uair a chluinneadh i 'n fheudail 's a' bhuar gu 'n tèarnadh i; 's an uair a bhiodh i mar urchair gunna uapa iad a losgadh oirre le peileir airgid, 's gu 'n rachadh i 'n a cual chnàmh. Ghabh iad a chomhairle 's thòisich iad air togail chreach 's air ise leantuinn gus an robh a' bhuaile làn-suidhichte le crodh ann an Crò-Chintàile. Co luath 's a chuala ise a' gheumnaich theirinn i 's loisg iad oirre leis a' pheileir airgid mar dh' iarr an duine glic orra, 's thuit i 'n a ceòsaich 'n am measg. Thog iad eadar dhaoine am pronnann a bh' aca dhi 's thug iad leo do Lochabair i, 's chum gu 'm bitheadh iad cinnteach nach dèanadh i cron beò no marbh

dhoibh tuilleadh, thiodhlaic iad i ann an Achanacairidh; 's am fear bho 'n deachaidh an naigheachd a chluinntinn an toiseach-anns a' bhliadhna 1880-bha e 'g ràdhainn gu 'm b' urrainn dha a chas a chur air an uaigh anns an do chuireadh i.

Bha ioghnadh air Rìgh Lochlainn nach robh a nighean a' tilleadh no sgeul uaipe. Chuir e forfhais a mach, 's trà chualaic e mar thachair dhi, chuir e bàta 's sgioba air son a toirt dachaidh, ach dh' fhoghain mnathan Lochabair le 'n ubagan dh' i. Chaidh a briste 's na daoine chall, aig bun Lochiall. Cha d' ràinig an ath chabhlach na bu mhò. S an treasa uair trà chuir an Rìgh mach feachd na rioghachd 's e rinn iadsan, chuir iad eòlas a thaomadh tobraichean Dhun-I, 's bha e 'n cois an eòlais, rathad 's am bith a rachadh na tobraichean a thaomadh gu 'm faighteadh a' ghaoth a dh' iarrradh. N uair fhuaradh sealladh air a' chabhlach, thòisich air taomadh an tobair, 's mu 'n robh a' bhoiseag mu dheireadh as, bha a' ghaoth co làidir 's a' chabhlach co dlùth 's gu 'n do bhrisdeadh iad air cladach an Dùin, 's chaidh cumhachd 's feachd nan Lochlannach lughdachadh co mòr 's nach do thill iad riamh tuilleadh a dheanamh dòlais no a thoirt sgrios air an tìr.

O'NEIL, И КАК ВОЛОСЫ НА ЕГО ГОЛОВЕ СТАЛИ РАСТИ.

Жил-был в Ирландии один кузнец, который однажды работал в кузнице, когда к нему вошел юноша, с которым были две старухи.

Он сказал кузнецу,

"Я был бы тебе очень обязан, - сказал он, - если бы ты позволил мне немного поработать у мехов и наковальни".

Кузнец согласился. Тогда он поймал двух старух, накинул на их середину обруч, положил их в огонь кузницы и дунул в мехи, а потом вынул их и сделал из двух старух одну женщину, прекраснейшую из всех, каких только видел глаз.

Когда кузнец лег ночью, он сказал своей жене,

"Сегодня в кузницу пришел человек с двумя старухами; он попросил у меня на время мехи и наковальню и сделал из двух старух самую прекрасную женщину, какую только видел глаз человека. Моя мать и твоя мать здесь, с нами, и я думаю, что попробую сделать одну правильную женщину из двух, раз уж я видел, как это делал другой человек".

"Давай", - сказала она, - "я вполне согласна".

На следующий день он достал двух старух, надел на них обруч и бросил в огонь кузницы. Вскоре стало ясно, что от них не осталось даже костей. Кузнец был в крайнем отчаянии, не зная, что делать, но тут позади него раздался голос,

"Ты в недоумении, кузнец, но, может быть, я тебя оправдаю". Тогда он схватил мехи и стал дуть в них сильнее; затем он вынул их и положил на наковальню, а из двух старых жен сделал прекрасную женщину. Затем он сказал кузнецу,

"Я был тебе нужен сегодня, но, - сказал он, - лучше найми меня; я не буду просить у тебя только половину того, что заработаю, и это будет в договоре, а третью я возьму по своей воле". Кузнец нанял его.

В это время О'Нил послал за границу с вестью, что ему нужен тот, кто заставит расти волосы на его голове, потому что ни у О'Нила, ни у О'Доннела, его брата, на голове их не было, и что тот, кто сможет это сделать, получит четвертую часть его средств. Парень-слуга сказал кузнецу,

"Нам лучше пойти и договориться с О'Нилом, что мы наденем ему на голову волосы", и они так и сделали. "Скажи ему, - сказал парень-слуга, - что у тебя есть слуга, который за четвертую часть того, чем он владеет, наденет ему на голову волосы".

О'Нил согласился на это, а парень-слуга пожелал снять для себя комнату и попросил поставить котел на хороший огонь. Все было сделано по его желанию. О'Нила внесли в комнату и растянули на столе. Затем слуга взял топор, отрубил О'Нилу голову и положил ее лицом вперед в котел. Через некоторое время он взял в руки большой штырь, который у него был, и приподнял им голову, на которой начали появляться волосы. Через некоторое время он снова приподнял ее тем же штырем, и на этот раз целая копна желтых волос обвила его руку. Затем он приподнял голову и прикрепил ее к телу. О'Нил окликнул его, чтобы тот поторопился и поднялся на ноги, когда увидел, что желтые волосы лезут ему в глаза. Он сделал то, что обещал: отдал кузнецу и мальчику-слуге четвертую часть своего имущества. Когда они возвращались домой со скотом, отрок-слуга сказал кузнецу,

"Сейчас мы разделимся, сделаем из скота две половины или части".

Кузнец не хотел соглашаться на это, но так как это было его сделкой, он получил половину. Затем они расстались, и животное, которое кузнец не хотел терять сейчас, он потерял бы снова, он не знал, куда направится, прежде чем доберется до дома, и у него была только одна старая корова, которую он не потерял из всего скота.

Когда О'Доннел увидел волосы брата, он послал сказать, что отдаст третью часть своего имущества любому, кто сделает то же самое с ним самим. Кузнец решил, что на этот раз он попытается сделать это один. Он отправился туда, где находился О'Доннел, и сказал ему, что наденет волосы на голову и ему, как он сделал это со своим братом О'Нилом. Затем он попросил поставить котел и разжечь под ним хороший огонь, отвел О'Доннела в комнату, привязал его к столу, затем взял топор, отрубил ему голову и бросил ее в котел лицом вниз. Через некоторое время он взял топор, чтобы посмотреть, не растут ли волосы, но вместо того, чтобы расти, челюсти почти выпали. Кузнец уже почти лишился чувств, не зная, что делать, как вдруг услышал позади себя голос, который сказал ему: "Ты попал в переделку". Это вернулся тот самый парень с Черным Искусством, который был у него раньше. Он дунул в котел посильнее, поднес к нему штырь, чтобы посмотреть, как поживает голова, не растут ли на ней волосы. Когда он попробовал в следующий раз, волосы обвились вокруг его руки. Так как на ней росло столько волос, он сказал: "Мы сделаем еще одну складку вокруг моей руки". Когда он попробовал еще раз, получилось два витка. Он вынул ее из котла и прикрепил к телу. Он закричал, чтобы его поскорее отпустили, когда увидел, что его желтые волосы спускаются на плечи. Волосы его очень порадовали: они были более пышными, чем у О'Нила, его брата. Они получили все, что им было обещано, и отправились домой. Парень, у которого было Черное Искусство, сказал: "Не лучше ли нам разделить скот?"

"Не будем, не будем", - ответил кузнец, - "поднимите их с собой, раз уж мне достался чистый".

"Ну, - сказал другой, - если бы ты сказал это раньше, ты не вернулся бы домой с пустыми руками или с одной коровой", - и сказал: "Ты возьмешь каждую из них: Я не возьму ни одной".

Кузнец отправился домой с этим стадом, и впредь ему не требовалось наносить удары в своей кузнице, и он никогда не встречался с тем, кто владеет Черным Искусством.

О'НИЛ, 'СМАР АЧАЙДХ АМФАЛТ ЭЙР АШЕАНН.

Gobhainn bh' ann roimhe so ann an Eirinn, 's bha e latha de na làithean ag obair anns a' cheàrdaich agus thàinig òganach stigh 's dà sheana-bhoirionnach aige. Thuit e ris a' ghobhainn, "Bhithinn ann ad ehomain," ars' esan, "na 'n toireadh tu dhomh tacan de 'n bholg 's de 'n innean." Thuit an gobhainn ris gu 'n tugadh. Rug e an sin air an dà chaillich, chaith e cearcall mu 'm meadhon, 's chàirich e 's an teallach iad, 's shéid e am bolg riu; thug e 'n sin mach iad 's rinn e aon bhoirionnach a bu bhreadha 's a chunnaic sùil duine de 'n dà chaillich. 'N uair a luidh an gobhainn 's an oidhche, thuit e ris a mhnaoi, "Thàinig fear rathad na ceàrdaich an diugh 's dà chaillich aige, 's dh' iarr e orm treis de 'n bholg 's de 'n innean, 's rinn e 'm boirionnach a bu bhriadha a chunnaic sùil duine riamh air an dà chaillich. Tha mo mhàthair fhéin 's do mhàthair fhéin againn ann an so, 's tha mi 'smaointeachadh gu 'm feuch mi ri aon bhoirionnach ceart a dheanamh orra bho 'n a chunnaic mi am fear eile 'g a dheanamh."

"Дин," ars' ise, "tha mi làn-toileach."

Am màireach thug e mach an dà chaillich 's chuir e 'n cearcall mu 'm meadhon, 's thilg e 's an teallach iad. Cha b' fhada ach gus an robh coltach nach bitheadh na cnàimhean fhéin aige dhiùbh. Bha an gobhainn 'n a chàs gun fhios aige 'dé dheanadh e, ach thàinig guth air a chùlthaobh: "Tha thu ann ad éiginn, a ghobhainn, ach ma dh' fhaoidte gu 'n cuir mise ceart thu." Rug e air a' bholg 's théid e na 's teinne riu; thug e mach iad a sin 's chuir e air an innean iad, 's rinn e boirionnach a bu bhriadha de 'n dà chaillich. Thuit e sin ris a' ghobhainn, "Bha feum agad ormsa an diugh, ach," ars' esan, "'s ann a 's fearr dhuit mise fhasdadh, 's cha 'n iarr mi ort ach darna leth de na bheir mi a mach; ach gu 'm bi so anns a' chùmhnannt, gu 'm bi an treas trian de m' thoil fhéin agam." Dh' fhasdaidh an gobhainn e.

Aig an àm sin chuir O' Neil mach fios na 'm faigheadh e fear a chuireadh falt air, chionn cha robh falt idir air O' Neil na air O' Domhnull a bhràthair, gu 'n toireadh e dhoibh a' cheathramh chuid d' a mhaoin; 's thuit an gille ris a' ghobhainn, "'S fhearr dhuinne falbh 's bargan a dheanamh ri O' Neil gu 'n cuir sinn falt air;" 's rinn iad mar sin. "Abair thusa ris," thuit an gille ris a' ghobhainn, "gu bheil gille agadsa a chuireas falt air, air son a' cheathramh chuid d' a mhaoin."

Bha O' Neil deònach air a shon so, agus dh' iarr an gille seòmar fhaotainn dhoibh fhéin, 's dh' iarr e coire a chur air, 's teine math ris. Rinneadh mar a dh' iarr e, 's chaidh O' Neil a thoirt stigh, 's chuir e 'n a shineadh air bòrd e, 's rug e air an tuaidh 's thilg e dheth an ceann, 's chuir e 'n comhair na goille anns a' choire e. An ceann tacain rug e air gramaiche mòr a bh' aige 's thog e suas an ceann leis, 's bha toiseach fuilt a' tighinn air. Ann an ceann treis thog e suas a rithist e leis a' ghramaiche cheudna, agus an uair so ruigeadh car m' a dhòrn de 'n fhalt bhriadha bhuidhe. Thug e sin an togail ud air, 's bhuail e air a' choluinn e. Ghlaodh sin O' Neil greasad air 's a leigeil air a chois, 'n uair a chunnaic e 'm falt briadha buidhe a' tighinn 'n a shùilean. Rinn e riu mar a gheall e; fhuair iad a cheathramh chuid d' a mhaoin.

'N uair bha iad so 'dol dachaidh 's an spréidh aca, thuit an gille ris a' ghobhainn, "Tha mi nis 'dol a dhealachadh ribh, 's nì sinn dà leth air an spréidh." Cha robh an gobhainn toileach air so a thoirt dha, ach bho 'n a bha e 'n a chùmhnannt fhuair e 'n darna leth. Dhealaich iad so, agus am beothach nach cailleadh an gobhainn an dràs' shiubhladh e rithist, 's cha robh fhios aige c' àite an robh e a' dol, 's mu 'n d' ràinig e 'n tigh cha robh aige ach seann mhart nach do chaill e de 'n spréidh.

N uair a chunnaic O' Domhnull am falt a bh' air a bhràthair, chuir e mach fios gu 'n toireadh e 'n treas cuid d' a mhaoin seachad do aon 's am bith a chuireadh air fhéin e. Smaointich an gobhainn gu 'm feuchadh e-fhéin g' a dheanamh an dràsda gun duine ach e-fhéin. Chaidh e far an robh O'Domhnull 's thuirt e ris gu 'n cuireadh e air-san e mar an ceudna, 's gur e a chuir air a bhràthair, O'Neil, e, 's dh' iarr e 'n coire 'chur air 's teine math ris. Thug e O' Domhnull stigh do sheòmar 's cheangail e air bòrd e, 's rug e air an tuaidh, 's thug e dheth an ceann 's thilg e 'an comhair na goille e anns a' choire. 'An ceann treis rug e air a' ghramaiche dh' fheuchainn an robh falt a' cinntinn, ach 'an àite falt a bhi 'cinntinn 's ann a bha na giallan 'tuiteam as. Bha an gobhainn 'an impis dol as a chiall, gun fhios aige 'dé dheanadh e, 'n uair a chualaig e guth air a chùlthaobh ag ràdhainn ris, "Tha thu ann ad éiginn." Bha so gille na sgoil-duibhe, a bh' aige fhéin roimhe, air tilleadh. Shéid e ris a' choire na bu teodha, 's thug e sin nuas leis an gramaiche a shealltainn ciamar a bha an ceann a' deanamh, 's bha am falt a' cinntinn. An ath-uair a dh' fheuch e e, ruigeadh car mu 'dhòrn dheth. "Bho 'n a bha e co fada gun chinntinn," ars' esan, "cuiridh sinn car a bharrachd mu 'm dhòrn;" 's 'n uair a dh' fheuch e rithist e, ruigeadh e 'n dà char. Thog e as a' choire e, 's bhual e air a' choluinn e; 's ghlaodh e 'ghrad-fhuasgladh, 's e 'faicinn 'fhalt buidhe sìos air a ghualainn. Chòrd am falt ris fìor mhaith, bha barrachd fuilte air 's a bh' air O' Neil a bhràthair. Fhuair iadsan 'cheart ni a chaidh ghealltainn doibh, 's bha iad 'dol dachaidh air an rathad. Thuirt gille na sgoil-duibhe: "Nach fheàrr dhuinn ar treud a roinn?" "Cha roinn, cha roinn," ars' an gobhainn, "tog leat iad, bho 'n a fhuair mise saor." "Ma tà," ars' esan, "na 'n dubhairt thu sin roimhe cha deachaidh thu dhachaidh falamh no air aon mhart; agus leis a sin," ars' esan, "bheir thu leat h-uile h-aon diùbh, cha ghabh mise gin diùbh."

Chaidh an gobhainn dachaidh leis an spréidh sin, 's cha do ruig e leas buille a bhualadh 'an ceàrdaich tuille, ni mò a thachair e-fhéin air fear na sgoil-duibhe tuille.

СКАЗКИ О ЗВЕРЯХ.

ВОЛК И ЛИСА.

Эта история, как и многие другие, в которых персонажами выступают низшие животные, очень популярна в Горных горах, и мистер Кэмпбелл с острова Айла, о котором идет речь, не мог не увлечься ею. Но опубликованная им версия лишена нескольких интересных происшествий, составляющих часть истории. Повествование всегда зависит от знаний и мастерства того, кто его рассказывает, и это издание приводится потому, что в нем можно найти такие интересные и забавные случаи, которых нет ни в одной другой версии, как клятва Лиса и стояние перед огнем. Гэльский язык не приводится, за исключением самых необходимых выражений, а приводить большее количество не представляется целесообразным, поскольку их беглость и количество зависят от знаний и такта чтеца. В этих баснях низшие животные предстают с теми же характеристиками, которые всегда им приписываются, и в этой сказке лиса предстает не только хитрой и изворотливой, но и самым беспринципным негодяем, равнодушным к интересам других, а также к тому, что обычно имеет значение для людей, - к сдерживанию невидимой силы.

Лиса и волк жили вместе недалеко от берега и, как и следовало ожидать, были очень бедны и временами испытывали трудности с едой. Поначалу лиса держалась молодцом и не была такой прожорливой, как волк. После сильного шторма в зимнее время они пошли вдоль

берега посмотреть, что выбросило море. Этим до сих пор занимаются бедные люди на островах и в тех местах, где не растет дерево. Им часто везет, и они находят бревна и доски. Во время путешествия волка и лисы им посчастливилось найти бочонок с маслом. Вероятно, он прибыл из Ирландии и был выброшен за борт во время шторма. Бедняги были ему особенно рады, и плутоватая лиса сразу же захотела заполучить его себе. Он сказал волку, что, поскольку сейчас зима, он им не так уж и нужен, но когда наступит голодное лето (*samhradh gortach*), он будет вдвойне желанным; лучше закопать его, и никто не узнает о его существовании, кроме них самих. Они вырыли глубокую яму, закопали бочонок с маслом и отправились домой с остальными припасами. Через несколько дней после этого пришел лис и, устало опустившись на сиденье, которое было частью мебели, глубоко вздохнул и сказал: "Увы! Увы! Горе мне (*Och! Och! fhéin thall*)".

"Увы! Увы!" - сказал сочувствующий волк, - "что тебя беспокоит?"

"Дорогой мой, - сказала лиса, - меня хотят пригласить на крестины (*Och! Och! tha iad 'gam iarraidh mach gu goisteachd*)", - все еще изображая усталое безразличие, и здесь заметно гэльское выражение, поскольку пригласить на крестины означает буквально попросить быть крестным отцом или сплетником на крестинах, что практикуется в Горных горах, даже там, где исчезли римско-католическая и епископальная системы.

"Увы! Увы!" - сказал волк, - "ты идешь?".

"Увы! Увы!" - ответила лиса, - "Иду". Когда он вернулся домой, волк спросил, какое имя они дали ребенку. "Довольно странное имя", - ответил лис, - "*Блейзэм*" (дай мне попробовать).

Через несколько дней после этого снова был проделан тот же маневр, и когда лис вернулся и волк спросил его, как зовут ребенка, тот ответил, что это такое же странное имя, как и предыдущее: "*Bi 'na mheadhon*" (будь в середине). В третий раз проделали этот маневр и сказали, что имя ребенка самое странное из всех: "*Sgrìob an clàr*" (скреби посох).

Наконец наступило "голодное лето"; оно было таким, как известно даже в восточных странах, когда запасы предыдущего урожая исчерпаны, а запасы урожая года еще не готовы. Лиса и волк отправились за бочонком с маслом, но оно исчезло. Лиса, будучи готовой к такому повороту событий, сразу же начала обвинять волка в том, что он его взял: "Никто не знал, что оно там было, кроме нас двоих, и я вижу его цвет на твоей шерсти".

Они ушли домой, волк был очень подавлен, а лиса продолжала обвинять волка в том, что он ее украл. Волк торжественно заявил, что никогда к нему не прикасался.

"Так ты поклянешься?" - сказала лиса.

Согласно хайлендской пословице, протесты могут быть громкими, пока не станут торжественной клятвой (*'S mòr facal gu lùghadh*). Тогда волк поднял лапу и с великой торжественностью произнес такую клятву: "Если окажется, что я украл масло, а это так, и это так, пусть болезнь ляжет тяжелым грузом на мое серое брюхо в пыли, в пыли" (*Ma 's mise ghoid an t-ìm, 's gur mi, 's gur mi, Galar trom-ghlas air mo bhronnghlas anns an ùir, anns an ùir*).

"Поклянись теперь сам", но лис был так поражен достоинством и благоговением клятвы, что пытался всеми доступными ему средствами уклониться от столь торжественного испытания; Но волк не хотел отказываться, и наконец лиса произнесла эту клятву: "Если это я украла масло, и это так, и это так, Whirm, Wheeckam, Whirram, Whycam Whirrim Whew, Whirrim Whew,

Whirrim Whew" (*Ma's mise 'ghoid an t-im 's gur a mi, 's gur a mi, ciream, ciceam ciream cuaigean, ciream ciu, ciream ciu*). Изучающий язык заметит, как гэльское С соответствует английскому Wh. Здесь это особенно заметно, так как разница делает клятву в переводе такой же нелепой, как и в оригинале, если не более. Волк ничего не сказал, но лиса с настойчивостью, которая часто сопутствует злодеяниям, предложила им обоим встать перед огнем, и тот, кто первым начнет потеть, будет виновником, так как через него будет сочиться масло. Волк, не думая ни о чем плохом, согласился, а лиса решила, что заставит его встать ближе к огню, чем она сама. Однако получилось так, что лис, который поддерживал себя в хорошем состоянии постоянными посещениями бочонка с маслом (а они, должно быть, были более частыми, чем крещения, к которым, по его словам, его призывали), стал неуютно согреваться и сказал: "Мы достаточно долго занимаемся этим делом, лучше выйдем и прогуляемся". Выйдя таким образом охладиться, они прошли мимо двери кузницы, у которой стояла старая белая лошадь, упиравшись острием заднего башмака в землю. Волк подошел к ней, но на безопасное расстояние, и, пристально глядя на дверь, сказал лисе: "Я хотел бы, чтобы, поскольку зрение у тебя лучше моего и ты умеешь читать лучше меня, ты подошла и прочитала имя, написанное на ботинке лошади".

Лиса подошла, но не увидела на ботинке никакой надписи, но, польщенная словами волка и не желая признаваться, что зрение ее подводит, она подошла ближе, и лошадь, подняв ногу, вышибла ей мозги.

"Вижу, - сказал волк, - величайшие ученые не всегда бывают мудрейшими клерками" (*Cha 'n i an ro-sgoilearachd a 's fhearr.* - Lit. - Чрезмерная ученость не всегда бывает лучшей).

ЛИСА И ВОЛК.

ЛИСА И ПТИЦА.

В предыдущем рассказе лис предстает в своем образе беспринципного, хваткого, хитрого негодяя, а в следующем - в образе птицы, которую он перехитрил. Учитывая характер лиса, можно порадоваться, когда ему отплачивают его же монетой. Птицу в этой сказке некоторые называют ястребом-пустельгой, а другие - куриным лунем. Эта история была услышана в Тири, где нет деревьев, на которых могла бы сидеть птица, и нет ястребов или лисиц, чтобы сделать историю применимой. Урок, который подразумевает эта басня, полезен везде.

Дирган-алт, Ын Фионн, сидел на берегу реки, и тут прилетела лисица, поймала его и собиралась сожрать. "Не надо, не надо, - сказала птица, - я снесу яйцо размером с твою голову".

Он протестовал так громко и торжественно, что лиса ослабила хватку, и птица наконец взлетела на дерево. Здесь, сидя на ветке и находясь в безопасности от дальнейших травм, она сказала лисе: "Я не снесу яйцо размером с твою голову, потому что не могу этого сделать, но я дам тебе три совета, и если ты будешь их соблюдать, то они принесут тебе больше пользы в будущем. Во-первых, "никогда не верьте неправдоподобным историям от ненадежных авторитетов (*Na creid naigheachd mi-choltach fo urrainn mi-dhealbhach*). Во-вторых, никогда не суетись по пустякам (*Na dean dearmail mhòr mu rud beag*), и, в-третьих, - тут птица, похоже, затаилась, и лис, возбудив свое любопытство, прислушался, "За что бы ты ни ухватилась, держись за это крепко" (*Rud air an dean thu greim, dean greim gu ro-mhath air*), - сказав это, птица улетела, а лиса, аккуратно проданная, осталась оплакивать ее.

ПЕН.

В баснях, посвященных животным, лиса охотно занимает лидирующую позицию и характеризуется как беспринципный и бессовестный плут. Рядом с ним крапивник - самая маленькая (или, по крайней мере, названная таковой) из британских птиц, получившая название не только из-за своего маленького роста, но и из-за того, что она передовая и наглая. Первая или самая известная из этих басен - та, в которой крапивник предстает как соперник орла за первенство среди птиц, и можно сказать, что эта история так же широко распространена в Горных горах, как и сами птицы. В ходе состязания, какая птица взлетит выше, крапивник запрыгнул на спину орла. Когда орел взлетел так высоко, как только мог, он сказал: "Где ты теперь, коричневый крапивник?" (*C' àite bheil thu, dhreathan donn?*). Крапивник подпрыгнул еще выше и ответил: "Далеко, далеко, выше тебя" (*Fada fada fos do chionn*). В результате этого необычного подвига у крапивника оказалось двенадцать яиц, а у орла - всего два.

Естествоиспытатели утверждают, что количество яиц крапивника в одном гнезде редко превышает восемь, но другие говорят, что самое большое количество - двенадцать или даже четырнадцать. В этих рассказах, собранных в Западном нагорье, число яиц единодушно считается равным двенадцати, но так ли это на самом деле или это просто предположение, здесь выяснять не стоит.

Крапивник и его двенадцать сыновей молотили кукурузу в амбаре, когда туда вошла лиса и потребовала одного из работников в качестве приза. Было решено, что раз уж он должен

получить кого-то одного, то это должен быть старый крапивник, если он сам сможет указать его среди остальных. Тринадцать крапивников были так похожи друг на друга, что лис был в недоумении. Наконец он сказал: "Легко отличить удар самого старого героя" (*'S fhuasda buille an t-sean laoiach aithneachadh*). Услышав это, старый крапивник набрал веселее воздуха и сказал: "Был день, когда так было" (*Bha latha dha sin*). После этого у лисы не возникло никаких трудностей, поскольку хвастовство всегда не приносит пользы (*bha tubaist air a' bhòsd riamh*), и он без всяких споров забрал свою жертву.

В другой раз крапивник и его двенадцать сыновей отправились на торфяной мох и наткнулись на растение, отличавшееся большой добродетелью и высоким почитанием. Старый крапивник ухватил растение за уши и стал дергать его то в одну, то в другую сторону, крепко привязывая и вытягивая, словно торфяной ломтик; лицо его было белым, щеки красными, но ему не удалось вырвать растение с голой поверхности земли: растение добродетелей и благословений - (*Bha e 'ga dhudadh null 's 'ga dhudadh nall, 'ga chruaidh-cheangal 's 'ga bhuain-mòine; bu gheal a shnuadh 's bu dhearg a ghruaidh, 's cha tugadh e Meacain o chraicionn loma na talmhain; Meacan nam buadh 's nam beannachd*).

Крапивник позвал на помощь одного из своих сыновей, сказав: "Вот один из моих сыновей, помогите мне" (*An so aon eallach mo mhac nall*), и они поймали растение тем же способом, дергая его то в одну, то в другую сторону, крепко связывая и нарезая им торф; белы были их лица и красны их щеки, но они не могли при всем своем рвении и при всей своей силе вытащить растение с голой поверхности земли: растение добродетелей и благословений (*'S bha iad 'ga dhudadh null 's 'ga dhudadh nall, 'ga chruaidh-cheangal 's 'ga bhuain-mòine; bu gheal an snuadh 's bu dearg an gruaidh ach le 'n uile dhichioll 's le 'n cruaidh-neart cha tugadh iad am Meacan o chraicionn loma na talmhain: Meacan nam buadh 's nam beannachd*).

"Сюда с двумя моими сыновьями, чтобы они помогли мне" (*An so dà eallach mo mhac nall*), и та же операция снова была проделана безуспешно, и так же один за другим, пока все двенадцать сыновей не пришли на помощь старому крапивнику. Тогда они схватили его совсем, и под сильным напряжением растение наконец сдалось, а все крапивники упали задом наперед в торфяной пруд и утонули.

Старик, от которого слышали эту историю, сказал, что в зимнее время, когда он вяжет соломенные веревки для крыши, он может позвать всех мальчишек деревни, чтобы они помогли ему и составили компанию, что они и сделали с радостью, поняв, что в конце будет проиллюстрирована история "Крапивник и его двенадцать сыновей". Один за другим мальчики садились на пол позади него, и он, ухватившись за соломенную веревку, легко выдерживал напряжение, пока не решал отпустить ее, тогда все мальчики падали назад, и смех, раздававшийся при этом, был достаточным вознаграждением за их труд.

Славу крапивника за его бесцеремонность и дерзость также иллюстрирует история, бытующая на юге Шотландии, о том, как Робин Рыжая Змея заболел, а крапивник навестил его и выразил большое соболезнование, когда, составив завещание, Робин отпустил ее, сказав: "Убирайся к дверям моей комнаты, ты, милая королева". На гэльском языке крапивник также известен под именами *Дретлан (Dreòllan)* и *Дретан-донн (Dreathan-donn)*, и это имя в применении к людям означает слабого, слабоумного, пустякового человека, за что бы он ни брался.

Всем остальным птицам приписывается своя доля действий, и то, как некоторые из них хвастаются своими птенцами, очень забавно - особенно в гэльском языке, где

приписываемые им клички более доступны для подражания, и особенно в свете того, как смотрят на птенцов тех, кто хвастается.

"Ликуй, ликуй, - говорит чайка, - мой птенец - высшая красота".

"Простите, простите, - сказала ворона в капюшоне, - но мой сын - маленький голубой птенчик".

"Кряк, кряк", - сказал Ворон, - "это мой сын умеет выбирать ягнят".

"Щелк, щелк, - сказал Орел, - это мой сын - властелин над вами".

("Glitheag, glitheag", ors an Fhaoilean, "se mo mhac-sa an Daogheal Donn".

"Гуппа, гуппа," thuir an Fheannag, "'se mo mhac-sa an Garrach Gorm."

"Гног, гног", - говорит Фитхич, - "се мо мхак-са 'хриомас на х-уаин".

"Glig, glig," thuir an Iolaire, "'s e mo mhac-sa 's tighearna oirbh.").

В Горных горах молодую чайку называют *Sgliùrach*, что является обычным названием распутной молодой женщины. Ее можно увидеть в разгар шторма, когда она прилетает в ложбины и спокойно скользит к самым вершинам волн.

Любовь ворона в капюшоне к собственному потомству переросла в пословицу: "Ворон в капюшоне считает свое дерзкое синее потомство красивым" (*"S bòidheach leis an fheannaig a garrach gorm fhein"*).

Про ворона обычно говорят, что он так любит глаза своих жертв, что не дает их даже собственным птенцам. Его сверхъестественное знание того, где можно найти падаль, почти равносильно инстинкту, и входит в число пороков (*Dubhailcean*), приписываемых барду.

Орел может летать только с возвышенности, так как ему трудно подхватить ветер под крылья, и в этом отношении он составляет большой контраст с маленьким крапивником.

Из других сказок, в которых фигурируют низшие животные, можно отметить три следующие.

I.-Два оленя. Молодой, уверенный в своей скорости и силе, заметил: - "Гладкая и желтая моя шкура.

"Гладкая и желтая у меня шкура,

И ни один зверь не ступал

на склоне холма, который мог бы меня поймать".

Старый олень, знавший лучше, ответил,

"Молодой пес черномордый

И желтый: первый пес

Из первого помета. Родилась в марте,

И вскормлена паюсной мукой и козьим молоком,

Никогда не ступала нога на склон холма.

Зверя, которого он не мог поймать".

(Sleamhuinn 's buidhe mo bhian,

'S cha do chuir e eang air sliabh

Beathach riamh 'bheireadh orm."

"An cuilean bus-dubh buidhe,

Ceud chù na saighe

Rugadh anns a' Mhàrt

'S a bheathaichte air gairbhean

'S air bainne ghabhair

Cha do chuir e eang air sliabh

Beathach riamh nach beireadh e air).

В связи с этим описанием оленьей гончей следует заметить, что слово *Màrt*, переведенное как март, обозначает любое напряженное время года: есть *màrt*, или напряженный сезон, как в период сбора урожая, так и весной, *Màrt Fogharaidh*, так и в *Màrt Earraich*, и что на островах еда, приготовленная из кверна (*Bràthuin*) и из коричневого овса, который является наиболее распространенным видом овса на этих островах, является более сильной и питательной пищей, чем обычная еда. Достоинства козьего молока хорошо известны. Это описание лучшего вида оленьих гончих поражает воображение и было записано от чтеца в Скае.

II.- Две лошади. Две лошади стояли бок о бок, запряженные и готовые приступить к пахоте, когда младшая, совсем недавно сломанная и незнакомая с полевыми работами, сказала: "Мы вспашем этот гребень, потом другой, а после него следующий, и как только начнем, сделаем все гребни в поле зрения, а когда начнем, то не задержимся, чтобы сделать все поле". Старый конь, имевший опыт работы, сказал: "Сначала мы вспашем саму эту борозду".

III.- Две собаки. Жил-был большой, гладкий, честный пес, а маленький визгливый курносый "низкорослый" постоянно досаждал ему и лаял на него. Однажды он поймал маленького керна и, сжав его, отправил на волю. Когда курица пришла в себя, она сказала: "Я не причиню тебе вреда и не трону тебя, но я подниму о тебе дурную молву (*droch-alla*)". Выполняя свою угрозу, карлик отправился среди своих знакомых, таких же, как он сам. В каждом городе можно найти множество собак.

"И беспородные щенки, и гончие.

И проклятья низкого рода".

И таким людям он рассказывал, как большой пес, при всей своей гладкой внешности и кажущейся доброте, на самом деле был жестоким, лживым псом и под всеми своими видимыми или кажущимися хорошими манерами готов был наброситься на тех, кто слабее его, независимо от того, давали они ему повод или нет, и если он мог сделать это незаметно,

то давал им плохую встряску. Он был опасным псом, за ним нужно было следить, и ни одна разумная собака не должна была вставать на его пути.

Эта клевета распространилась, нашла много верующих и наконец принесла свои естественные плоды. Большой честный пес обнаружил, что его компании избегают и все смотрят на него с подозрением.

Поначалу депрессия и уныние, преследовавшие его, исчезали под энергичным бегом и похлопыванием хозяина, но потом они настолько овладели им, что он стал избегать общества и, казалось, был безразличен к любой компании. Так бывает в жизненном опыте, и беспричинные и злые сообщения наиболее опасны по своим последствиям. Спустя некоторое время с этим керлом точно так же поступил другой керл, который, как и он сам, не отличался высокими принципами.

КОШКА И МЫШЬ.

Гэльский детский стишок.

Мышка сказала из своего укрытия,

"О чем ты, Серый Кот?"

"Дружба, общение и любовь:

Можешь выходить!"

"Ну, я знаю крючковатый коготь.

Который в подошве твоих лап.

Ты вчера убил мою сестру,

И с трудом я сам спасся,

Ты, вороватый кот, сын мрачного Серого,

Где ты был вчера, когда уходил из дома?"

"Я ушел по левую руку.

За фаршем в недобрый час;

Меня заметил хозяин дома,

Глаз мой был закрыт, а щека полна;

Он сильно сжал мне горло,

И попросил принести ему нож для сыра,

Он отрезал мне одно ухо.

И красный корень уха до кости".

Thuir an Luchag, 's i 's an fhròig,

"Dé th' air t' aire, a Chait Ghlais?"

"Càirdeas 's comunn 's gaol:

Feudaidh tusa tighinn a mach."

"Is eòlach mi air an dubhan chrom

'Tha 'n sàs ann am bonn do chas!

Mharbh thu mo phiuthar an dé,

'S ann air éiginn 'fhuair mi-fhéin as.

A chaoitein, mhic Ghrìmeich Ghlais,

C' àit an robh thu 'n raoir air chuairt?"

"Dh' fhalbh mi air mo làimh-chlì

'Shealg nan ìsbean 's an droch uair;

Mhothaich fear-an-tighe dhomh,

Mo shùil druidte 's mo phluic làn;

Theannaich e m' amhach gu cruaidh,

'S ghlaodh e nuas air corc a' chàis,

Thug e dhiom-sa an leth-chluas

'S am faillein ruadh gu ruig an cnàimh."

ПРИМЕЧАНИЯ:

Вышеприведенный стишок приводится здесь как более полная версия, чем та, которую можно найти в томе II. с. 389 (новое издание с. 404) "Популярных сказок Западного нагорья" покойного Дж. Ф. Кэмпбелла, с острова Айла.

ИГРЫ.

МАЛЬЧИШЕСКИЕ ИГРЫ.

В Шотландском нагорье, как и в любом другом месте, где есть дети, царили молодежные игры и забавы, и стоит обратить внимание на то, как эти развлечения были прекрасно рассчитаны на развитие и укрепление ума и мускульной силы молодых людей. Различные забавы с загадками, а также многочисленные формы игр в помещении или дома слишком многочисленны, чтобы их описывать, и во многих случаях не стоит на них останавливаться. Эти игры особенно развивают внимательность и быстроту речи, и в них так же часто играли за дверью, как и в помещении, в зависимости от погоды.

I.

Борцовские поединки.

Когда молодежь деревни собиралась на *séilidh*, или закрытый сбор, и решала провести борцовский матч, один из них назначался королем или церемониймейстером, и компания должна была во всем ему подчиняться. В следующем поединке в качестве "Гледа пустыни" (*Croman Fàsaich*) был назначен крепкий и ловкий парень. Когда он вошел, произошла следующая речь: обращаясь к королю, он сказал

Кроман.

"Leigeadh da, leigeadh da, Dia,"

Риг.

"Co as a thàinig thu, a Chromain Fhàsaich, no 'de an dràsda thug so thu?"

Кроман.

"Thàinig mi a m' fhonn 's a m' fhearann, 's a m' fhàsach fhéin."

Правильно.

"Dé chuir fearann 's fonn 's fàsach agadsa 's mise gun fhone gun fhearann gun fhàsach."?

Кроман.

"Mo chruas, 's mo luathas, 's mo làidreachd fhéin."

Правильно.

"Tha òganach geur donn agamsa a leagadh tu, 's a bhreabadh tu, 's a bheireadh sia deug dh' iallan do dhroma asad, agus iall g' ad cheangal; 's a mhi-mhodhaicheadh do bhean ann an clais na h-inne 's tu fhéin ceangailte."

Кроман.

"Cuir a mach so e ma ta".

Кайт, или Глед.

"Разреши, разреши, о Божество".

Король.

"Откуда ты пришел, Кайт пустыни, и что привело тебя сюда?"

Кайт.

"Я пришел из своей земли, почвы и пустыни".

Король.

"Откуда у тебя земля, почва и пустыня, если у меня нет ни земли, ни почвы, ни пустыни?"

Кайт.

"Моя собственная выносливость, быстрота и сила".

Король.

"У меня есть смысленный шатен, который может повалить тебя, и пнуть тебя, и вынуть шестнадцать веревок из твоей спины, и веревку, чтобы связать тебя, и который может бросить твою жену в сточную канаву, пока ты сам будешь связан".

Кайт.

"Тогда пошлите его сюда".

Затем начиналась борьба, и тот, кто оказывался победителем, становился "Пустынным Гледом" для следующей встречи, пока все не сбивались в кучу.

Иногда эти слова использовались в следующей форме:-.

Pur: "Дида-а-дидаха-димса, хромайн фхасаич, ко ас драсда а чойсич ту?"

Croman.- "Feuch 'bheil gìomanach donn agad a chumas rium."

Righg.- "Tha agamsa gìomanach donn a chumas riut 's a dheanadh loth pheallagach dhiot aig dorus an tighe, etc."

Король: "Дида-а-дидаха-диса, пустынный Глед, откуда ты пришел?"

Кайт: "Попробуй, нет ли у тебя кареглазого юноши, чтобы сравниться со мной".

Король: "У меня есть смуглый юноша, который померится с тобой силами и сделает из тебя матёрого жеребёнка у дверей дома и т. д."

Другой популярной игрой на этих праздниках была игра на выбывание, известная как "Парсонская кобыла заблудилась" (*Làir a' pharsonaich air chall*). У каждого мальчика и девочки в компании есть вымышленное имя, данное по случаю, например, "Хвост старой коровы" (*Earball Seana Mhairt*); "Петух на крыше дома" (*Coileach air Tigh*) и т. д. Король или надсмотрщик, начиная игру, произносит,

"У пастора пропала кобыла,

И очень жаль, что так случилось;

Попробуй, кто ее украл".

Làir a' pharsonaich air chall,

'S mòr an nàire dh' i bhi ann;

Feuch cò ghoid i.

Оглядывая круг, он останавливается на ком-то одном и упоминает его под вымышленным именем. Например, он останавливается на том, кому было дано имя "Старый коровий хвост", и тот, кого упомянули или обозначили, обязан немедленно ответить, сказав.

"Это ложь с твоей стороны"

('S breugach dhuit e)

на что отвечают,

"Кто же это?"

(Feuch cò eile e?).

Обвиняемый сразу же передает его, упоминая кого-нибудь другого, например "Петуха на крыше дома", и передается тот же вопрос и ответ: "Кто же это?" и т. д. Первый, не сумевший дать готовый ответ, должен подать неустойку, которую правитель держит в залоге до тех пор, пока все не будут взысканы; тогда кто-нибудь наклоняется и кладет голову на колено короля, когда неустойки держат у него на голове, и он должен назначить наказание, чтобы выкупить их. Он не видит, чья это неустойка, и назначаемое наказание иногда очень смехотворно и невозможно. Один, например, должен сидеть на огне, пока у него не закипит живот (*Suidhe air an teine gus am bi a ghoile air ghoil*); другой должен выйти на пригорок перед деревней и трижды прокричать,

"Вот тот, кто совершил злодеяние.

И кто будет делать его еще сегодня ночью".

('S mise an duine a rinn an t-olc

'S nì mi 'n nochd fhathast e).

Эта игра требует большой готовности и внимательности ума. Необходимо постоянно держать внимание в напряжении на случай, если будет названо собственное вымышленное имя, и быть готовым переложить обвинение на другого.

Игра "Прятки" практиковалась в Горных горах в разных формах. Вероятно, самая ранняя и простая - это игра маленьких детей вокруг матери, когда она занималась выпечкой хлеба. В старые времена было принято собирать муку или остатки теста, оставшиеся после выпечки овсяных лепешек, и должным образом превращать их в лепешку, называемую *Боннах Биг*, или "Маленькая лепешка", также известную как *Сиантачан а' Хлаир*, "Чары доски", которая, как предполагалось, имела таинственное значение для того, чтобы отвести от дома всякое желание. Этот маленький пирожок давали детям, а когда масло было готово или доступно, его густо намазывали и давали маленьким малькам, что было очень желанным и благодарным угощением. Иногда, когда масло было очень густо намазано, и, возможно, большим пальцем, как самой удобной и легкодоступной заменой ножа, хозяйка говорила: "Вот возьми это; это лучше, чем клад ткани" (*Gabh sin; 's fhearr e na mìr liath 'an clùd*). Отсюда и выражение, которое использовалось для обозначения того, что приготовления еще не закончены:

"Cha 'n 'eil am bonnach beag bruich fhathast".

(Маленький пирог еще не готов).

Нередко малыши прятали голову под фартук матери, думая, подобно страусу в пустыне, что если спрятать голову, то ничего из остального не будет видно. Когда дети играли в эту игру под открытым небом, то обычно прибегали к помощи двора, и тот, на ком закливались как на Слепом, пока остальные прятались, должен был трижды крикнуть,

"Опера-опера-бо-байдаг".

а на третий раз добавлял,

"Dalladh agus bodharadh agus dìth na dà chluais air an fhear nach cuala sud".

(Слепота, глухота и потеря обеих ушей - таков удел того, кто не услышит этого).

Слепой ухватился за одну из стопок и пошел по кругу, ведомый руками, время от времени давая пинка, если кто-то прятался под землей.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I.-ФИНЛЕЙ ГИВНАК.

(Страница 44).

Гибнич, или *Дуимнич*, были Кэмпбеллами. В одной из песен, восхваляющих этот клан, встречается,

"Bheir mi 'n sgrìobh so air na Guibhnichean

Air son cuimhneachadh o nuadh".

(Я сделаю эту строчку о клане Кэмпбелл,

чтобы напомнить им заново);

и в другой похожей песне,

"Sgrios a' chorrain air a' choinneil

Air na bheil beò do na Guibhnichean."

(Разрушение жатвенного крюка на зерне кукурузы.

На живую расу клана Кэмпбелл).

В "Сборнике Стюарта", стр. 320, находится,

"Dean mo ghearan gu cuimhneach

Ris na Duimhnichean ghlan uasal".

(Не забудьте изложить мою жалобу

перед благородными Кэмпбеллами с чистыми помыслами).

II.-PORT-NAN-LONG.

(Стр. 52).

Порт-Нан-Лонг, как говорят, получил свое название благодаря следующему обстоятельству: около 500 года нашей эры немногие жители Тири жили в поселке и окрестностях Сораби, где

была часовня и который находится на юго-восточной стороне острова, отделенный одноименным ручьем, текущим мимо могильника в залив, от поселка Балиноэ (*Бейл-Нодха*). Ранее остров был опустошен пиратами и угонщиками скота, и в это время прошел слух, что группа этих людей снова вернулась на острова, чтобы возобновить свои грабежи, поэтому на острове был установлен дозор, а фактор общины, который, похоже, был их единственным защитником и советчиком, ежедневно ходил смотреть в сторону моря на предмет появления врага, чтобы не застать врасплох маленькую и слабую группу, прежде чем они успеют скрыться или найти укрытие. Однажды он увидел корабли, идущие с юго-востока, и, войдя в море, послал весть своим соседям. Когда он снова посмотрел, корабли были уже ближе и представляли собой большую флотилию. Когда он взглянул в следующий раз, то увидел, что они уже совсем близко, у самой земли. Тогда он созвал вокруг себя людей и рассказал им, как он видит, что их враги, которые находятся рядом, слишком сильны, чтобы им можно было противостоять; Что поскольку он сам и те, кто с ним, были беззащитны и не могли спастись, их единственная надежда на избавление от страшной опасности заключалась в силе Всемогущего Бога, помощи которого он просил, и, стоя на коленях на земле с друзьями и соседями вокруг него, он сказал: "О Господь, поскольку вся сила в Твоей руке, помоги нам против этих врагов, которые идут на нас (чтобы уничтожить нас)"; (*A Thighearna, o 'n a's ann ad làimh a tha gach cumhachd, cuidich leinn o na naimhdean sin a tha 'tighinn oirnn!*). Он едва успел произнести последнее слово, как с юго-востока налетел сильный шторм, и корабли противника оказались на берегу, нагроможденные один на другой (*air muin a' chéile*). Шестнадцать из них были полностью уничтожены. Один человек даже не остался, чтобы рассказать об их судьбе; с тех пор это место называют *Порт-нан-лонг* (Ручей лодок).

III.- ПРЕДАНИЕ О МОРАРЕ.

Мак вик Айлейн из Морара (*Mòr-thìr*) летним утром шел со своими людьми на сноповязалку и увидел молодую женщину, которая шла за коровами, собрав свои панталоны, чтобы они не высохли, так как на земле была сильная роса (*a còtaichean truiste, le truimead an driùchd, g' an cumail tioram*). Он сказал: "Не правда ли, это была бы красивая девушка, если бы две ее ноги не были такими стройными (*mur biodh caoilead a dà choise*)". Она ответила ему: "Часто у коров со стройными ногами бывает большое вымя^[31] (*is minig a bha ùth mhòr aig bò chaol-chasach*)". Он попросил привести ее туда, где он был; она была его собственной дояркой. Она уехала в Ирландию и назвала своего сына Мердоком в честь его приемного отца (*ойде*), за которого впоследствии вышла замуж. Он был известен как Маленький Мердок Макрональд (*Murcha beag Mac Raonuill*). Когда он подрос, мать рассказывала ему о брате, живущем в Албане (*an Albainn*), который был сильным и могучим человеком, и парень, будучи хорошим борцом, решил, что хотел бы поехать к нему, попробовать с ним побороться (*car-gleachd*), чтобы выяснить, кто из них самый сильный, и ждал удобного случая, чтобы добраться до Албана. Поскольку в то время между Ирландией и Западным нагорьем было налажено частое сообщение, ему не пришлось долго ждать, пока он не увидел лодку, на которой его, скорее всего, возьмут. Он отправился в гавань и, подойдя к лодке, не зная, что она принадлежит его брату, спросил первого встречного, которым оказался сам *Мак вик Эйлейн*, не переправят ли его на пароме в Шотландию (*dh' iarr e 'n t-aiseag*). *Мак вик Эйлейн* ответил, что возьмет его с собой. Когда они отправились в путь, день стал бурным (*shéid an latha*), и никто из тех, кто отправился управлять кораблем, не был снят с руля,^[32] *Мак вик Эйлейн* был отброшен в сторону, как и остальные. Когда *Мурча Биг Мак Раонуилл* увидел, что самый сильный человек среди них не может стоять у руля, он попросил дать ему попробовать. "Ты бы получил это, - сказал *Мак вик Айлейн*, - если бы был похож на человека, способного сделать это, но когда

это не под силу нам (*'nuair a dh'fhairtlich i oirnn fhéin*), не стоит и пытаться". "Во всяком случае, - сказал он, - я попробую": и это не заставило его изменить свою позицию (*cha do chuir i thar a bhuinn e*), пока они не достигли суши. Поскольку он был лучшим моряком, Мак-вик Айлейн не хотел с ним расставаться. Он отвел его в свой дом и принял как гостя. Они разговорились и стали рассказывать друг другу новости (*chaidh iad gu seanachas agus gu naigheachdan*), пока маленький Мердок не сказал ему, что он его брат и что именно с этой целью (*a dh'aon obair*) он приехал из Ирландии и что он не вернется, пока они не попробуют побороться, поскольку Мак-вик Айлейн славился своей доблестью, и он хочет узнать, какой силой он обладает, прежде чем уехать. Герои встали и начали бороться, но через короткое время Мак-вик Айлейн был повержен (*Dh'éirich na suinn, ach ann an tiota bha Mac 'ic Ailein 's a dhruim ri talamh*). "Я рад, что взял на себя труд приехать из Ирландии (*toilichte as mo shaothair*)", - сказал Мердок. На следующий день за ужином на столе была говядина, и маленький Мердок сказал: "Давайте попробуем, кто из нас сможет переломить кость голени^[33] (*a' chama-dhubh*) закрытой рукой". "Я готов", - сказал Мак-вик Айлейн. "Ну, тогда попробуй", - сказал Мердок. Мак-вик Айлейн старался изо всех сил, но она бросила ему вызов (*dh'fhairtlich i air*). Мердок сломал его с первого удара. Тогда Мак-вик Айлейн сказал: "Ты больше не вернешься в Ирландию; ты останешься со мной, и мы разделим поместье между нами". Мердок ответил: "Мне и так неплохо живется (*glé mhath dheth mar thà*), у моей матери и отчима достаточно средств (*gu leòir de 'n t-saoghal*), и я не останусь вдали от них, даже если вы отдадите мне все поместье", и, пожелав Мак-вику Айлейну благополучия и процветания, он попрощался с ним и вернулся в Ирландию, и после этого между ними поддерживалась дружеская связь на протяжении всей их жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[31] В самой древней из известных версий "Изгнания сына Уснеха" (сохранилась в XII веке, в Книге Лейнстера), когда Нойзи впервые видит Дейдрре, он восклицает: "Мимо меня проходит прекрасная телка". Она отвечает: "Где быки, там должны быть и прекрасные телки". Это один из отрывков, на которые опирается профессор Циммер в поддержку своего утверждения, что древнеирландская литература настолько чрезвычайно "натуралистична" в своем отношении к сексуальным вопросам, что мы должны предположить, что арийские кельты были загрязнены грубым и более архаичным населением. Признаюсь, я не вижу ни в предыдущем, ни в настоящем отрывке ничего, кроме простоты расы, жившей 2000 лет назад, как она частично живет и сейчас, очень близко к природе и привыкшей откровенно говорить о естественных вещах. Вся эта традиция - просто вписывание в местные рамки инцидентов, которые являются общими местами в народных сказках. N.

IV.- ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ ДЖ. Ф. КЭМПБЕЛЛОМ ИЗ ОСТРОВА И ДЖ. Г. КЭМПБЕЛЛОМ.

Среди сокровищ, касающихся фольклора, которые мне удалось собрать, есть несколько писем покойного Дж. Ф. Кэмпбелла с острова Айлей к преподобному Дж. Г. Кэмпбеллу, покойному министру Тири. Они касаются различных вопросов и традиций.

В частности, обсуждается слово *sàil* в сравнении с *siol Dhiarmaid*. Я привожу письма в том виде, в каком они написаны.

А. КЭМПБЕЛЛ.

SÀIL ИЛИ SÌOL DHIARMAID.

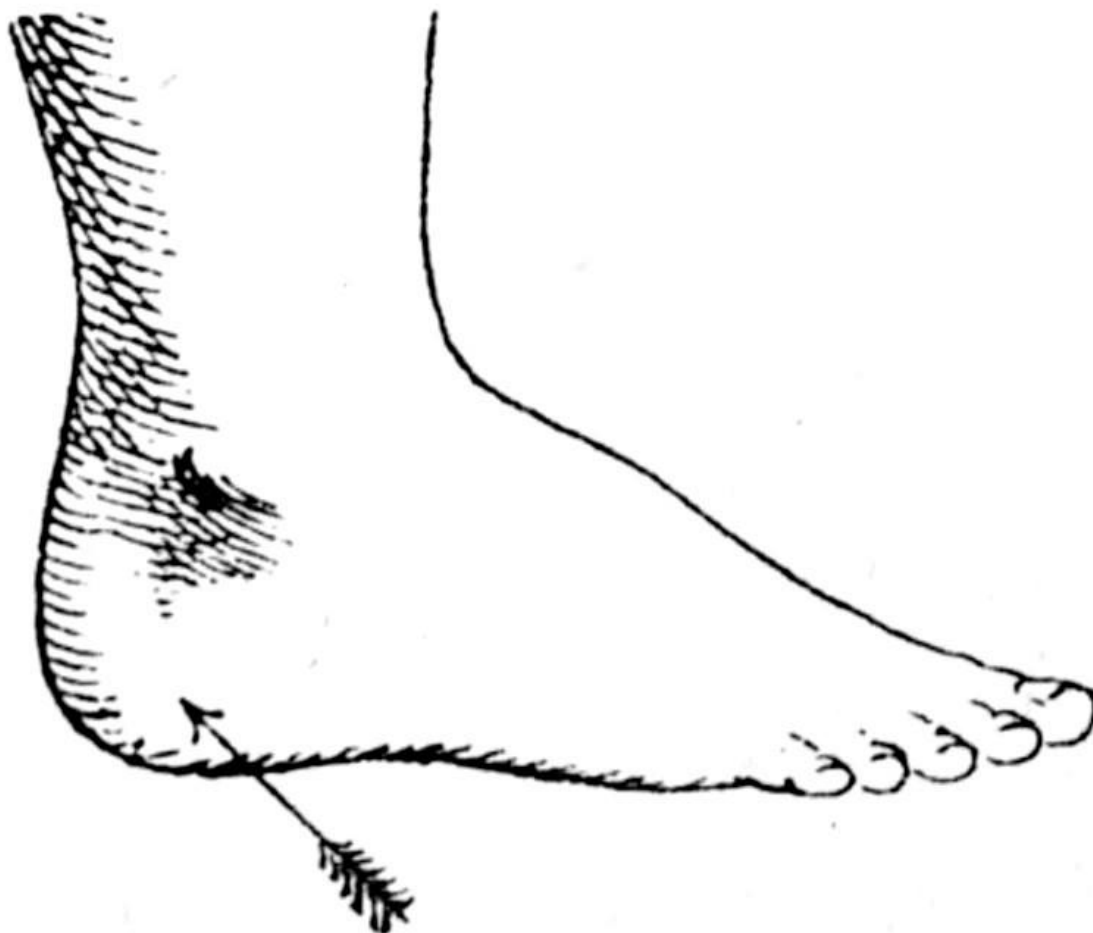
Покойный Кэмпбелл с острова Айла покойному Дж. Г. Кэмпбеллу.

Клуб путешественников,

27 февраля 1871 года.

Мой дорогой сэр,

Я достану названные Вами книги и скоро вышлю их. Что касается *sàil*, то однажды один актер развлекал публику тем, что засовывал голову под плащ и визжал, как поросенок. Один земляк поднялся и сказал, что на следующий день он будет визжать лучше. Так был составлен и опробован поединок. Зрители аплодировали актеру и шипели на земляка. Но тот достал из-под плаща свинью. Я знаю, что имел в виду человек, подписавшийся *Sàil Dhiarmaid*. Человек, не говоривший ни на каком другом языке, указал на то место на ноге, которое он обозначал словом *Sàil*, и я усвоил этот урок, а любой, кто попытается, может таким же образом узнать много нового о гэльском языке.

Если человек начинает с убеждения, что знания для него - как капля в океане, он справится.

У меня есть Макникол, и я знаю его замечание о ноге Оссиана.

У меня есть единственный экземпляр, который когда-либо был написан, насколько я знаю, и я буду рад получить еще. Но мы все должны брать то, что можем получить. Что касается

установления короля, страны и даты, то это совершенно безнадежно. У меня есть около 16 версий одной истории на гэльском, и ни одна из них не имеет одинакового имени. Полагаю, что на других языках известно около шестидесяти версий, и ни одна из них не похожа на другую. Самая древняя из известных мне версий разбросана в изречениях и отдельных строках по Ригведе Санхита, которая представляет собой сборник гимнов на санскрите, и является самой древней из всех известных. Георгий и дракон - одна из форм этой истории. Персей и Андромеда - другая. На гэльском языке это, как правило, *Mac an Iasgair*, или *Iain Mac somebody*, или *Fionn Mac a' Bhradain*, что-то связанное с русалкой или драконом, пасущими коров и убивающими великанов. Истории, на которые я ссылался, были рассказаны мне Джоном Ардфенейгом как факты (фактория герцога Аргайлла в Росс оф Малл). Один человек построил лодку. Другой, чтобы насолить ему, сказал, что в этой лодке умер человек, и никто не стал выходить в море на ней, и в конце концов лодка была продана строителем неверующему в призраки и сны человеку. Другая - о том, как в Тири защищают репу. Если вы знаете все это, вы уже далеко продвинулись, но если нет - вам предстоит многому научиться в Тири.

В любом случае желаю вам успеха,

Искренне ваш,

Л. Ф. КЭМПБЕЛЛ.

Ниддри Лодж, Кенсингтон,

28 марта 1871 года.

Мой дорогой сэр,

Я был слишком занят праздниками и работой, чтобы иметь возможность достать книгу, которую я обещал разыскать для Вас. Я получил ваше письмо от 20-го числа, вчера, и я очень обязан вашему обещанию поручить кому-нибудь написать для меня. Если он будет писать под диктовку, не будете ли вы любезны *попросить его следовать произнесенным словам*, не считаясь с собственным мнением или с тем, какими они должны быть. Я говорю по-английски, но когда я начинаю читать Чосера, то встречаю непривычные для меня слова. Так же происходит, когда люди, говорящие на гэльском языке, начинают писать старые истории. Наш спор - это иллюстрация. Вы говорите по-гэльски и считаете, что *Sàil* означает пятку и ничего больше. Вы сказали мне, что *Sàil Dhiarmaid* должно быть *Sìol*.

Теперь я говорю по-гэльски, но я исповедую науку, а не преподавание. Я знаю, что человек, подписавший *Sàil Dhiarmaid*, который был напечатан *Sàil*, не имел в виду *Sìol*. У меня есть следующая цитата.

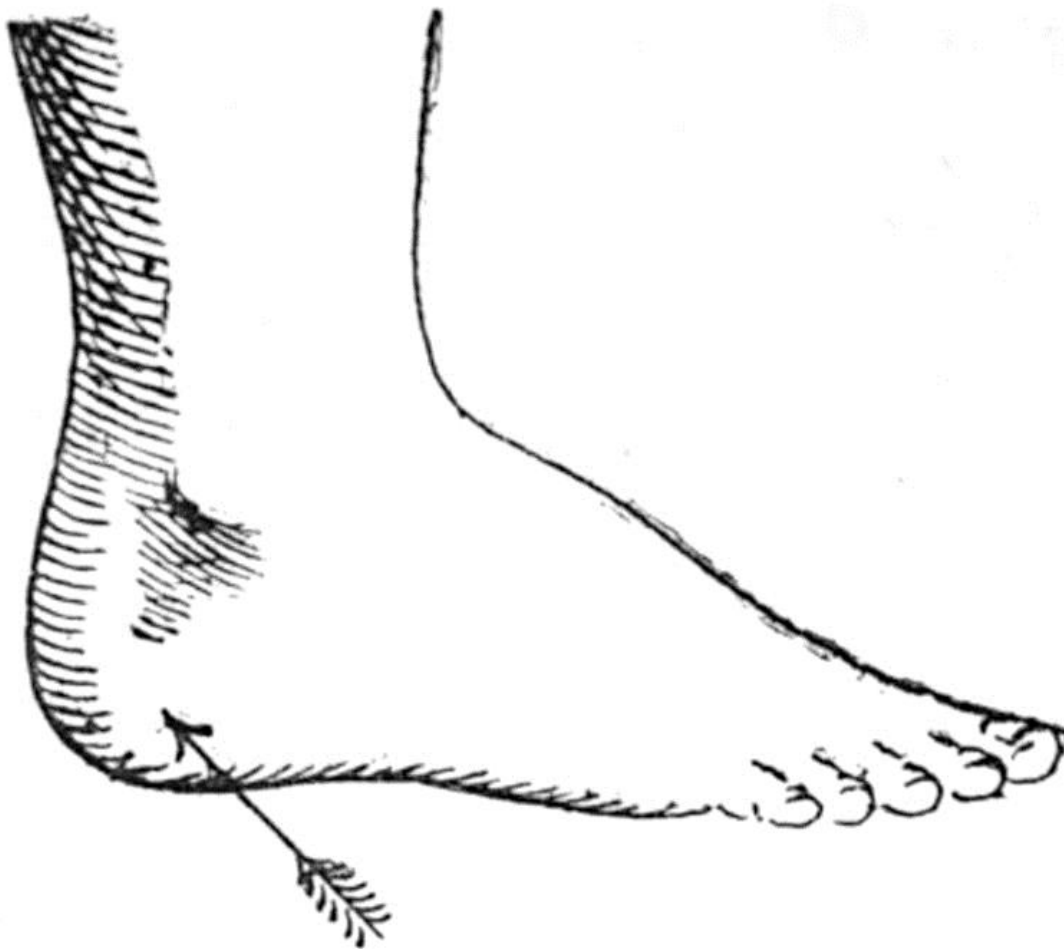
"Eisdibh beag ma 's àill leibh laoidh

Chaidh am bior nimh' bu mhòr cràdh

An Sàil an laoich nach tlàth 's an trod-

'S e ri sior chall na fala

Le lot a' bhior air a bhonn".

В этой старой песне, которую поют на внешних островах, они означают место, на которое старик Малл указал как на [sàil](#)[34].

Если вы настроены скептически, я придерживаюсь своего народного вероисповедания. Но вера это или не вера, я хочу получить традицию в том виде, в каком она существует, и не дам и табака за "приготовленную" традицию.

Вторник, 10 октября 1871 года.

Конан-Хаус, Дингуолл.

Мой дорогой сэр,

Вчера в Портри я обещал прислать вам свою версию песни фей и попросил вас вернуть свою. Вы должны помнить, что я никогда не пытался писать ее с гэльского и что до прошлого месяца я никогда не пытался писать ее под быструю диктовку. Исправьте мою орфографию, но помните, что я воспринимал звуки на слух, поэтому сохраните все, что сможете, не обращаясь к словарным словам. Не будьте строги к кланмену, который старается изо всех сил.

Поверьте мне,

Искренне ваш,

Л. Ф. КЭМПБЕЛЛ.

От Джона Камерона, мужчины около 60 лет, который живет в южной части Барры, примерно в трех милях от Каслбея. Он умеет петь и декламировать: 1.-Дева (автор Дж. Ф. К.); 2.-Смерть Диармайда; 3.-Смерть Осгара; 4.-Битва при Манусе (автор Дж. Ф. К.); 5.-История о смерти Гарри; 6.-Черный пес; 7.-История о Дитто. 8.- Кузница и рассказ о ней; 9.- *Муиреартах*; 10.- Дан-ан-Дейрг; 11.- Песня фей (в изложении Дж. Ф. К.); 12.- Как был убит Койрал; 13.- Вопросы Фионна; 14.- Небольшой рассказ; и множество других песен, сказок и рассказов, которые он напишет, если я того пожелаю. Это один из дюжины мужчин, которых я встречал в последнее время, умеющих петь и декламировать оссиановские баллады, причем некоторых из них нет ни в одной известной мне книге или старинной рукописи. У меня есть еще одна версия этой песни, написанная около десяти лет назад - кажется, Маклином[35]. См. том IV. Popular Tales, Lists somewhere. Сейчас она находится в Лондоне.

Песня феи.

Мелодия очень дикая и похожа на пиброх. Я не смог выучить ее в свое время.

Вот история, рассказанная на гэльском языке.

Было время, когда перед крещением детей забирали феи. Родился ребенок, и он лежал на коленях у женщины. Фея пришла в *Бун-глун* и сказала повитухе: "*S trom do leanabh*". "*S trom gach torrach*", - ответила та. "*S aotrom do leanabh*", - сказала фея. "*S aotrom gach soghalach*", - сказала повитуха, "*S glas do leanabh*", - сказала фея. "*S glas am fiar 's fàsaidh e*", - сказала другая; и так день за днем она приходила со словами и пением стихов, чтобы попытаться "уговорить" его уйти с ней - "*am briatharachadh i leatha è*". Но у матери всегда был готов ответ. В доме был мальчик, выздоравливающий от лихорадки, и он услышал все эти слова, выучил их и впоследствии сложил песню: после крещения ребенка фея больше не возвращалась.

Вот эта песня. Я попытался разделить слова так, чтобы передать ритм мелодии, но не уверен, что мне это удалось. Ф. К.

Я отдал черновую копию мисс Маклеод из Маклеода в Данвегане и хотел бы получить ее или копию обратно, если это не затруднит. Моя первая рукопись нелегко читается, и я переделал из нее вот это.

Фея: "S e mo leanabh mileanach
Seachd Maileanach
Seachd Dhuanach,
Gual na lag; 's lag na luineach
Nach d' fhàs "nacach".

[Чтец не понимает gnathach, common].

Мать:-Se mo leanabh ruiteach (цвет румяный)
Reamhar molteach
Miuthear mo luachair
Ohog ri mnathan
M' eòin 'us m' uighean

On thug thu muine leat
'Us maire leat
'Us mo chro dh lùigh
'Us mo lochraidh leat.

Мать: - Bha thu fo 'm chrìos an uire
'S tha thu 'm bliadhna
Gu cruinn buanach
Air mo guailain
Feadh a bhaile.

Фея:-Thug go gu gòrach (толстый, чтец)
Mnath 'n òg a bhaile
Lan *shaochail*^[36] uimach
Thug go gu gòrach
Le 'n ciabhan dhonna
Le 'n ciabhan troma

[Сначала он сказал где-то: "Le 'n cìochan corrach"? место].

Thug go gu gòrach
S le 'n suilean donna

Мать: Se sin Leoid
Na lorg 's na luireach
Se Lochlan bu dachas dhuit
O fire fire nì mi uimad
Cìreadh do chinn
Nì mi uimad.

Фея:- Огонь огня nì mi uimad
Cha tu an uan beag
Nì mi uimad
Crodh 'us caorich
Nì mi uimad.

Мать:- Огонь горит nì mi uimad
Breachan chaola
Ни ми уимад
Огонь ни ми уимад
A bhog mhilladh (? fileadh. О мягкий солдат, мягкий мой)
O bhòg 's leam thu
O bhog mhillidh bhog
Mo bhrù a rug
O bhog mhillidh bhog
Мо чиох - бандит
O bhog mhillidh bhog
Mo gluin a thog
O bhog mhillidh

Bho 's leam thu.

Фея:-B' fheàrr leam gu faic mi do bhuaille
Gu àrd àrd an iomal sleibhe
Còta geal cateanach[37] uaine
Mu do ghuailain ghil 'us léine.

Сестра:-B' fhearr leam gu faichean do sheisearach
Fir na deance (?) a cuit shil
Gu rò do cheol air feadh do thalla (земля или зал)
Leann bhi ga gabhail le fion
Bhog mhilidh bhog
'S leam thu.

И так она произносит стих каждый день, а если это не помогает, она приходит на следующий и делает другой, и малыш сочиняет песню, которую он сидит и слушает. Когда ребенка крестили, она ушла и больше не возвращалась.

Н.Б. - Я подобрал стихи к каждому персонажу, как мог, не зная о них ничего, кроме двух последних, которые поместил чтец.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Песня феи в рукописи очень трудна для чтения. Она была написана фонетически, и теперь в некоторых местах нечетко. Приведенные ниже транслитерация и перевод мистера Дункана Мак Айзека из Обана показывают вероятное прочтение, и этого может быть достаточно, учитывая слова заклинания феи, чья мистическая дикция, похоже, была консервативного свойства и влияла на реакцию матери младенца.

Fairy-'S e mo leanabh mì-loinneach
Seac maoileanach
Seac ghuanach,
Guailne lag, 's lag 'n a lùireach
Nach d' ùisinnicheadh.

Мать: "S e mo leanabh ruiteach
Reamhar moltach
M' iubhar mo luachair
A thog ri mnathan
M' eòin is m' uighean
O 'n thug thu m' ùine leat
Is m' aire leat
Is mo chrodh-laoigh
Is mo laochraidh leat.

Мать: - Bha thu fo 'm chrìos an uiridh
'S tha thu 'm bliadhna
Gu cruinn buanach
Air mo ghualainn

Feadh a' bhaile.

Фея: - Thuth gò gugurach
Mnathan òg a' bhaile
Làn shòghail uidheamach
Thuth gò gugurach
Le 'n ciabhan donna
Le 'n ciabhan troma
Головорез гугурач
Le 'n cìochan corrach
'S le 'n sùilean donna.

Мать: "S e sin Leòid
'N a lorg 's 'n a lùireach
'S Lochlann bu dùthchas dhuit
O fire fire nì mi umad
Cìreadh do chinn
Nì mi umad.

Фея:- Огонь огня нì mi umad
Cha tu an t-uan beag
Nì mi umad.
Crodh is caoraich
Nì mi umad.

Мать:- Огонь горит нì mi umad
Breacain chaola
Nì mi umad
Огонь горит нì mi umad
A bhog mhìlidh
O bhog 's leam thu
O bhog mhìlidh bhog
Mo bhrù a rug
O bhog mhìlidh bhog
Mo chìoch a thug
O bhog mhìlidh bhog
Mo ghlùin a thog
O bhog mhìlidh
Bho 's leam thu.

Фея:-B' fheàrr leam gu faic mi do bhuaile
Gu àrd àrd 'an iomall sléibhe
Còta geal caiteineach uaine
Mu do ghualainn ghil is léine.

Мать:-B' fheàrr leam gu faicinn do sheisreach
Fir na deannaige a' cur sìl
Gu robh do cheòl air feadh do thalla
Leann 'bhi 'g a ghabhail le fion

Bhog mhlidh bhog
'S leam thu.

Фея: - Он - мое некрасивое дитя,
исхудалый, лысый и легкомысленный,
Слабоплечий и слабый в своем снаряжении,
Которые не были использованы.

Мать: - Он мой румяный ребенок, пухлый и достойный похвалы;
Мое тисовое дерево, мой камыш, выращенный для женщин;
Моя птица и мои яйца, поскольку ты не торопишься с ними,
Моя бдительная забота, мои телята и мои герои с тобой;
В прошлом году ты был под моим поясом,
В этом году ты аккуратно собран
Непрерывно на плече моем
Через весь город.

Фея: - Хух гугурах,
Молодые женщины города, любящие лакомства и наряды,
Хух гугурах,
С их каштановыми кольцами, с их тяжелыми локонами,
С их крутой грудью, с их карими глазами.

Мать: - Это Мак Леод по наследству.
В своем почтовом плаще;
Твое происхождение - скандинавское;
О, поттер, поттер, расчесать твою голову,
Я сделаю это для тебя.

Фея:- О, о, о, о, о, о, я сделаю это;
Ты не маленький ягненок.
Я сделаю о тебе,
Скот и овец я сделаю из тебя.

Мать:- Мать, мать, я сделаю для тебя,
Узкие пледы я сошью для тебя,
Мать: - О, отец, я сошью для тебя, мягкий воин,
О нежный, ты мой, ты мягкий воин,
Плод моего чрева, ты мягкий, нежный воин,
Принявший грудь мою, ты, мягкий чемпион,
Воспитанный на моих коленях, ты, нежный чемпион,
Поскольку ты мой.

Фея: - Я бы предпочла увидеть твой кокошник
Высоко, высоко на плече горы,
Белый плащ с зелеными оборками,
На белых плечах твоих, и рубашку.

Мать:- Я бы предпочла увидеть твою упряжку лошадей,

И людей, что горстями сеют семена,
И чтобы музыка твоя звучала в зале твоём.
В сопровождении эля и вина;
Ты нежный чемпион,
Ты мой.

Покойный Кэмпбелл с острова Айла в следующем письме, выдержки из которого мы приведем, упоминает о намерении мистера Кэмпбелла опубликовать книгу в недалеком будущем.

Ниддри-Лодж, 16 января 1871 года.

Благодарю вас за ваше письмо от 10-го числа, которое дошло до меня в субботу, по возвращении на Тири.

Я буду очень рад помочь однофамильцу и служителю Хайленда, занимающемуся литературным трудом, к которому я сам проявляю особый интерес. Я повторяю свое послание и прошу вас внести мое имя в список подписчиков, если таковой у вас имеется. Я буду очень рад прочитать вашу книгу. Я не публикую больше гэльских сказок, но я собираю их, и, возможно, когда-нибудь я опубликую подборку, или аннотацию, или что-то еще из большой массы, которую я собрал. Если у вас есть что-то от ваших сборов, возможно, лучшим планом будет нанять какого-нибудь хорошего переписчика и т. д. и т. п. Если у вас есть намерение публиковаться, я прошу вас не думать о том, чтобы присылать мне свои собрания. Но все присланное будет тщательно сохранено.

Суеверия очень интересны, но я опасаясь, что люди не станут доверять свои суеверия священнику. Среди других вопросов, заслуживающих внимания, - суеверные обычаи, связанные с птицами.

Они преобладают в Шотландии и идентичны жертвоприношениям негров, среди которых путешествовали Спик и Грант - так сказал мне Грант. Все, что связано со змеями, представляет особый интерес из-за масштабов древнего поклонения змеям, о чем см. большую книгу Фергюсона "Поклонение деревьям и змеям в Индии и других странах". Связь между поклонением деревьям и колодцам в Индии и в Шотландии, да и вообще в старом мире, заслуживает изучения; также все, что напоминает ведические формы религии, о которых вы можете узнать, прочитав перевод "Ригведы Санхита" Уилсона и работы Макса Мюллера. Интересно все, что связано с морем. Предполагается, что арии были выходцами из Центральной Азии, для которых море должно было быть большой загадкой.

Так вот, у всех арийских народов есть любопытные поверья, обряды и обычаи, связанные с выходом в море, *например*: нельзя свистеть в море; нельзя называть мышь *Лудс* в Аргайле, а *Биаст Тиге*; нельзя произносить в море береговые названия *fine* или *low*, а использовать морские термины; все это любопытно и очень трудно понять. Даже мне они не признаются в своей вере в сверхъестественное. У меня есть много материала, который может быть вам полезен, и я буду рад вам помочь, потому что за границей царит некий узколобый дух, о котором говорится в газете, которую я посылаю с этим письмом. Весьма вероятно, что весной или летом я смогу побывать на западе.

Искренне Ваш,

Л. Ф. КЭМПБЕЛЛ.

В следующем письме речь идет о самой длинной и сложной сказке, устно сохранившейся в Горных горах, - "Пиявка на ноге Киана". Версия, о которой упоминает Айлей, до сих пор не напечатана. Она хранится вместе с частью его рукописей в Библиотеке адвоката в Эдинбурге, а краткое изложение ее содержания было опубликовано мной в *"Folk-Lore"*, Vol. I., p. 369. Фрагментарная версия мистера Кэмпбелла была напечатана и переведена им самим в *"Transactions of the Gaelic Society of Inverness, 1888"*. Еще одна фрагментарная версия, собранная преподобным Д. Макиннесом, будет найдена в томе II этой серии. Старейшая известная версия, упомянутая в этом письме, была отредактирована и переведена мистером Стэндишем Хейзом О'Грейди в книге *"Сильва Гаделика"* с рукописи XV века. Пересказ этой истории, основанный на всех версиях, можно найти в книге мистера Джейкоба *"Больше кельтских сказок"*. N.

May, 4, 71. Ниддри Лодж,

Кенсингтон.

Мой дорогой сэр,

На днях я послал вам рецензию *"Таймс"* на "Оссиана" Клерка, чтобы развлечь вас, а также газету с рассказом о боях в Париже, где я был на Пасху.

Вчера вечером я получил ваше письмо и бандероль от 1 мая и только что прочел рассказ. Она написана очень хорошо, язык простонародный и совершенно подлинный: поскольку у меня теперь 20 томов и еще половина, я могу судить. Ваш вариант рассказа, аннотацию к которому я вам послал. Если я когда-нибудь опубликую эту историю, я вижу, что должен буду слить версии и выбрать из большинства различных прочтений, под названием "Лечинг Кхене - нога". Эта история упоминается в Каталоге библиотеки графа Килдэра среди ирландских книг, 1526 г. (Harleian MSS., 3756, Brit. Museum). Я передал эту информацию Килдэру, который долго искал, что же имеется в виду, но в Ирландии ему ничего не смогли сказать. Я встретил его на свадьбе Лорна и одолжил ему свою копию, 142 страницы из устной декламации. Теперь вы прислали мне еще 19 страниц и 3 из другой версии, 22. Мы уже восстановили кое-что из истории, которой по меньшей мере 345 лет.

Поэтому традиция достойна уважения; сравнение версий дает справедливую оценку силе народной памяти, так что письменный гэльский фольклор является своего рода мерилем для других и более древних письменных традиций. Но поскольку все старое в истории изначально было традицией, исследование, как я считаю, стоит хлопот. Чем больше мы сможем написать, тем больше я буду доволен. Я чрезвычайно обязан вам и надеюсь когда-нибудь поблагодарить вас лично.

Я,

Искренне Ваш,

Л. Ф. КЭМПБЕЛЛ.

[32] Руль приводился в действие за счет того, что его захватывали плечи рулевого, когда он двигался вперед-назад (*'g a cheapadh le 'shlinneanan a null 's a nall*).

[33] *A' chama-dhubh*, кость животного между коленом и плечом (*na bha de'n chnàimh eadar an glùn agus an t-alt-lùthainn*).

[34] Это обсуждение, несомненно, касается того места, где, по преданию, щетина кабана ранила Диармайда, когда он измерял длину мертвого зверя - А. С.

[35] Гектор Маклин, Баллигрант, остров Айла: ныне мертв.-А. С.

[36] *Suobhcail* или *saobh chiall*.

[37] Волосатый, грубый, лохматый.

Арчибальд Синклер Принтер Celtic Press, 10 Bothwell Street, Glasgow.

ПОДБОРКА ИЗ

МР. СПИСОК РАБОТ ДЭВИДА НАТТА

НА

Кельтские древности и филология.

У огня: Ирландские гэльские народные истории. Собраны, отредактированы, переведены и аннотированы Дугласом Хайдом, магистром философии; с дополнительными примечаниями Альфреда Натта. 8vo. lviii, 203 pages. Ткань. 7s. 6d. Ирландский язык, напечатанный ирландским шрифтом.

* Один из лучших последних сборников ирландских народных сказок.

BY WHITLEY STOKES, LL.D.

On the Calendar of Oengus. Состоит из текста, перевода, глоссарного указателя и примечаний. 4to. 1880. xxxi, 552 стр. 18 с. нетто.

Солтэр на Ранн (Псалтырь шестов или четверостиший). Сборник ранних среднеирландских поэм. С глоссарием. 4to. 1883. vi, 153 pp. Nett 7s. 6d.

Старые ирландские глоссы в Вюрцбурге и Карлсруэ. С переводом и указателем. 1887. 345 стр. 5s нетто.

Древнейшие датированные остатки гэльского или любого кельтского языка.

Глоссарий Кормака. Переведено и отредактировано покойным Джоном О'Донованом, с примечаниями и указателями В. С. Калькутты. 1868. 4to. Несколько оставшихся экземпляров, чистыми £1 10s.

* Один из самых ценных остатков старой ирландской литературы для филолога и мифолога.

The Bodley Dinnsenchas. Отредактировано, переведено и аннотировано. 8vo. 1892. Nett 2s. 6d.

The Edinburgh Dinnsenchas. Edited, Translated, and Annotated. 8vo. 1893. Чистыми 2 с. 6d.

Динншенхас" - сборник топографических легенд одиннадцатого века, один из самых ценных и достоверных памятников ирландской мифологии и легенды. В этих двух публикациях представлены почти три четверти сборника в том виде, в каком он сохранился в ирландских MSS. Основная часть "Динншенхов" никогда ранее не публиковалась ни на ирландском, ни на английском языках.

ПРОФЕССОР КУНО МЕЙЕР.

Cath Finntraga. Под редакцией и с английским переводом. Small 4to. 1885. xxii, 115 pp. 6s.

Merugud Ulix Maicc Leirtis. Ирландская Одиссея. Под редакцией, с примечаниями, переводом и глоссарием. 8vo. 1886. xii, 36 pp. Ткань. Отпечатано на бумаге ручной работы, с широкими полями. 3s.

The Vision of Mac Conglinne. Ирландский текст, английский перевод (переработка Хеннесси), примечания и литературное введение. Crown 8vo. 1892. liv, 212 pp. Ткань. 10s. 6d.

* Один из любопытных и интересных остатков средневекового ирландского рассказа. Энергичная и энергичная раблезианская сказка, одинаково ценная как для изучающих литературу, так и для изучающих ирландские легенды.

АЛЬФРЕД НАТТ.

Исследования легенды о Святом Граале с особым упором на гипотезу о ее кельтском происхождении. Demy 8vo. xv, 281 pp. Ткань. 10s. 6d. net.

'Une des contributions les plus précieuses et les plus méritoires qu'on ait encore apportées à l'éclaircissement de ces questions difficiles et compliquées.'-Mons. Гастон Парис в *Румынии*.

'Эти очаровательные исследования легенды о Граале.'-The *Athenæum*.

'Достижение глубокой эрудиции и мастерской аргументации, и его можно приветствовать как искупление английской учености от давнего упрека.'-The *Scots Observer*.

Кельтский миф и сага. Отчет о литературе, связанной с этим предметом. 1887-1 888. (*Archæological Review*, October, 1888.) 2s. 6d.

Милостыня Будды и легенда о Святом Граале. (*Археологическое обозрение*, июнь, 1889). 2s. 6d.

Кельтские мифы и саги. Отчет о литературе, связанной с этими предметами, 1888-1 890 гг. (*Folk Lore*, June, 1890). 3s. 6d.

Отчет о книгах Кэмпбелла с острова Айла, хранящихся в Библиотеке адвокатов в Эдинбурге. (*Folk-Lore*, September, 1890). 3s. 6d.

Рецензия на издание Хеннесси "Меска Улад". (*Archæological Review*, May, 1889.) 2s. 6d.

Критические заметки о народных и героических сказаниях кельтов. (*Celtic Magazine*, август - октябрь 1887 г.). 5s.

Кельтский миф и сага. Отчет о литературе, связанной с этими предметами. 1891-9 2. (*Folk-Lore*, 1891). 3s. 6d.

Примечание транскриптора

Очевидные типографские ошибки были исправлены; насколько это возможно, однако, сохранены оригинальные орфография и форматирование. Никаких исправлений в напечатанный гэльский текст не вносилось, за единственным исключением - третья встреча "Fire fire nì mì umad" на странице 145, которая была напечатана с ошибкой.

В печатной версии книги между страницами 34 и 35 была вставлена нумерованная страница с примечанием редактора. В данном файле примечание помещено в рамку, снабжено подзаголовком "Примечание редактора" и перенесено непосредственно после абзаца, к которому оно, по-видимому, относится, на страницу 35.

В печатной книге сноски были представлены непоследовательно: иногда они появлялись внизу страницы, иногда - в конце разделов. В этой книге все примечания были стандартизированы и перенесены в конец соответствующего раздела, иногда рядом с уже имеющимся разделом "Примечания".

В этом файле форматирование раздела "Игры для мальчиков", которое было внутренне непоследовательным, было стандартизировано для большей ясности.